

Лиля Гурьянова Дмитрий Васильев Мертвая зона. Города-призраки: записки Сталкера

Сделано в СССР –

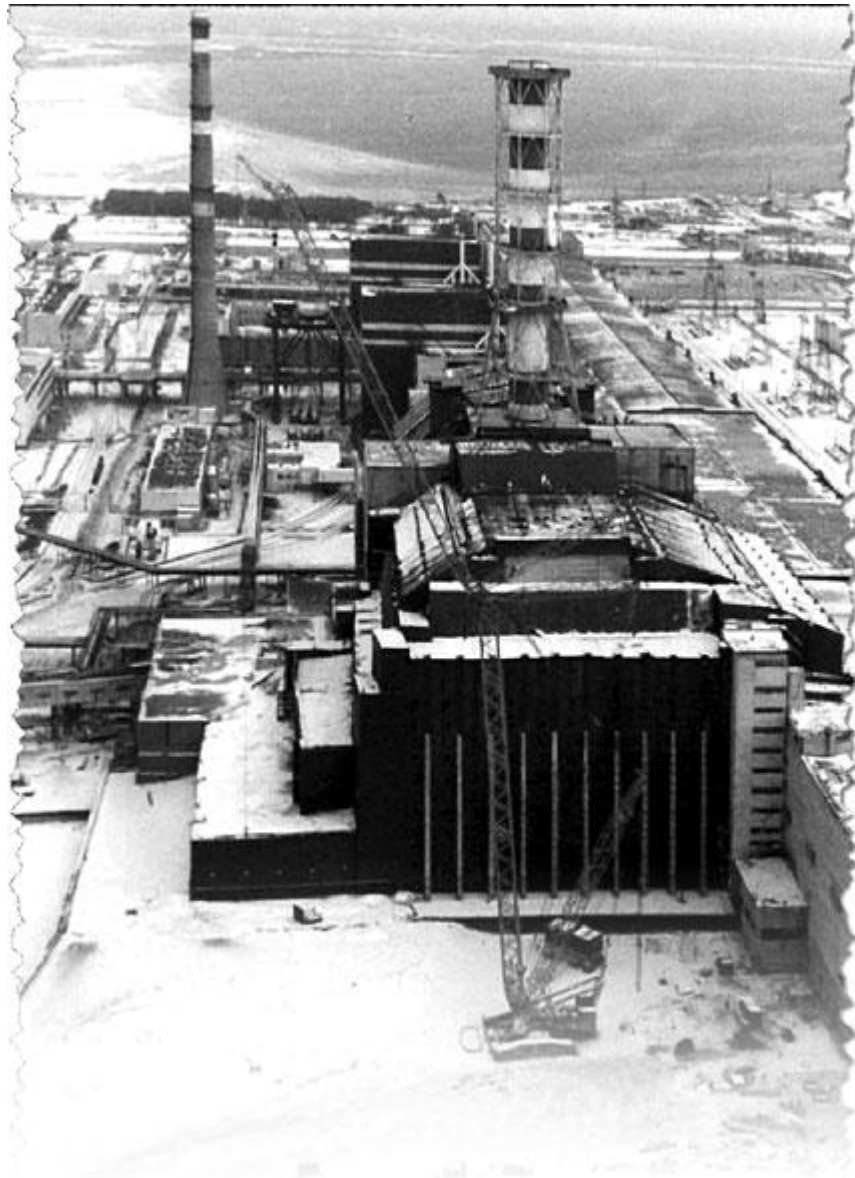
Л. Гурьянова, Д. Васильев
Мертвая зона. Города-призраки

От редакции

Обе части этой книги объединяет лишь тема. Они были написаны разными людьми и в разное время. Но в книге они находятся рядом, прекрасно дополняя друг друга. Так случилось потому, что редакция не захотела «окультуривать» и приглаживать впечатления людей, которые побывали в мертвых городах, городах-призраках.

Истории у городов-призраков разные, и в то же время такие похожие. Как и судьбы их бывших жителей, многие из которых до сих пор не могут забыть, понять и простить...

Часть 1

Мертвая зона. Чернобыль

У каждого журналиста своя судьба. Правда, многие из нас долго ищут свое призвание, свой путь в журналистике; иногда на это уходят годы. Я окончила факультет журналистики Ленинградского государственного университета в 1981 году и пять лет занималась, как говорится, «всем понемногу»: пыталась писать политические обозрения, пробовала себя в жанре очерка, дневала и ночевала в бригаде «информационщиков», обеспечивающих ежедневные «Новости» для газет. Вместе со мной (так уж получилось) почти постоянно работал мой университетский друг и коллега – Виктор Еременко. С Витькой мы дружили со студенческой скамьи, вместе ездили с общей компанией в палаточные походы на Черное море и вообще понимали друг друга с полуслова.

В январе 1987 года мы – опять же вместе! – устроились работать в солидное издание, в один из первых отечественных глянцевого журналов с неоригинальным названием «Жизнь». Несмотря на незатейливость названия, коллектив в «Жизни» подобрался хороший, не вредный, а платили там по меркам тех лет просто сногшибательные зарплаты и гонорары! Судьба улыбнулась нам. Мы с Витькой благоденствовали в дружном «жизненном» коллективе до весны – пописывали необременительные статейки на общие темы, тратили денежки в свое удовольствие и надеялись, что так будем жить еще долго, лучше бы – всегда! И тут в наши двери постучалась журналистская судьба.

В конце апреля нас вызвал к себе главный редактор и сказал:

– Ребята, есть дело! Работа, которую, кроме вас, никто хорошо выполнить не сможет. Через две недели исполняется год с момента аварии на Чернобыльской АЭС. Надо сделать серию репортажей оттуда, из Чернобыльской зоны. Я нашел людей, которые помогут вам инкогнито попасть в Зону, покажут вам Припять, повозят по селам. Сами понимаете, в официальных материалах мы не заинтересованы, нам нужно увидеть Зону изнутри, побывать там, куда «нормальных» журналистов не пускают. Теперь самое главное. Наши немецкие коллеги предлагают за эти материалы...

Тут редактор назвал такую сумму, что мы на некоторое время онемели. Эта сумма могла обеспечить наше будущее на несколько лет вперед. Но я бы сумела отговорить Витьку от этой безумной затеи! Сумела бы, если бы таким знакомым огоньком не загорелись его глаза в тот день в кабинете Главного. Как только я увидела этот блеск в Витькиных глазах, я сразу поняла, что в Чернобыль нам ехать придется. Потому что мой друг всегда был великим авантюристом, и любое приключение манило его с непреодолимой силой.

22 апреля 1987 года, когда вся наша, тогда еще большая и дружная, страна уже вовсю готовилась к Первомайским праздникам, мы сели в самолет и отправились в Киев.

Хроника Чернобыля

26 апреля 1986 года на Чернобыльской атомной станции в ходе эксперимента произошла проектная авария. Благодаря мужественной работе пожарников и обслуживающего персонала к утру аварию удалось локализовать. В настоящее время ситуация находится под контролем. Радиационный фон в Чернобыле и Киеве – в пределах нормы. Данных о погибших и пострадавших во время аварии на ЧАЭС нет.

Газета «Киевская правда», № 97, 12 мая 1986 года.

Итак, ранним апрельским утром 1987 года мы с Витькой оставили наш старый «Жигуленок» на стоянке перед аэропортом Пулково и отправились выполнять очередное журналистское задание. Согласно полученным от главного редактора инструкциям, мы гордо прошествовали мимо касс и постучали в дверь, на которой красовалась странная надпись «Спец-дежурный». Нам разрешили войти, и мы предъявили свои документы хмурому человеку в летной форме, который сидел за столом в тесном прокуренном кабинете. Хмурый человек молча кивнул и препроводил нас на взлетное поле, к трапу Ту-134. У трапа он почему-то вздохнул, пожал нам руки и, так и не произнеся ни слова, удалился в свой «спец-дежурный» кабинет.

Народ в самолете (который, разумеется, тоже был специальным) собрался самый «разношерстный»: были солидные дяденьки в костюмах и с «дипломатами», были веселые парни в джинсах и футболках, с выдавшими виды рюкзаками за спиной. Все были слегка возбуждены. Чувствовалось, что там, куда мы собираемся лететь, жизнь протекает необычная, может быть, даже опасная...

Витька тут же перезнакомился с доброй половиной попутчиков, не отказался и от рюмочки, предложенной парнями в джинсовой экипировке, о чем-то серьезно пошептался с деловыми дяденьками в костюмах. В общем, активно вписывался в обстановку, старался разузнать как можно больше. Увы, никто ничего о своем предстоящем пребывании в Чернобыльской зоне, как я поняла, толком не знал. Летели туда добровольцы – инженеры, химики, шоферы, строители. Какие-то работы по ликвидации последствий чернобыльской аварии в Зоне продолжали вестись, вот на эти работы они и подрядились. Вроде радиация там уже совсем низкая, почти в норме, никакой опасности нет. Зато платят на этих работах хорошо, есть смысл потрудиться.

– Ладно, – сказал Витька, наконец усевшись рядом со мной в кресло, – прилетим, там все и увидим. Сами поглядим, какая она – Чернобыльская зона.

Хроника Чернобыля

25 апреля 1986 года, на Чернобыльской АЭС готовились к остановке четвертого энергоблока на планово-предупредительный ремонт.

Во время остановки блока по утвержденной главным инженером Н. М. Фоминым программе предполагалось провести испытания с отключенными защитами реактора в режиме полного обесточивания оборудования АЭС. Проведение подобного опыта в последние годы предлагалось многим атомным электростанциям, но все отказывались – слишком рискованно. А руководство Чернобыльской АЭС согласилось.

Как правило, программы таких работ готовят заранее, согласовывают с главным конструктором реактора, генеральным проектировщиком электростанции, Госатомэнергонадзором. Кроме того, такие испытания разрешается проводить только после глушения реактора. Реактор перед этим должен находиться в стабильном, управляемом режиме, имея регламентный запас реактивности.

Программа испытаний, утвержденная главным инженером Чернобыльской АЭС Н. М. Фоминым, не соответствовала предъявляемым к такого рода испытаниям требованиям.

За 2 недели до эксперимента на панели блочного щита управления четвертого энергоблока была врезана кнопка МПА – максимальной проектной аварии. Но врезана она была так, что сигнал этой кнопки был чисто имитационный. При срабатывании аварийной защиты (АЗ) все поглощающие стержни реактора падают вниз, врубается охлаждающая вода, включаются аварийные насосы и разворачиваются дизель-генераторы надежного электропитания. Включаются также и другие средства защиты реактора, которых даже в самой критической ситуации, как правило, бывает достаточно, чтобы избежать серьезной аварии. Все эти «защиты» и должны были быть выведены на кнопку МПА. Но кнопка эта на ЧАЭС была обыкновенной фальшивкой.

Это значит, что еще за 2 недели до аварии был нарушен главный закон атомной энергетики – обеспечение безопасности работы реактора. Но ни одного из руководителей станции это почему-то не обеспокоило...

День первый

От Петербурга (тогда еще Ленинграда) до Киева лететь недолго, меньше двух часов. Очень скоро наш самолет приземлился в аэропорту Борисполя. Прямо к трапу подали автобус, и мы, на какой-то безумной скорости проскочив Киев, вылетели на трассу, ведущую

к Чернобылю. Апрель, как и год назад, стоял на удивление жаркий, всюду цвели сады вдоль дороги. Прекрасная земля лежала вокруг – теплая, ласковая, уже совсем летняя. Вот только машин на дороге было мало: за час быстрой езды мы встретили лишь два газика. Недалеко от Дидятки – первого КПП на пути к станции – автобус тормознул у обочины. Открылись двери, в салон легко вскочил мужчина лет сорока – невысокий, смуглый, кареглазый. Пожал руку шоферу, обернулся к салону:

– Кто тут журналисты? Покажитесь!

Мы с Витькой послушно подняли руки, как в школе.

– Меня зовут Володя Шинкаренко, – представился новый спутник. – Я, можно сказать, абориген, из Припяти после аварии не уезжал. Вы едете в город по моему приглашению, с вашим начальством мы все обговорили. Теперь так: вы, наверное, в курсе, что журналистам без специального разрешения въезд в Зону запрещен?

– Знаем! – дружно кивнули мы.

– Чудненко, – улыбнулся Шинкаренко. – Значится, сделаем так: сейчас вы ляжете на пол возле задних сидений, а мы с ребятами забросаем вас тюками с одеждой, которые автобус везет вахтовикам; тюки лежат в багажнике. Спросят на КПП, скажем: заело в багажнике дверь, вот и везем весь груз в салоне. Ребята с нами едут умные, никому не расскажут, правда? – он, посмеиваясь, осмотрел сидящих в автобусе.

– Пра-а-авда! – охотно откликнулись наши попутчики.

– Мы не болтливые! – добавил молодой паренек на переднем сиденье.

– И вообще нас это не касается! – поддержал его мужчина в костюме и с дипломатом на коленях. – Мы по своим делам едем, а вы – по своим.

– Вот и правильно, – мигом посерьезнев, похвалил их Шинкаренко. – Так и дальше мыслите, в том же ключе. Помните: Зона болтливых не любит. Здесь болтливый человек запросто пропасть может насовсем. Был и – нету. А где искать? Зона большая...

На секунду в салоне автобуса наступила тишина. Было как-то очень понятно, что наш новый знакомый уже не шутит. Мгновенье назад веселые глаза его вдруг стали холодными, а белозубая обаятельная улыбка исчезла, будто ее и не было вовсе.

– Ну, чего все загрустили? – снова заулыбался Шинкаренко. – Ехать надо! Вы, – он кивнул нам с Витькой, – устраивайтесь поудобнее на полу, а вы, ребята, кто-нибудь, помогите перетащить тюки из багажника!

Через пятнадцать минут мы смиренно лежали на жестком, грязном полу автобуса, а сверху на нас были аккуратно сложены тяжелые тюки. Правда, надо отдать должное Шинкаренко, он заботливо оставил нам несколько отверстий в «тюковой» пирамиде – чтобы можно было дышать.

Как и о чем шли переговоры на КПП Дидятки, мы не слышали и не видели. Вероятно, все образовалось наилучшим образом, потому что автобус наш очень быстро снова тронулся в путь. Ребята во главе с Шинкаренко бодро скинули с нас маскировочный груз.

– Вылезайте, нелегальщики! – скомандовал Володя. – Вот, возьмите, – он протянул нам закатанные в прозрачные «корочки» прямоугольные картонки. – Это – ваши документы. В Дидятках они не годились, а на КПП «Припять» уже вполне сойдут. Там считают, что раз Дидятки пропустили, значит, все проверено.

Я заглянула в свой документ. Там были написаны мои имя и фамилия, кроме того, в графе «пункт приписки» было означено: НПО «Спецатом». На обратной стороне картонки красовалась печать: «05».

– «05» – это разрешение ездить по всей Зоне и заезжать в Припять, – пояснил нам Шинкаренко. – С такой бумажкой вы теперь здесь практически неуязвимы.

– А если нас спросят, кто мы, зачем и откуда? – с сомнением поинтересовался Витька.

– Не спросят, – усмехнулся Шинкаренко. – Я ж тебе сказал уже: в Зоне люди лишнего не болтают. И не спрашивают чего не надо. Тем более мы вас всех сейчас переоденем как положено.

Автобус свернул с шоссе на какую-то узенькую грунтовую дорогу и через несколько

минут подъехал к железному ангару.

– Так, граждане, дружно выходим, – скомандовал Шинкаренко, – топая в ангар и там переодеваемся.

В ангаре хмурые мужики быстро подобрали нам всем «пятнашку» и широкие кожаные ремни. К ремням прилагались острые узкие ножи в ножнах.

– Наденьте на пояс, – велел Шинкаренко. – В Зоне много диких собак развелось, бывает, бросаются на людей. Если кинутся, бейте в горло.

Мы с Витькой растерянно переглянулись. Нет, всякое, конечно, бывало в нашей журналистской жизни, но чтобы перерезать горло живому существу, пусть даже и собаке... Тем более – собаке!..

– Ничего-о-о! – словно подслушав наши мысли, усмехнулся наш проводник. – Когда она на вас кинется с оскаленной пастью, вы быстро свои интеллигентские штучки забудете! Как говорится, не до жиру, быть бы живу. Тут такие законы.

Переодевшись, тронулись дальше. наших попутчиков шофер высадил у Станции, мы же отправились дальше – в Припять.

Хроника Чернобыля

Руководство Чернобыльской АЭС не беспокоило и то, что в программе проведения эксперимента раздел о мерах безопасности был составлен чисто формально. Несмотря на рискованность испытаний, никаких дополнительных мер предусмотрено не было. Более того, программа предполагала отключение системы аварийного охлаждения реактора (САОР), а это значило, что в течение всего эксперимента (около 4 часов) общая безопасность реактора будет снижена. Казалось, их вообще мало что беспокоит – словно они возглавляли какой-нибудь не слишком крупный Дворец культуры или пионерский лагерь, а не атомную станцию. Через 2 недели этих людей признают виновниками самой крупной техногенной катастрофы со времен существования человечества. А пока они улыбаются киевлянам со страниц газет и с экранов телевизоров, передающих киевские программы «Новостей». Какими они были, эти люди?

Директор станции Виктор Брюханов – невысокий, смуглый, кудрявый. Первое впечатление – очень мягкий человек, покладистый. По профессии – турбинист, с отличием окончил Энергетический институт, работал на Славянской ГРЭС. Говорят, работал очень грамотно. Трудолюбив, бывало, сутками не уходил с работы. Увы, в атомной энергетике смыслил мало, не атомщик по образованию. И тем не менее был выдвинут начальством Минэнерго на пост директора Чернобыльской атомной станции. Приняв станцию, работал по-прежнему самоотверженно, вот только почему-то на руководящие посты проводил в основном опять же не атомщиков, а бывших работников тепловых станций. Считал, видимо, что атомной станцией могут прекрасно руководить и те, кто практически ничего не смылит в атомной энергетике. Впоследствии это его убеждение обернется бедой для всей страны...

Николай Фомин, заместитель главного инженера по эксплуатации, пришел на станцию по рекомендации Брюханова. Электрик по образованию и опыту работы, пришел в Чернобыль с Запорожской ГРЭС. Улыбчив, белозуб, темные глаза постоянно восторженно блестят. Очень работоспособен, исполнительен и требователен. Постоянно пребывает в напряжении, как туго скрученная пружина. Импульсивен, честолюбив. Злопамятен. В конце 1985 года Фомин попал в автомобильную катастрофу, в которой повредил себе позвоночник. У него был длительный паралич. Но – могучий человек – Фомин справился с болезнью и вернулся на работу. Правда, прежним он уже так и не стал, чувствовалась с тех пор в нем какая-то заторможенность.

Заместитель главного инженера по эксплуатации Анатолий Дятлов. Худощавый, седой, взгляд уклончивый и тяжелый. Характер трудный, неуживчивый, злопамятный, очень упрямый. Все реакции – замедленные. До Чернобыля

заведовал физлабораторией на одном из предприятий Дальнего Востока. На АЭС никогда не работал. Тепловых схем станции и уран-графитовых реакторов не знал. Говорят, в нем совершенно не были развиты чувство опасности и умение быстро реагировать в критических ситуациях. Зато сильно было развито неуважение к коллегам и правилам безопасности АЭС.

Итак, под руководством этих троих людей в 1 час 00 минут ночи 25 апреля 1986 года начались испытания на Чернобыльской атомной станции. Через сутки этот эксперимент обернется ядерной катастрофой.

Припять. Год спустя

На КПП «Припять» мы приехали как «порядочные» – должным образом одетые, с документами в кармане и исполненные собственного достоинства. Молоденький солдатик открыл нам тяжелые железные ворота – город был обнесен «колючкой» по периметру и попасть в него можно было только через этот военный пост. Солдатик мельком глянул наши документы, буркнул:

– Дозиметры включите, грязно, – и отправился в свою будку.

– А и точно, – весело согласился Шинкаренко. – Приборы надо включить.

Он достал из перекинутого через плечо рюкзака три продолговатых компактных дозиметра и показал нам, как ими пользоваться. Посоветовал:

– Повесьте на пояс, рядом с ножами. Когда будем ходить по чистым местам... ну, относительно чистым, конечно, – усмехнулся он, – прибор будет этак бойко попискивать. А как в «грязь» попадете, он начнет омерзительно выть. Тогда не раздумывайте и прыгайте как можно дальше в сторону, иначе ноги «попалите». Будете потом всю жизнь мучиться.

– Зачем прыгать? – удивился Витька. – Ну, я прыгну от силы на метр, и что?

– А ниче, – охотно пояснил Шинкаренко. – Авось из «пятна» выпрыгнешь. Радиация, она ведь такая: тут – «грязно», а на метр в сторону – уже почти «чисто», пятнами лежит. Ну а коли не выпрыгнешь, прыгай снова, еще дальше. Лучше попрыгать недолго зайцем, чем всю жизнь потом хромать. К тому же с «попаленных» ног кожа потом облезать будет, нарывы пойдут... Тебе это надо?

– Не надо, – послушно согласился Витька.

– Вот и прыгай, – кивнул Шинкаренко, – здоровее будешь.

Так, постигая «Курс молодого сталкера», мы пешком дошли до симпатичного многоэтажного дома на окраине Припяти. Наш проводник нажал кнопку, и в квартире радостно зачирикал «звонок-птица», такие были модны еще в начале 80-х.

– Ого, так тут и электричество есть в городе? – удивился Витька.

– А то ты не слышишь? – улыбнулся Шинкаренко.

Тут только я поняла, что меня смущало с самого первого момента нашего въезда в Припять: над городом радостно и разудало голосило киевское радио.

– В восемьдесят шестом, идиоты, зачем-то замкнули напрямую все «колокольчики» в городе, – объяснил Володя, – С тех пор орет, проклятущее, с шести утра до поздней ночи.

– Кто замкнул? – ошалело поинтересовалась я.

– А бес его знает, – пожал плечами Шинкаренко. – Говорю же – идиоты. Их тут тогда мерено-мерено было, всех мастей и размеров. Эй, Салмыгин! – он постучал в дверь кулаком. – Открывай ворота! Разве так гостей встречают, дикий ты человек?

Дверь нам открыл бородатый мужчина в очках.

– Саша, – представился он, – Салмыгин. Местный фотограф.

– И портретист, – добавил Шинкаренко. – Художник. Летописец наших времен и народов.

– Обедать будем? – не обращая внимания на его «подколки», поинтересовался Салмыгин. – Я тут стол накрыл...

– Обедать!.. – фыркнул Володя. – Ужинать будем, чудила! Девятый час вечера! Пока

ехали, переодевались, снова ехали, пока проверки эти...

– Там Шурик пришел, – сообщил ему Салмыгин. – И Самотесов обещал зарулить.

– Отлично, – кивнул Шинкаренко. – Значит, поужинаем и пойдем в бассейн.

– Куда? – потерянно спросил Витька.

– В бассейн.

– Зачем?

– Купаться. Или у вас там, на «чистой» земле, в бассейн еще за чем-нибудь ходят? – ухмыльнулся Шинкаренко. – Может, мы отстали от жизни?

– Не, у нас тоже купаются, – покивал головой Витька, – Но ведь... радиация?

– То-то и оно, что радиация, – согласился Шинкаренко. – Сие означает, что каждый вечер надо от нее тщательно отмываться. Можно под душем стоять – полчаса, минут сорок. А можно в бассейн пойти поплавать, все веселее. Шурик там, в бассейне, хозяйствует. До «войны» он тренером был по плаванию. Теперь весь бассейн его. Живет он там.

– И много в Припяти таких... жильцов?

– Не, – мотнул головой Володя, – мало. Человек пять, может – шесть.

Шурик оказался веселым и доброжелательным человеком. Худенький, подвижный, он радостно поздоровался с нами и тут же принялся усаживать за стол. А стол, как говорится, ломился...

Только мы расселись, как раздался новый звонок в дверь.

– О! – радостно отправился к двери Шинкаренко. – Самотес пожаловал! Сейчас споем.

– Сережа Самотесов – местный бард, – объяснил нам Шурик. – Пишет песни про Зону. Хорошие песни. Он тут с самого начала, с аварии. Работал шофером на дезактивации. Потом однажды в программе «Время» увидел, как его грузовик «захоранивают»... ну, закапывают в специальную бетонную яму, в «могильник», и рассказывают, что эта машина на работах в Чернобыле получила почти двадцать смертельных доз – по человеческим меркам...

– Ага, сижу я, значит, и думаю: а сколько же тогда я здесь получил за это время? – подхватил вошедший в комнату высокий, крупный, похожий на русского богатыря мужчина с гитарой в руках. – Видать, пора тебе помирать, Самотесов!

– Но не помер же, – буркнул примирительно Шинкаренко, наливая богатырю водки. – Живи, брат, и дальше.

Водка была разлита по стаканам и наступила пауза.

– Давай, Серега, – наконец нарушил повисшую над столом тишину Шинкаренко.

Самотесов взял гитару. Мы были уверены, что споет он сейчас про Зону. Но через секунду сосредоточенно и очень слаженно четверо «сталкеров» грохнули розенбаумовского «Камикадзе».

Я по совести указу
Записался в камикадзе,
С полной бомбовой загрузкой
Лечу.

Весь мой долгий путь – до цели,
Той, которая в прицеле,
И я взять ее сегодня
Хочу.

Рвутся нервы на пределе,
Умирать – так за идею!
И вхожу я в свой последний
Выраж...

Они пели это так, что у меня мороз пробежал по спине. И глаза – я не могла смотреть в

их глаза, такими они стали горячечными и полными боли.

Есть резон своим полетом
Вынуть душу из кого-то
И в кого-то свою душу вложить.

Есть резон дойти до цели
Той, которая в прицеле, –
Да потому, что остальным надо жить!..

Мужики вложили в эту песню свой смысл, и слушать их было страшно. «А ведь они все здесь – обречены, – поняла я вдруг. – И знают об этом...»

Хроника Чернобыля

Эксперимент продолжался. В 1 час 00 минут ночи 25 апреля 1986 года оперативный персонал станции приступил к снижению мощности реактора № 4.

В 14 часов 00 минут была совершена первая грубейшая ошибка – была отключена система аварийного охлаждения реактора (САОР). Основание для отключения было выдвинуто на первый взгляд логичное: надо было исключить возможный тепловой удар при поступлении холодной воды из емкостей системы аварийного охлаждения в горячий реактор. Но ведь в случае максимальной проектной аварии в активную зону все равно пойдет холодная вода! И лучше подать холодную воду в горячий реактор, чем оставить раскаленную активную зону без воды. Эти 350 кубометров аварийной воды из емкостей САОР, через несколько часов, когда начнется разгон на мгновенных нейтронах, сорвет главные циркуляционные насосы и реактор останется без охлаждения, могли бы спасти положение и погасить паровой эффект реактивности, самый весомый из всех. Взрыва удалось бы избежать.

Но Фомин отдал приказ, и этот приказ персоналом станции был выполнен. Почему? Вопрос сложный. Скорее всего, потому, что атомный реактор в те годы воспринимался эксплуатационниками как аппарат чуть посложнее самовара.

Успешная работа АЭС в течение 10 лет способствовала полной уверенности работников станции: с реактором просто не может случиться ничего серьезного. Он не подведет!

По требованию диспетчера Киевэнерго в 14 часов 00 минут вывод блока из работы был задержан. Эксплуатация энергоблока в это время продолжалась с отключенной системой аварийного охлаждения реактора – грубейшее нарушение технологического регламента!

В 23 часа 10 минут снижение мощности было продолжено. Начальником смены четвертого энергоблока в это время был Трегуб.

В 24 часа 00 минут Трегуб сдал смену Александру Акимову, старший инженер управления реактором (СИУР) сдал смену Леониду Топтунову.

В соответствии с программой испытаний выбег ротора генератора предполагалось произвести при мощности реактора 700–1000 МВт. По правилам, такой выбег следовало производить в момент глушения реактора. В этом случае при максимальной проектной аварии срабатывает аварийная защита реактора (АЗ), она глушит аппарат. Но был выбран другой, катастрофически опасный путь – продолжить эксперимент при работающем реакторе. Почему был выбран такой опасный режим? Это и по сей день остается загадкой...

Так или иначе, испытания продолжались. В ходе испытаний старший инженер управления реактором Леонид Топтунов не сумел удержать реактор на мощности 1500 МВт и провалил ее до 30 МВт тепловых. Началось отравление реактора продуктами распада. Это было начало конца...

За столом посидели недолго, затем отправились в бассейн. За окнами к тому моменту

уже совершенно стемнело. Несмотря на наличие в городе электричества, уличные фонари не горели и вокруг была темнота. Темнота полная, беспросветная, такая, наверное, бывает только в мертвых городах, где не светится ни одно окно, где никто не живет уже много месяцев.

Идти до бассейна надо было почти через весь город, и мы ковыляли, все время спотыкаясь в кромешной темноте. Отчего-то было не по себе. Казалось, город смотрит на нас, следит тяжелым взглядом за непрошеными гостями.

– Эй, журналисты! – окликнул откуда-то из темноты Шинкаренко. – Душа в пятках?

– Есть немного, – согласились мы.

– Задействуем туристический вариант номер один, – решил наш проводник. – Закуриваю...

Вспыхнул и погас огонек зажигалки.

– Видите свет? – Шинкаренко поднял руку вверх и помахал тлеющей сигаретой.

– Видим!

– Идите на огонь папироски, как на маяк. По сторонам не смотрите, все равно ничего не видно, смотрите на огонек. А я буду рассказывать анекдоты, чтобы вы сильно не задумывались ни о чем.

Так мы и шли – за путеводным огоньком сталкерской сигареты и за голосом, без усталости рассказывающим нам анекдоты. Кстати, довольно смешные...

Бассейн был как бассейн, обыкновенный, городской – таких много в Питере, в новостройках. Внутри было чисто, все прибрано.

– Ну те-с, кого барменом выберем? – весело спросил Салмыгин, когда мы зашли и огляделись по сторонам..

– Ладно, я побуду барменом, – великодушно предложил Шурик. – Вы купайтесь.

И он действительно отправился в маленькую комнатку с надписью «Кафе» и встал за барную стойку.

– Чай? Кофе? Чего-нибудь покрепче? – услужливо спросил бармен.

– Покрепче бы чего-нибудь! – хором возжелали мы с Витькой.

Ребята рассмеялись.

– Да, с непривычки здесь страшно бывает, – кивнул Шикаренко. – Ощущение такое, что город – это живое существо, которое следит за каждым твоим шагом. Так?

– Так, – откликнулся Витька. – А он... Он какой, город?

– Не бойся, своих не тронет, – успокоил Шинкаренко.

– А чужих?

– С чужими тут может всякое случиться. Только откуда им здесь взяться-то – чужим? Сам видел, запросто на экскурсию сюда не приедешь.

Мы разделись и пошли купаться. Бассейн был большой, пустой, гулкий. Ребята включили музыку, и мы постепенно развеселились. Мы плавали и ныряли, прыгали с вышки, с разбегу бросались в прохладную воду. Потом вылезали и пили горячий кофе, после снова ныряли...

– Эх, хорошо, – жизнерадостно провозгласил Витька, в очередной раз выныривая из глубины вод. – Хор-р-рошо!

– Просто здорово, – усмехнулся вынырнувший рядом Шинкаренко. – А теперь вспомни, что ты находишься за колючей проволокой и вокруг – на сотни километров – нет ни одной живой души, кроме нас. Здесь все умерло...

Я как-то истерично вскрикнула и захлебнулась. Вода показалась вдруг горькой, а наступившая в бассейне тишина – зловещей, пугающей.

– Ладно, – рассмеялся довольный произведенным впечатлением Шинкаренко, – Вылезаем. Кстати, рано еще, детское время... Хотите на экскурсию в Рыжий лес съездить?

– А там что? – с туристическим азартом поинтересовалась я.

– После взрыва очень сильное радиационное облако прошло через этот лесок, и он за сутки пожелтел, хотя был май на дворе. Потом лес превратился в сухостой, но название так и

осталось – Рыжий. Там теперь такое место... любопытное, – Шинкаренко помолчал, подбирая слова. – Ну, «водит», морочит... обманное место. И ощущения такие... Не объяснишь, надо самому побывать. Поедем?

– Поехали! – с готовностью согласились мы.

Рыжий лес

Мы оделись и вышли на улицу. Шурик, Салмыгин и Самотесов остались купаться: Рыжий лес они сто раз видели и ехать туда ночью не пожелали.

– А на чем поедем-то? – спохватился Витька. – У нас нет машины.

– Машины нет, – согласился Шинкаренко. – А во-он там, через улицу, у меня БРДМ припаркован, на нем и поедем.

Мы бодро прошагали до нужного места. БРДМ действительно стоял у обочины.

– Сверху, на броню садитесь! – велел Шинкаренко, – Внутри жарко.

С этими словами он ловко скользнул внутрь машины, которая через минуту заворчала, готовясь отправиться в путь. Мы уселись. Тронулись с места. Прокатили по городу, выехали к КПШ.

– Куда путь держим? – флегматично поинтересовался все тот же дежурный солдатик у ворот.

– Твое какое дело? – жестко отозвался Шинкаренко. – Служи себе, солдат! Давай, открывай ворота! Чужие здесь не ходят, сам знаешь.

Солдатик молча открыл ворота и даже зачем-то честь отдал, втянувшись по стойке «Смирно».

– Вот-вот, молодец, – пробурчал Шинкаренко, снова залезая в кабину. – И молчи побольше, целее будешь.

– Есть молчать побольше! – гаркнул нам вслед солдатик.

– Круто тут у них, – поделилась я впечатлениями с Витькой.

– Зона, – пожал плечами приятель. – Свои законы. Нам не понять...

Рыжий лес оказался обыкновенным сухостоем. Но было в нем и необычное: невысокие мертвые деревья светились в темноте странным голубоватым светом.

– Слезайте, бойцы невидимого фронта, – позвал нас Шинкаренко из голубого сумрака. – Примем по сто грамм фронтовых.

Мы слезли на землю и покорно приняли протянутые стаканчики. Вероятно, здесь было принято регулярно принимать по сто «фронтовых» – чтобы не было муторно на душе. Во всяком случае, за первый день в Зоне мы уже выпили столько, сколько выпили бы за месяц на «чистой» земле. Правда, хмель здесь не брал, как-то выветривался сразу, голова оставалась совершенно ясной.

– Ну, здоровья для! – провозгласил Шинкаренко. – Чтоб радиация не брала. Кстати, дозиметры-то включите.

Мы включили дозиметры на поясе, и они дружно взвыли непрерывным, душераздирающим визгом.

– Прыгать? – неуверенно предположил Витька, помня инструкции.

– Че здесь прыгать-то? – флегматично возразил Шинкаренко. – Рыжий лес кругом. Все «грязно», не упрыгаешь. Страшно?

– Не очень, – покачал головой Витька.

– Ну и ладно, – кивнул наш проводник. – Тогда выключите их к едрене фене. Это я так – попугать хотел немного. Если бы струсили...

Что было бы, если бы мы струсили, он не договорил, а мы расспрашивать не стали.

– Ну, кто самый смелый? – спросил Шинкаренко. – Кто хочет пойти погулять по Рыжему лесу?

– Я пойду! – неожиданно для себя заявила я.

– Иди, – кивнул Володя. – Вот так все прямо иди, никуда не сворачивай.

– И что?
– А увидишь...
И я пошла.

Хроника Чернобыля

Итак, вскоре после полуночи 26 апреля мощность реактора упала до 30 МВт. При такой малой мощности начинается интенсивное отравление реактора продуктами распада, в основном – йодом. Быстро восстановить параметры становится очень трудно, практически невозможно. Надо ждать примерно сутки, пока реактор «разотравится». Значит, эксперимент с выбегом ротора срывается. Это сразу поняли все атомные операторы, в том числе Леонид Топтунов и начальник смены блока Александр Акимов. Понял это и заместитель главного инженера по эксплуатации Анатолий Дятлов. Понял и пришел в бешенство. «Японские караси! – хрипло кричал Дятлов на операторов. – Бездари! Срываετε эксперимент!»

Топтунову было ясно, что подняться до прежнего уровня мощности ему вряд ли удастся. Нет, теоретически это можно было сделать, но тогда надо было резко уменьшить число погруженных в зону стержней. Это очень опасно. Для этого надо немедленно остановить реактор. И Топтунов твердо сказал: «Я „подниматься» не буду!» Это было решение, которое могло предотвратить Чернобыльскую катастрофу. Увы, оно осталось только словами, потому что тут же последовал резкий окрик Дятлова: «Брешешь, японский карась! Все сделаешь! А не будешь „подниматься», это сделает Трегуб!» Сдавший смену Трегуб находился рядом – остался понаблюдать за тем, как идут испытания. И Топтунов дрогнул. Потом, в припятской медсанчасти, перед отправкой в Москву, он рассказывал: «Я прикинул: оперативный запас реактивности двадцать восемь стержней... Чтобы компенсировать отравление, придется подвыдернуть еще пять – семь стержней из группы запаса... Очень опасно, но, может, проскочу... Ослушаюсь – точно уволят!» Молод был Леонид Топтунов, 26 лет, не было у него опыта противостояния начальству...

И он начал подъем мощности, тем самым подписав смертный приговор себе и тысячам других людей...

Я шла по Рыжему лесу, как было велено, никуда не сворачивая. Лес вокруг светился загадочным и жутковатым голубым светом. Я шла и в такт шагам повторяла детскую считалочку: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Раз, два, три, четыре, пять»... Трудно сказать, откуда эта считалка вдруг взялась в моей голове и с какой целью я ее твердила, – наверное, чтобы не умереть со страху в голубом Рыжем лесу. Пройдя метров двести, я увидела впереди что-то большое и темное. Я даже не успела по-настоящему испугаться, когда поняла, что это – наш БРДМ. Но ведь я шла совершенно прямо! Ни разу никуда не повернула... У машины стоял и смеялся Шинкаренко.

– Ну что, попытка заблудиться не удалась? – поинтересовался он. – Попробуй пойти в другую сторону... ну, например, налево.

Я снова пошла. И снова вышла к БРДМу. Потом я еще несколько раз отправлялась строго по прямой в разные стороны и все время наталкивалась на нашу машину.

– Что за черт? – наконец поинтересовалась я у нашего проводника. В полувоенной, полумистической обстановке я стала постепенно забывать о хороших манерах.

– Черт, черт, – согласно кивнул Шинкаренко. – Он и водит тут. Всех водит, не бойся, не одну тебя. Можешь хоть сто раз пойти по прямой от машины, а выйдешь все равно сюда же.

– Почему?

– А кто его знает! – пожал плечами Володя. – Зона... Теперь отойди так, чтобы нас не видеть, и постой немного. Просто стой и молчи. Слушай...

Я отошла от БРДМа метров на триста и тихо встала посреди Рыжего леса. Сперва было очень тихо. А потом я услышала голоса... нет, скорее шепотки. Словно кто-то тихо-тихо

разговаривал рядом. «Ерунда, – успокоила я себя. – Листва шумит в лесу!» И тут же вспомнила, что лес этот – сухой и никакой листвы здесь нет. Я прислушалась. Шепот стал громче. Слов было не разобрать, но интонации были слышны явственно – напевные, мягкие, вкрадчивые... И тут на меня вдруг накатила отчаянный, какой-то первобытный ужас. Никакого логического объяснения этому ужасу не было, я прекрасно знавала, что стою недалеко от БРДМа, рядом с которым расположились мои ребята, что вокруг нет и не может быть никого и ничего опасного, страшного. Но ужас накатывал волнами, и от него стало жарко голове и холодно сердцу, а под ложечкой зануло противно и тягуче.

– Витька!!! – заорала я дурным голосом и кинулась вперед, не разбирая дороги, спотыкаясь и сталкиваясь со светящимися зловещим голубым светом деревьями.

Витька выскочил из полумрака, обнял.

– Тихо, тихо, – забормотал он, поглаживая меня по спине. – Я здесь, все хорошо.

– Без паники! – поддержал Витьку подошедший Шинкаренко. – Больная, примите лекарство!

Мне тут же был вручен стаканчик с «лекарством» – уже ставшие привычными сто граммов «фронтных». Поклаивая зубами от медленно отступающего страха, я послушно выпила содержимое. Холод из сердца начал постепенно уходить.

– Что... Что это было? – еще пару раз вздрогнув, поинтересовалась я у Шинкаренко.

– Зона, – уже привычно пожал плечами проводник. – Здесь всегда так. Голоса слышала?

– Шепот. Как будто много людей шепчутся... о чем-то страшном.

– Шепот еще ничего, – утешил меня Шинкаренко. – Голоса хуже...

– Хуже не бывает! – убежденно возразила я.

– Какого черта ты ее послал всякие голоса слушать?! – заорал на Шинкаренко Витька. – Что за забавы кретинские?!

– Не кричи, – флегматично отмахнулся наш проводник. – Здесь этого не любят. Послал, чтобы вы поняли, почувствовали Зону. Чтобы сердцем потом материалы свои писали, а не башкой, чтобы болела у вас душа! А то приезжают тут всякие, пройдутся по тропинке в самом «чистом» месте, а потом едут домой и пишут всякие ужасы: ах, Чернобыль, ах, мутанты, ужасы-кошмары, страсти-мордасти!.. А сами ничего, кроме трех деревьев и двух полянок, не видели...

– А тебе не без разницы, что люди пишут? – остывая, поинтересовался Витька.

– Мне не без разницы, – покачал головой Шинкаренко. – Это моя земля. Моя, понимаешь? И она болеет... Я хочу, чтобы про нее правду написали! Чтобы ей посочувствовали! Чтобы пожалели...

Лицо его в голубоватом свете Рыжего леса стало совершенно белым, а в глазах заплескалась какая-то смертная тоска. Может быть, это было глупо – так любить зараженную радиацией, мертвую землю, землю, на которую еще много десятков лет не смогут вернуться люди. Но он любил, и ему было больно...

В общем, мы помирились, потихоньку поехали обратно в Припять и легли спать.

День второй

Хроника Чернобыля

К часу ночи 26 апреля 1986 года мощность реактора удалось стабилизировать на уровне 200 МВт тепловых. Отравление реактора продуктами распада продолжалось, но дальше поднимать мощность уже было нельзя из-за малого оперативного запаса реактивности (количества опущенных в активную зону стержней-поглотителей), он к тому моменту и так уже был намного ниже регламентного. По отчету СССР в МАГАТЭ, запас реактивности составлял 6–8

стержней. По свидетельству уже умирающего в клинике Топтунова – 18. А для реактора типа РБМК минимальный запас реактивности должен составлять 30 стержней. Реактор стал практически неуправляемым из-за того, что Топтунов, выходя из «йодной ямы», извлек стержни так называемого «неприкосновенного запаса». И способность реактора к разгону превысила способность имеющихся защит заглушить аппарат.

Реактор находился в неуправляемом состоянии и был взрывоопасен. Это означало, что нажатие кнопки АЗ (аварийной защиты) приведет к неуправляемому фатальному разгону. Воздействовать на реактивность было нечем. Тем не менее испытания продолжались.

До взрыва оставалось 24 минуты.

В 1 час 07 минут была совершена очередная трагическая ошибка – к шести работавшим главным циркуляционным насосам (ГЦН) дополнительно было включено еще по одному насосу.

Гидравлическое сопротивление активной зоны напрямую зависит от мощности реактора. А поскольку мощность реактора была мала, гидравлическое сопротивление активной зоны тоже было низкое. В работе же находились все 8 насосов, суммарный расход воды через реактор возрос до 60 тысяч кубических метров в час при норме 45 тысяч, что является грубым нарушением регламента эксплуатации. При таком режиме насосы могут сорвать подачу, возможно возникновение вибрации трубопроводов из-за вскипания воды с сильными гидроударами.

Старший инженер управления реактором Топтунов и начальник смены блока Акимов пытались вручную поддерживать параметры реактора, однако в полной мере сделать это не смогли. Чтобы избежать остановки реактора в таких условиях, А. Акимов с согласия А. С. Дятлова приказал заблокировать сигналы аварийной защиты.

Можно ли еще было избежать катастрофы? Несмотря на все совершенные ошибки, можно. Нужно только было подключить к реактору систему аварийного охлаждения и вручную приступить к постепенному снижению мощности реактора вплоть до его полной остановки. И ни в коем случае нельзя было нажимать кнопку АЗ-5 – аварийную защиту! Именно эта кнопка «бросает» в активную зону поднятые вверх стержни-поглотители, что, по идее, должно «гасить» опасные процессы. Но дело в том, что при высоте активной зоны, равной 7 метрам, поглощающая часть стержня имела длину 5 метров, а ниже и выше находились метровой длины полые участки. Окончание же поглощающего стержня, уходящее при полном погружении ниже активной зоны, заполнено графитом. При такой конструкции стержни регулирования входят в активную зону реактора вначале нижним, графитовым, концом, затем в зону попадает пустотелый метровой участок и только после этого поглощающая часть. Всего на чернобыльском четвертом энергоблоке 211 поглощающих стержней. По свидетельству Топтунова, наверху находились 193 стержня. Одновременное введение такого количества стержней в активную зону дает в первый момент положительный всплеск реактивности, поскольку в зону вначале входят графитовые части и полые участки метровой длины. Всплеск реактивности при стабильном, управляемом реакторе не страшен, однако при неблагоприятных факторах этот момент может стать роковым, так как «потянет» за собой совершенно уже неуправляемый разгон реактора.

Работавшие в ту ночь на станции операторы обязаны были знать об этом. Но знали ли? Наверное, нет. Иначе аварии бы не случилось.

В 1 час 22 минуты 30 секунд СИУр Леонид Топтунов, взглянув в распечатки программы быстрой оценки запаса реактивности, увидел, что необходимо немедленно останавливать реактор. Некоторое время он колебался. Бывали в его практике случаи, когда вычислительная машина врала. Затем Топтунов доложил обстановку Акимову и Дятлову. Но все операторы, кроме Топтунова и Акимова, которых все же смутили данные вычислительной машины, были спокойны и уверены в своих действиях. Спокоен был и Дятлов. Он прохаживался по

помещению блочного щита управления и поторапливал ребят: «Веселей, парни! Еще две-три минуты, и все будет кончено!»
Как в воду глядел. До взрыва оставалось полторы минуты...

На следующий день после прогулки по Рыжему лесу я проснулась рано. Умылась, заварила себе в чашке крепкий кофе и вышла на улицу. Солнце еще не взошло, и в утреннем полумраке город казался совершенно нереальным, каким-то призрачным. Нет, не зря американские журналисты прозвали Припять «город-призрак»! Дело не только в том, что он – совершенно пустой, он – именно призрачный... это трудно объяснить словами. Над головой неожиданно что-то щелкнуло и натужно захрипело. Я подпрыгнула от неожиданности, расплескав на асфальт почти полчашки кофе, и стала озираться по сторонам. Вокруг, разумеется, никого не было. Несколько секунд было тихо, потом в ветвях ближайшего дерева снова зашуршало, хрустнуло, и бодрый голос изрек:

– Доброе утро! В эфире киевское радио!

И грохнула разудалая музыка.

– Нормально! – похвалила я вслух киевское радио. – Очень впечатляет...

Действительно впечатляло: над пустым, мертвым городом гремело неунывающее «Ты ж мене підманула, ты ж мене підвела», хоть в пляс пускайся. Я огляделась вокруг. На газоне неподалеку росли какие-то невероятные мухоморы – шляпка каждого из них вполне могла укрыть человека от дождя в ненастный день. У елочек напротив дома часть ветвей почему-то были явно сосновыми – и форма, и цвет другие. А через дорогу прыгал кузнечик с мою ладонь величиной.

– Ну что, бедолага, – посочувствовала я насекомому-переростку, – тяжело прыгать с такими габаритами?

– Мысли вслух?.. – раздалось за моей спиной. Володя Шинкаренко, бодрый и выспавшийся, вышел на порог покурить.

– Они – мутанты? – поинтересовалась я у нашего проводника.

– Кто мутанты? – удивился Володя. – Вроде здесь только мы с тобой...

– Ну вон, – я махнула рукой. – Мухоморы эти здоровенные, кузнечик с котенка величиной. Да елки почему такие странные? На них же половина ветвей – сосновые! Это мутация?

– А-а-а, – проследил за моим взглядом Шинкаренко. – Слушай, никогда не задумывался об этом. Вроде после аварии действительно все стало большим каким-то. И странным немного.

Он походил вокруг мухоморов, потрогал сосново-еловые ветки.

– Бес его знает, Маш. Может, и раньше такое встречалось, а мы просто внимания не обращали?

– Не, – помотала я головой, – кузнечиков таких размеров не бывает. Точно мутант.

– Ну пусть будет мутант, – согласился Шинкаренко. – Только, прошу тебя, не пиши потом ерунды в своем журнале! Дескать, полно в Чернобыльской зоне мутантов, ступить от них некуда. От таких заявлений нормальных людей, мне кажется, тошнить должно. Конечно, здесь все изменилось после аварии. Но насколько... И как еще изменится через год, через два, через десять лет... Тут должны специалисты смотреть. Не наше это дело.

– Ладно, не буду писать ерунды.

– Вот и славненько! – повеселел Володя. – Давай буди милого друга, полезем на крышу.

– Куда?..

– На крышу шестнадцатизэтажки, тут недалеко. Утро хорошее, оттуда можно сделать потрясающую фотографию. Вам ведь нужны потрясающие фотографии?

– Ага.

– Тогда быстренько собирайтесь.

Витька собрался в момент, и через десять минут мы уже карабкались по бесконечной лестнице на крышу какого-то шестнадцатизэтажного здания. Наконец взобрались и сели на

парапет – перевести дыхание. Посидели, помолчали. Шинкаренко отошел к противоположной стороне крыши, походил там, пошуршал чем-то...

– Идите сюда! – позвал он нас. – Смотрите.

Мы подошли и посмотрели, куда он указывал.

Солнце только-только начало подниматься, над городом стоял розовый туман. И в этом тумане словно плыл над землей – казалось, совсем рядом! – Саркофаг. Над ним не было неба, под ним не было земли, он купался в тумане – зловещий и при этом прекрасный, величественный. Витька защелкал фотоаппаратом. Потом эти его снимки обойдут страницы газет и журналов всего мира: плывущий над мертвым городом Саркофаг. Укрытие над взорвавшимся четвертым энергоблоком, в строительство которого были положены жизни тысяч людей. Памятник людской безответственности и человеческому героизму.

– Ну, раз уж начали сегодня снимать, – сказал Шинкаренко, – пошли, еще есть одна тема...

Мы спустились вниз и зашагали по пустым улицам Припяти.

– Во, – Шинкаренко свернул в маленький скверик. – Вот детский сад.

Мы зашли внутрь. Детские кровати, столики, стульчики. Игрушки. Альбомы для рисования и цветные карандаши. Симпатичные занавесочки и яркие панно на стенах – герои сказок и мультфильмов. Брошены на коврик у кровати детские тапки, на батарее – маленькая футболка и шортики. Обычный детский сад, только разруха уже ощутимо коснулась его, и отчего-то понятно, что здесь никогда больше не прозвучат детские голоса.

– Снимай, – велел Шинкаренко Витьке, – Машка говорила, что ты хороший фотограф, у тебя все должно получиться правильно...

И Витька начал снимать. А я вышла на улицу, села на пороге детского сада и стала плакать. Слезы лились, горячие, очень соленые, и никак было их не остановить.

Вышел Шинкаренко, присел рядом, закурил.

– Можешь сформулировать, отчего ревешь? – деловито осведомился он.

– Больно, – пожаловалась я.

– Почти все дети выжили, – утешил он меня. – Ну, болят, конечно, но ведь – живы...

Но я почему-то не утешилась. У меня «пекло», жгло где-то в области сердца, противно пощипывало, и от этой боли я ревела все сильнее.

– Тут, – я потыкала пальцем в грудь, – жжет. Почему?

– Радиационный ожог души, – невесело усмехнулся Шинкаренко. – Теперь ты знаешь, что чувствуют те, кто пережил аварию.

– Это пройдет?

– Вряд ли, – пожал плечами Володя. – Разве что поутихнет немного.

– Я обязательно вернусь сюда! – пообещала я. – Еще сто раз вернусь. С видеокамерой.

– Молодец, – похвалил меня Шинкаренко. – Значит, «пятнашку», нож и дозиметр не сдавай, когда будешь уезжать, забирай с собой. Твои будут. Приедешь, снова наденешь.

– Вот ведь черт!.. – вышедший из детского садика Витька был бледный и растерянный. – Черт побери! Казалось бы: ну, садик, ну, игрушки... А сердце ноет, как больной зуб! Ревешь, что ли? – присел он рядом со мной. – Я и сам сейчас завую, как пес на луну. Вовка, отчего это так?

– Если ты веришь в энергетику, могу объяснить это тем, что здесь, в Припяти, сосредоточена боль тысяч людей. И мы ее «считываем».

– А если не верю?

– Тогда ничего не скажу, – улыбнулся Шинкаренко. – Пошли обедать!

По дороге домой, на окраине Припяти, набрали грибов: вся поляна заросла огромными боровиками. Быстро почистили, поджарили.

– Ну-ка, ну-ка, – Шинкаренко поднес к сковородке дозиметр. Прибор истерически взвыл.

– «Грязные», – удовлетворенно констатировал Володя. – Все правильно, грибы сильно «набирают», эти еще ничего. А вот мы их сейчас нашими «фронтowymi» дезактивируем!..

– Это не обед, – пробурчал Витька. – Это братская могила какая-то на сковородке... Но грибы есть стал. И от ста «фронтowych» не отказался. На войне – как на войне...

Хроника Чернобыля

В 1 час 23 минуты начался самый главный момент испытаний – выбег ротора генератора. Одновременно была нажата и кнопка МПА (максимальной проектной аварии). Таким образом, оба турбоагрегата – седьмой и восьмой – были отключены. В этот момент в технологических каналах реактора вскипел теплоноситель. Процесс развивался вначале медленно, но СИУр Леонид Топтунов забил тревогу: «Надо бросать аварийную защиту, Александр Федорович, разгоняемся», – сказал он Акимову. Акимов быстро посмотрел распечатку вычислительной машины. «Бросаю аварийную защиту!» – и протянул руку к красной кнопке.

В 1 час 23 минуты 40 секунд начальник смены блока Александр Акимов нажал кнопку аварийной защиты, по сигналу которой в активную зону вошли все регулирующие стержни, находившиеся наверху, и все стержни самой аварийной защиты. Но прежде всего в зону вошли те роковые концевые участки стержней, которые дают приращение реактивности. И вошли они в реактор как раз в тот момент, когда там началось обширное парообразование.

Была нажата кнопка, и начался разгон реактора на мгновенных нейтронах.

Стержни пошли вниз, однако почти сразу же остановились. Вслед за тем со стороны центрального зала донеслись удары. Акимов, увидев, что стержни-поглотители прошли всего лишь 2–2,5 метра вместо положенных 7, рванулся к пульту оператора и обесточил муфты сервоприводов, чтобы стержни упали в активную зону под действием собственной тяжести. Но этого не произошло. Видимо, каналы реактора деформировались и стержни заклинило.

Вот тогда всем «экспериментаторам» впервые стало по-настоящему страшно...

В этот момент в центральный зал четвертого энергоблока на балкон в районе узла развески свежего топлива вошел начальник смены реакторного цеха из вахты Акимова Валерий Перевозченко. Он посмотрел вниз – на пятак реактора. Пятачком называется круг пятнадцатиметрового диаметра, состоящий из 2000 кубиков. Эти кубики – верхняя биологическая защита реактора. Каждый весит 350 килограммов и насаживается в виде шапки на головку технологического канала, в котором находится топливная кассета. Неожиданно начались сильные и частые гидроудары, и 350-килограммовые кубики стали подпрыгивать, как живые. Через несколько секунд вся поверхность пяточка уже ходила ходуном.

Перевозченко бросился вниз по лестнице, на блочный щит управления, к Акимову, чтобы сказать ему: происходит что-то ужасное!..

В последние двадцать секунд до взрыва, когда Перевозченко буквально рушился по крутой лестнице, стремясь поскорее добежать до Акимова и его ребят, в активной зоне происходили бурные химические и экзотермические реакции с образованием водорода и кислорода, то есть гремучей смеси. В это время произошел мощный паровой выброс – сработали главные предохранительные клапаны реактора. Выброс длился недолго, клапаны не способны были справиться с таким давлением и расходом и разрушились.

В это же время огромным давлением оторвало трубопроводы. Реактор получил свободное сообщение с центральным залом.

В 1 час 23 минуты 58 секунд концентрация водорода в гремучей смеси в разных помещениях блока достигла критической точки. Тогда раздалась взрывы, и реактор и здание четвертого энергоблока были практически разрушены. Взрывом в реакторе подбросило и развернуло в воздухе плиту верхней биозащиты весом 500 тонн. Она развернулась в воздухе и рухнула на аппарат, оставив приоткрытой с боков активную зону реактора.

Над четвертым энергоблоком взлетели раскаленные куски ядерного топлива и графита. Часть из них упала на крышу машинного зала, начался пожар.

Около 50 тонн ядерного топлива выбросило взрывом гремучей смеси в атмосферу

и понесло ветром на Белоруссию, Прибалтику...

Еще около 70 тонн топлива было выброшено с периферийных участков активной зоны, на крышу машинного зала четвертого энергоблока и на пристанционную территорию.

6 мая 1986 года на пресс-конференции в Москве зампред Совмина СССР Б. Е. Щербина заявил о том, что «радиоактивность в районе аварийного блока Чернобыльской АЭС составляет 15 миллирентген в час, то есть – всего 0,015 рентгена.

На самом же деле активность в районе аварийного энергоблока составляла в те дни от 1000 до 15 000 рентген в час.

День третий

Саркофаг

На третий день нашего пребывания в Зоне мы отправились к Саркофагу. Каким образом Шинкаренко удалось договориться, чтобы нам разрешили бродить по территории атомной станции да еще и фотографировать там, осталось неизвестным. Рано утром он куда-то исчез из Припяти, а, когда мы заканчивали завтрак, вернулся и повелел:

– Собирайтесь живенько! Едем с визитом к Саркофагу.

У подъезда стоял старенький «москвич», в который мы бодро загрузились. Ехать до Станции от Припяти – пятнадцать минут.

Саркофаг вблизи производил потрясающее впечатление. Огромный, темный, блестящий, он давил на любого приблизившегося к нему человека психически и – почти ощутимо – физически.

«Там, в глубине – все, что осталось от огромного энергоблока, – подумала я. – Интересно, как это все выглядит после аварии?»

– Слушай, Вовка, – словно подслушав мои мысли, окликнул сталкера Виктор. – А нельзя нам как-нибудь внутрь этой махины забраться?

– По личному разрешению директора Станции, – откликнулся Шинкаренко.

– А если без директора обойтись? – не отставал Витька. Мы уже успели понять, что наш проводник может сделать в Зоне практически все, причем в обход всех официальных лиц, так сказать, на дружеской основе.

– Можно попробовать... – неохотно протянул Шинкаренко. – Ладно... Побродите тут пока. Если спросят с вас что-нибудь, твердо отвечайте: «Товарищ Костиков в курсе наших передвижений!»

С этими словами он деловито потопал в сторону проходной.

Мы побродили, как было велено, вокруг, потом посидели на солнышке; Шинкаренко все не было. Вернулся он примерно через час, причем не один, а с серьезного вида дядечкой лет пятидесяти.

– Эти, что ли? – спросил дядечка, глянув на нас с Витькой.

– Эти, – вздохнул Шинкаренко. – Романтики-энтузиасты...

– Пошли, – велел дядечка коротко.

И мы пошли. На проходной нас никто ни о чем не спросил, видимо, договоренность уже была достигнута. В тесной комнатухе дядечка передел нас в белые комбинезоны и шапочки; на ноги мы натянули бахилы, на шеи повесили респираторы.

– Пошли! – снова скомандовал наш провожатый. Надо отдать ему должное – он был немногословен.

Долго шли длинными станционными коридорами и переходами, наконец остановились в маленьком холле перед массивной железной дверью.

– Одевайте «лепестки»! – последовала команда.

Мы послушно надели респираторы и стали спускаться куда-то вниз, глубоко, и в конце концов оказались посреди того, что атомщики называют Развалом – на остатках блочного щита управления четвертым энергоблоком Чернобыльской атомной станции.

Объяснить, на что похож Развал, невозможно. Развал нужно видеть. Ощущение там такое, словно ты – крохотная, микроскопическая букашка, затерявшаяся посреди вселенского хаоса. А уж хаос вокруг был самый настоящий – ничего целого, только гигантские осколки, обломки, обрывки...

– Ну, – ухмыльнулся сопровождавший нас дядечка, – нравится?

– Кошмар, – искренне сказали мы.

– Тогда быстро фотографируйте что надо – и уходим. Поля тут – запредельные, как бы не приболеть вам всерьез после этой экскурсии.

– А вы? – поинтересовалась я.

– Меня радиация не берет! – отмахнулся дядечка. – У меня супротив ей иммунитет имеется. Такой вот организм достался удачный.

Витька в ажиотаже защелкал фотоаппаратом.

– Быстрее! – торопил провожатый, нервно поглядывая на часы. – Давай, парень, нельзя вам здесь больше!

Тем временем я подняла с пола и сунула в карман две белые квадратные кнопки, валяющиеся в пыли. На одной было написано «АЗ-5», на другой надпись нельзя было прочитать, потому что кнопка изрядно оплавилась. Зачем я это сделала, сказать трудно, как-то машинально получилось. Вдруг очень захотелось спрятать в карман эти кнопочки...

– Уходим, уходим! – провожатый буквально уже выталкивал нас силой к лестнице, потом вверх. – Не понимаете, черти, что здесь такое?! Почти шесть минут лишних пробыли, это ж кому сказать только!..

– Да что будет-то от шести минут? – возмутился дядечкиной суетливостью Витька.

– А вот вечером увидишь, – гаркнул тот в сердцах. – Все тебе отломится по полной программе!

Быстренько переоделись в свои «пятнашки» и выбрались на свежий воздух.

– Ну что, в Припять? – поинтересовался Шинкаренко. – Или по селам проедемся?

– В Припять! – решил Витька. – Что-то я устал сегодня, как будто вагон дров разгрузил.

И голова болит...

И мы поехали обратно, в Припять.

Хроника Чернобыля

В 1 час 27 минут 26 апреля на блочном щите управления четвертого энергоблока творилось что-то невообразимое. Помещение сотрясали страшные удары справа, слева, снизу. Вслед за «мелкими» ударами последовал сокрушительной силы взрыв. Ударная волна с пылью, с горячим радиоактивным паром ворвалась в помещение блочного щита управления четвертого энергоблока. Ходуном заходили стены и пол, стал рушиться потолок. Погас свет, остались гореть только три аварийных светильника. Вокруг вспыхивали молнии коротких замыканий – взрывом порвало все силовые и контрольные кабели. Шипение пара, клекот льющейся откуда-то горячей воды...

В помещение БЩУ вбежал задыхающийся Перевозченко.

– Александр Федорович! – крикнул Акимову. – Там что-то страшное... Разваливается пятак реактора... Плиты прыгают, взлетают вверх... Что это?..

– Спокойно! – сказал Акимов. – Мы все делали правильно...

В этот миг распахнулась дверь из машинного зала. Влетел закопченный старший машинист турбины Вячеслав Бражник. «Пожар в машзале!» – отчаянно крикнул он. К открытой двери подскочили Акимов и Дятлов. То, что они увидели, было ужасно...

Акимов бросился к телефону: вызывать пожарных. По «02» ответили, что пожарные машины уже подъезжают к Станции, огонь заметили еще раньше.

Дятлов выглянул в окно, высунув голову наружу. На асфальте вокруг блока что-то валяется. Этого «чего-то» очень много... Графит?! Если это графит, значит, реактор разрушен полностью! Значит – конец... «Не может быть, – успокоил себя Дятлов. – Это не графит. Что угодно, но не графит!»...

У Акимова был шок. Он не понимал, что надо делать. Стержни заело... Можно попробовать опустить их вручную – из центрального зала... Идея!

– Проскуряков, Кудрявцев, – попросил он стоящих рядом в оцепенении стажеров СИУра. – Парни, надо быстренько в центральный зал. Покрутите за рукоятки, надо стержни вручную опустить. А, парни? Сходите?

И парни пошли.

Без респираторов и защитной одежды они подошли к входу в ЦЗ и вошли в бывший реакторный зал. Вот только реактора там уже не было. Круглая плита верхней биологической защиты под углом лежала на шахте реактора. Из жерла разрушенного реактора шел красный и голубой огонь. Прямо в лица стажеров ударил ядерный жар с активностью 30 тысяч рентген в час. Было совершенно ясно, что и никаких поглощающих стержней нет, все разнесло взрывом.

Проскуряков и Кудрявцев пробыли возле реактора около минуты. Этого оказалось достаточно, чтобы получить смертельную дозу радиации. Оба вскоре умерли в 6-й клинике Москвы.

Тем же путем они вернулись в помещение БЩУ и доложили обстановку Акимову и Дятлову. Лица и руки у них были буро-коричневые (ядерный загар). Такого же цвета была кожа и под одеждой.

– Центрального зала нет, – сказал Проскуряков. – Все снесло взрывом. Над головой – небо. Из реактора – огонь...

– Вы, мужики, не разобрались... – как-то нехорошо улыбаясь, возразил Дятлов, – Это что-то горело на полу, а вы подумали, реактор. Он цел... Надо подавать воду в активную зону.

Так родилась легенда о том, что реактор цел.

Легенда была доложена Брюханову и Фомину. И далее – в Москву...

Первомай 86-го

Вечером к нам в гости «на огонек» зашел Саша Салмыгин. Был он какой-то грустный, неразговорчивый. Пожаловался:

– Чувствую себя плохо...

Мужчины долго сидели молча, курили. Потом Шинкаренко вдруг предложил:

– Слышишь, Салмыгин, а вспомни-ка первое мая прошлого года в Припяти.

И тут они начали смеяться. Когда они насмеялись вдосталь, Салмыгин спросил нас:

– Хотите расскажу, как мы в прошлом году первое мая в Припяти праздновали?

Мы кивнули: хотим!

– Ну, – начал Салмыгин, – думаю, вы знаете, что рвануло тут у нас двадцать шестого апреля?

Мы снова кивнули.

– Припять эвакуировали двадцать седьмого числа. Вывезли всех жителей, а мы – я, Вовка, Шурик (наш хозяин бассейна) и еще один человек, Миша его звали, царствие ему Небесное, – остались. Не сами, конечно, нас об этом попросили нужные люди, но остались вполне добровольно и с готовностью. В наши обязанности входило следить за тем, чтобы в городе до подхода военных был порядок. Понятия не имею, кто бы мог тут устроить беспорядок, город-то – пустой совершенно, но приказ – есть приказ, стали следить. Да, тут еще в морге Коля Белехов остался, наш судмедэксперт припятский. Коле привезли тело погибшего на ЧАЭС оператора Шашенка и велели сидеть и ждать указаний из Киева, вскрывать ли Шашенка или везти тело в Киев. Ну, Белехов – это отдельная история, я вам про него потом расскажу.

Двадцать девятого вечером в Припяти обрубали всю телефонную связь. Перед этим

нам позвонили из Киева и предупредили: телефоны работать не будут! Мы на всякий случай еще раз спросили: а нам-то что здесь делать? Конкретно? Киев нам ответил: «Конкретно – взламывайте склады со спиртным и дезактивируйтесь! А там видно будет»...

Приказ нам очень по душе пришелся, мы тут же принялись за дело. День дезактивируемся, второй, третий... Скучно стало! Надоело. А тут – Первое мая! Мы сидим на городской площади, по радио из Киева идет прямой репортаж с первомайской демонстрации: шум, гам, лозунги, приветствия, дружное «Ур-ра!» И стало нам вдруг очень обидно: у всего нашего народа праздник, а мы тут, как бледные поганки, пропадаем! Шинкаренко и говорит: «Все, ребята, надо и нам выходить на демонстрацию!» Сказано – сделано. Быстренько в ДК нашли несколько маленьких трибун, расставили так красиво на площади. Вовка заявил, что он будет правительством, и забрался на трибуну – принимать демонстрацию. Я притащил из нашего Народного театра бутафорский передок от какой-то машины (легкий такой, картонный) и решил, что буду моторизированной колонной. Шурик объявил себя простым народом, для чего – опять же из народного театра – приволок очень похожий на настоящий отбойный молоток. А Мишка решил представлять интеллигенцию – надел очки, шляпу, под мышку сунул портфель допотопный, бумагами набитый. Радио, понятное дело, орет...

Мы подтянулись и п-а-ашли строем, то есть колоннами, по площади. Вовка с трибуны кричит: «Да здравствует наша украинская интеллигенция, самая интеллигентная в мире!», а мы хором ему в ответ: «У-р-ра!» – «Да здравствует наш простой украинский трудовой народ!» – «Урр-ра!!!» Ну и так далее.

И тут на площадь выскакивает БРДМ – это в Припять химвойска подошли. На броне солдатик сидит. Вовка в ажиотаже, его увидев, блажит: «Да здравствуют наши храбрые химические войска! Ура, товарищи!» Мы в ответ: «У-р-ра!» Солдатик глаза выкатил, рот открыл и смотрит, как четыре придурка в шортах и майках маршируют по главной площади Припяти с идиотскими криками. Причем у одного придурка на плече отбойный молоток, второй почему-то в тридцатиградусную жару в шляпе и с портфелем, на третьем – вообще «передок» от машины надет. Он минуты три, наверное, за нашей демонстрацией замороженным взглядом следил (а мы идем так браво, кричим, словно и нет никого рядом!), потом быстренько в люк машины юркнул, машина развернулась и учесала с площади. Стопудово, они подумали, что мы от радиации рехнулись окончательно! Они-то знали, какие вокруг «поля»... Мы потом к ним знакомиться пошли, так они все косились на нас: психи мы? не психи? Вот смеху было!..

– А вы-то знали, какие вокруг «поля»? – поинтересовался Витька.

– Да кто об этом тогда задумывался! – отмахнулся Салмыгин. – А дозиметров у нас еще не было, откуда? Это потом нам приборы исправные подвезли.

– А что Белехов? – не отставал Витька. – Судмедэксперт?..

– С Белеховым вас надо познакомить, – вмешался в ностальгические воспоминания друга Шинкаренко. – Можно попробовать его завтра в Припять высвистеть, я знаю, где он сейчас.

– Ладно, позовем завтра Белехова, – кивнул Салмыгин – он вам много интересного расскажет.

И он ушел. А ближе к полуночи Витьке стало плохо: открылась рвота, началась жуткая головная боль, вся кожа покрылась какими-то отвратительными волдырями.

– «Хватанул» парень, – покачал головой Шинкаренко. – Вы там слишком долго болтались, под Саркофагом. Я даже уже хотел бежать ругаться...

– И что с ним будет? – в ужасе спросила я.

– Оклемается, – махнул рукой Володя. – Сейчас мы ему спирту нальем, к утру как новенький будет. Ну, голова еще поболит. А что он всерьез «подсадил», через полгодика выяснится. Поболит еще на «чистой» земле. Теперь уж ничего не поделаешь.

Пока он возился с Витькой, я пошла в душ. Сняла пятнистый комбинезон и обнаружила в кармане стянутые из Развала кнопки. Бросила их в раковину и забыла. Там их через час

нашел Шинкаренко и стал орать как ненормальный:

– Машка!!! Кто кнопки с Развала приволок?!!

– Ну, я...

– Какого черта?! Они же «светят», как сумасшедшие! Где они у тебя были?

– В кармане.

– Где-е?!

– В кармане комбинезона.

– Ты же наверняка ноги «попалила», дура! – вконец разъярился Шинкаренко. – Покажи ноги!

Я беззастенчиво предъявила ему совершенно чистую кожу на ногах – в области карманов.

– Не, ничего, – успокоился наш проводник. – Дуракам везет. – Бросил кнопки обратно в раковину и густо залил их какой-то пеной. – Пусть так сутки лежат. Потом помоем и завернем в фольгу. Ты ведь их хочешь с собой взять?

– Ну... да. Сувенир.

– Ду-ура, – вздохнул Шинкаренко, – сталкерская душа. Фольгу никогда не разворачивай, поняла? И дома их там не держи, положи где-нибудь на чердаке. Сувенир...

– Володь, – спросила я. – А почему Витьке плохо, а мне – хоть бы хны? Мы ведь вместе там лазили... Да вот кнопки эти еще я таскала...

– Потому что радиация – как водка, – поучающее изрек Шинкаренко. – Один может ведро выпить и еще песни поет, а второй после третьей рюмки под столом спит. Тут не угадаешь. Иди спать.

И я пошла спать.

Хроника Чернобыля

Как это ни странно, в момент аварии на Чернобыльской станции оказался лишь один работающий дозиметрический прибор – с максимальной отметкой 3,6 рентгена. Разумеется, его зашкаливало, и сколько вокруг «светит» на самом деле, не знал никто.

В 2 часа 30 минут ночи на БЩУ-4 пришел директор АЭС Брюханов. Был директор растерян и бледен до синевы. «Что произошло?» – сдавленным голосом спросил Акимов.

Акимов доложил, что произошла тяжелая радиационная авария, но реактор, по его мнению, цел.

– Какая активность сейчас на блоке?

– Имеющийся радиометр показывает тысячу микрорентген в секунду...

– Ну, это немного, – чуть успокаиваясь, сказал Брюханов.

– Я тоже так думаю, – возбужденно подтвердил Акимов.

– Могу я доложить в Москву, что реактор цел?

– Да, можете, – уверенно ответил Акимов.

К этому времени на аварийный блок прибыл начальник штаба гражданской обороны атомной станции С. С. Воробьев. У него был радиометр со шкалой измерений на 250 рентген. На шкале 250 рентген радиометр показывал зашкал в разных местах блока и завала. Воробьев доложил обстановку Брюханову.

– У тебя неисправный прибор, – сказал Брюханов. – Таких полей в природе быть не может. Выбрось свой прибор на свалку!

– Прибор исправный, – настаивал Воробьев.

Брюханов только рукой махнул: мол, не пори ерунду!..

В 4 часа 30 минут на БЩУ прибыл главный инженер Фомин. Его долго не могли найти, дома у него почему-то никто не подходил к телефону.

– Доложите обстановку!

Акимов опять доложил.

– Мы все делали правильно, Николай Максимович. Претензий к персоналу смены не имею.

– Реактор цел? – спросил Фомин.

– Реактор цел! – твердо ответил Акимов.

Дятлов покинул блочный щит управления и вышел в сопровождении дозиметриста на улицу. Весь асфальт вокруг был усыпан блоками реакторного графита, кусками конструкций, топлива. Они подошли вплотную к завалу.

– Ё-моё! – воскликнул Дятлов. – Что натворили! Крышка!

Дозиметрист ошарашенно щелкал переключателем диапазонов, монотонно бормоча: «Зашкал... Зашкал...»

Обогнули торец машзала. Вдоль бетонной стенки напорного бассейна девятнадцать пожарных машин. Слышен рев огня на кровле. Пламя высокое.

– Все! – приказал Дятлов. – Откатываемся! Да выбрось ты свой прибор! И так ясно, что все сдохнем! Облучились...

Они вернулись на БЦУ. К пяти утра у обоих появилась ужасная слабость, головная боль, началась рвота. Появился ядерный загар – цвет лица стал буро-коричевым.

«Скорая» увезла их в медсанчасть.

День четвертый

Мраморный морг

Судмедэксперт Николай Николаевич Белехов оказался невысоким, сероглазым крепышом с потрясающе обаятельной улыбкой. До аварии он с семьей жил в Припяти, как говорится, «с первого колышка» – с того дня, как в город въехали первые новоселы. Работал в Припятской медсанчасти, воспитывал детишек, их у Ник Ника (так его звали ребята, так, с его разрешения, стали называть и мы с Витькой) оказалось пятеро. После аварии в Припяти не бывал.

– Пойдемте, посмотрим мою квартиру, – попросил Белехов. – Потом в медсанчасть завернем. Хочу там одну штуку проверить...

У дверей своей бывшей квартиры Ник Ник постоял, собираясь с духом, потом медленно открыл дверь и вошел внутрь. Мы тихо вошли следом. В квартире все выглядело так, словно хозяева ненадолго уехали и скоро вернуться домой, разве что слой пыли был слишком толстым. А так – все цело, все на своих местах. На стене в кухне – отрывной календарь: 27 апреля 1986 года.

Белехов побродил по комнатам, что-то бормоча себе под нос.

– Что, Ник Ник, грустно? – спросила я сочувственно. Белехов понравился мне сразу и безоговорочно, рядом с ним было хорошо.

– Грустно, – согласился Белехов. – Сердце щемит. Что ж... два раза в одну реку не войдешь. Пойдемте отсюда.

И мы ушли, аккуратно прикрыв за собой двери (замки везде сломали еще год назад солдаты, которые дезактивировали Припять).

В медсанчасти Ник Ник так же неторопливо побродил по кабинетам. Потом залез зачем-то под стол в одном из помещений и долго там возился. Мы ждали. Сперва под столом наступила гнетущая тишина. Потом оттуда донесся такой мат, что мы просто оторопели.

– Вот, – Белехов, пыхтя, вытолкнул из-под стола большую, запыленную коробку. – Вот она, моя родимая! Из-за нее я тут три дня в помещении просидел с телом Шашенка, от которого «светило», как от маленького реактора! А на мне всей защиты – белый халат да тапочки... Читайте, что тут написано!

Мы склонились над коробкой. «Москва. Спецрейс. Щербине» гласила надпись.

– Мне тогда велели делать отщип тканей, образцы разные брать, чтобы там, в Москве, все это изучили и могли понять, насколько серьезна авария и как надо лечить тех, кто пока еще жив, – стал объяснять нам Белехов. – Сказали: сделай все, надпиши и оставь на видном

месте. Солдаты потом вывезут в Киев, а оттуда спецрейсом отправим в Москву. Я сделал, как просили. Шашенка перезахоранивали в Москве недавно – осознали, что надо гроб с его телом забетонировать, слишком сильный от него радиационный фон. Так они на перезахоронение полную химзащиту надели, понимали, как сильно от гроба «светит»! А я в белом халатике... три дня... Зачем?! Если это никому не нужно было... Если все здесь так и осталось... Меня-то зачем было «палить», если все это никому не надо?!

Белехов поднял на нас несчастные и недоуменные, как у незаслуженно обиженного ребенка, глаза.

– А ты сколько тогда «хватанул»? – спросил его Витька.

– Да разве я считал? Я тогда думал, что я – молодой и здоровый, что мне все нипочем!

– А сейчас что думаешь?

– И сейчас думаю то же самое! – после секундной паузы рассмеялся Белехов. – Мне вот в новом городе Славутиче обещали новый морг отгрохать. Большо-ой, как дворец, весь из мрамора. Правда, я там один буду работать, больше на город персонала моего профиля не положено. Зато места будет много! На всех хватит. И на пока еще живых тоже...

Белехов остался ночевать в Припяти, и мы долго сидели за столом, разговаривая обо всем на свете. Потом он несколько раз приезжал к нам в гости в Питер.

Николай Николаевич Белехов и сейчас живет и работает в Славутиче. Местные власти действительно «отгрохали» ему новый морг. Весь из мрамора – как и обещали. И места там много... Что ж, предусмотрительно: ведь Славутич был построен после аварии в аккурат посреди «цезиева» пятна. Так было удобнее – не надо было подводить новые дороги; построили, где выгодно. Местные языкастые дозиметристы сразу же переименовали Славутич, и теперь иначе как «город на беде» они его не называют. Но это никого не волнует...

Хроника Чернобыля

А страшная ночь 26 апреля все не кончалась. Брюханов и Фомин непрерывно сидели на телефонах. Брюханов держал связь с Москвой, Фомин – с блочным щитом управления четвертого энергоблока.

В Москву в ЦК Марьину, министру Майорцу, начальнику Союзатомэнерго Веретенникову, в Киев министру энергетики Украины Склярору, секретарю обкома Ревенко – тысячи раз повторялась одна и та же модель ситуации: «Реактор цел. Подаем воду в аппарат. Радиационная обстановка в пределах нормы».

Москва отвечала: «Держитесь! Охлаждайте реактор!» Еще из Москвы Брюханову передали, что организована правительственная комиссия, первая группа специалистов из Москвы вылетит в 9 утра.

Фомин время от времени совершенно терял самообладание. То впадал в ступор, то вдруг развивал бурную, лихорадочную деятельность: давил на Акимова и Дятлова, требуя непрерывной подачи воды в реактор, бросал на четвертый блок все новых и новых людей взамен выбывающих из строя...

В промежутках между приступами апатии и перевозбуждения плакал, колотил кулаками по столу, бился о стол лбом...

Зам. главного инженера по науке Лютов сидел и, обхватив голову руками, тупо повторял: «Скажите мне, парни, температуру графита в реакторе... Скажите, и я вам все объясню...»

– О каком графите вы спрашиваете, Михаил Алексеевич? – удивился Виктор Смагин, начальник смены блока. – Почти весь графит на земле.

– Да ты что?! – испуганно и недоверчиво спросил Лютов.

– Пойдемте, посмотрим.

Они пошли в помещение резервного пульта управления, ближе к завалу. От завала «тянуло» почти 15 тысяч рентген в час. Но тогда об этом не знал никто. Только чувствовали: жжет веки, горло, перехватывает дыхание.

– Вот смотрите – кругом черно от графита, – сказал Смагин.

– Разве это графит? – не поверил своим глазам Лютов.

Как ни странно, не только начальство станции, но и почти все опытные эксплуатационщики в эту кошмарную ночь выдавали желаемое за действительное. «Реактор цел!» – повторяли все друг другу с каким-то исступлением. Возможно, только это, совершенно лишенное логики и правдоподобности, утверждение давало им силы выжить и не сойти с ума...

День пятый

Брошенные села

На следующий день мы поехали по селам Чернобыльской зоны. Мы ехали час за часом по совершенно пустой дороге, и от этой обморочной пустоты начинала кружиться голова, как-то нехорошо сосало под ложечкой. Иногда мы останавливались в каком-нибудь селе, заходили в хаты. Все было, как и в припятских квартирах, – словно хозяева уехали ненадолго, чтобы обязательно вскоре вернуться в родные дома...

Некоторые хаты были открыты после дезактивации. Некоторые заперты (значит, хозяева возвращались ненадолго после аварии). В одной хате к входной двери была прикреплена изумительная записка: «Граждане солдаты и случайные посетители! Прошу вас, не ломайте двери: самогонки в хате нет! Я сам пьяница, про запас никогда не оставляю».

– Шарили по хатам, было дело, – рассмеялся Шинкаренко, когда мы показали ему записку на дверях. – Вот человек и предупредил честно: все выпито, не надо замки ломать! Взломщикам – пустой труд, мужику – новый замок ставить...

– А что, сюда приезжают?.. – удивился Витька.

– Еще как приезжают! На кладбище к родным ходят. Иногда живут даже недолго. Ездят, не без этого.

– Но... Посты, «колючка»?!

– Местные здесь все обходные тропки, все дырки в «колючке» знают! – отмахнулся от глупого вопроса Шинкаренко.

– А самоселы?..

– Есть и самоселы. Завтра отвезу вас в одно хорошее село – там почти все жители вернулись. Вот свадьба у них будет, нас пригласили. Будете завтра гостями на чернобыльской свадьбе...

Хроника Чернобыля. Припятъ

Наступило утро 26 апреля 1986 года. Город атомных энергетиков Припятъ – 2 километра по прямой до Станции – просыпался.

Рассказывает Л. А. Харитонова, старший инженер производственно-распорядительного отдела управления строительства Чернобыльской АЭС:

– В субботу 26 апреля 1986 года в Припяти люди уже готовились к празднику Первого мая. Теплый погожий день. Весна, все цветет вокруг.

Об аварии еще никто ничего не знал. Приблизительно к полудню по городу поползли слухи: на станции что-то случилось. Но особых волнений это ни у кого не вызвало: ну, случилось, справятся, не в первый раз. Дети, как обычно, пошли в школу, малыши играли на улице в песочницах, катались на велосипедах. Муж ездил на работу и, вернувшись, сказал: «Авария, не пускают. Оцепили станцию...» Тогда мы решили поехать на дачу, но нас за город не пустили посты милиции, пришлось возвращаться домой. И все равно, аварию мы тогда воспринимали как нечто отдельное от нашей личной жизни.

После обеда по городу пошли «поливальки» – начали мыть город. Тут-то бы нам и заволноваться, но мы были спокойны: дескать, жарко, вот и поливают. Я, правда,

обратила внимание на белую пену у обочин, но значения этой пене не придала. А это уже шла полным ходом дезактивация...

Группа соседских мальчишек поехала на велосипедах на мост, откуда хорошо был виден аварийный блок: хотели посмотреть, что там горит на станции. У всех этих ребятишек потом была тяжелая лучевая болезнь.

После обеда наши дети вернулись из школы. В школе их предупредили: на улицу не выходить! Только тогда в сознании впервые мелькнула мысль: на станции случилось что-то серьезное!

К вечеру об аварии уже знал весь город. Но никто не представлял размеров бедствия. Когда уже смеркалось, пожар на станции стал сильнее, мы это даже отсюда видели. Сказали: горит графит...

Рассказывает Г. Н. Петров, бывший начальник отдела оборудования Южатомергомонтажа:

26 апреля в Припяти был день как день. Я проснулся рано: на полу теплые солнечные зайчики, в окнах синее небо. На душе хорошо! Вышел на балкон покурить. На улице уже полно ребят, малыши играют в песке, старшие гоняют на велосипедах.

К обеду настроение стало и вовсе веселым. И воздух стал ощущаться острее. Металл – не металл в воздухе... что-то кисленькое, как будто батарейку от будильника за щекой держишь.

Сосед наш, Метелев, часов в одиннадцать полез на крышу и лег там в плавках загорать. Потом один раз спускался попить, говорит загар сегодня отлично пристает! И бодрит очень, будто пропустил сто грамм. К тому же с крыши прекрасно видно, как там реактор горит...

А в воздухе в это время было уже до тысячи миллибэр в час. И плутоний, и цезий, и стронций. А уж йода-131!

Но мы-то этого не знали тогда! К вечеру у соседа, что загорал на крыше, началась сильная рвота, и его увезли в медсанчасть, потом дальше – в Киев. И все равно никто не заволновался: наверное, перегрелся мужик. Бывает...

Вечером все в нашем доме очень веселые были, оживленные. Ходили друг к другу в гости, делились слухами о том, что там на станции происходит. И никто – никто! – не верил, что авария серьезная. Так, по традиции, предлагали дезактивироваться слегка (то есть выпить немного), и дезактивировались, и становились еще оживленнее, еще веселее. Общее настроение во всем городе царило возбужденное. Словно праздничное. Так действовала на нервные поля радиация. Когда «хватанешь» дозу, всегда сперва наступает радиационное перевозбуждение. А со стороны казалось: город живет в полную силу, люди веселятся...

День шестой

Свадьба среди радиации

На свадьбу в чернобыльское село Осташкино мы прибыли вечером. Удивительное это было село – живое среди сотен умерших, пустых сел. Сюда, спустя год после аварии, вернулись почти все жители. Заново разбили огороды, собрали разбежавшуюся скотину и зажили, как будто и не было вокруг никакой радиации. Разве что без электричества – все села после эвакуации «отрубили» от энергосети. Но местные жители научились прекрасно обходиться керосинками, отсутствие электричества их нисколько не смущало.

Невеста была местной девушкой, а жених оказался нашим, питерским: приехал добровольцем на ликвидацию аварии и – остался. Наверное, нормальным людям, живущим на «чистой» земле, трудно понять: как это – остаться в зараженной радиацией Чернобыльской зоне, бросить все, поселиться в селе, где нет даже электричества, взять и все

разом изменить в своей жизни. Но я его понимала, этого жениха, молодого совсем парнишку. Он тоже получил «радиационный ожог души», и в сердце его возникла любовь к этой несчастной земле. Любовь, которая оказалась сильнее, чем все доводы разума.

Встретили нас радушно. В хате и во дворе были накрыты столы, да какие! Все на них было – и икорка, и красная рыба, и нежное заливное, и картошечка рассыпная, огурчики, помидорчики, зелень, сало, копчености всякие аппетитные...

И потекло свадебное застолье, разгулялось! Пели песни, плясали под гармошку, много смеялись. Во дворе, под яблоней мужики азартно забивали «козла», курили самокрутки; дым стоял коромыслом. Бабы в цветастых шалих на скамеечке перешептывались о своих женских секретах. Детишки носились по двору, прыгали с сеновала, возились с большущим лохматым псом, который, как и они, был в восторге от всего происходящего.

Тостов было сказано много, и ни одного слова не было произнесено про радиацию, словно ее и не было здесь.

В сумерках мы с Витькой вышли на улицу, за ограду: вдруг захотелось немного отдохнуть от шума и суеты. Хата новобрачных расположилась на окраине, рядом был негустой лесок.

– Смотри! – вдруг окликнул меня Витька. – Там, в перелеске!..

Я обернулась к лесу. Между тонкими молодыми деревьями брел космонавт в комбинезоне и в скафандре, с кислородными баллонами за спиной. Я потрясла головой. «Не-ет, – попыталась я образумить себя. – Я этого не вижу! Даже если признать, что самогонка здесь в два с половиной раза крепче магазинной водки, все равно после двух рюмок такого увидеть нельзя! А больше двух рюмок я никогда не пью – у меня аллергия на спиртное. Сейчас он исчезнет!» Но космонавт шел себе спокойненько по лесу, тыкая в землю каким-то металлическим щупом, и исчезать совершенно не собирался.

– Вить, – жалобно подергала я за рукав друга. – Чего он тут ходит?

– Меряет, – объяснил Витька.

– Пусть у себя там меряет! – обозлилась я. – У нас своих проблем хватает!

– Где «у себя»? – удивился Витька.

– Ну, откуда там он прилетел...

– Ты, подруга, того... перегрелась слегка, – покачал головой Витька. И вдруг понял все. – Ты что, думаешь, это – космонавт?!

Я кивнула.

– Ну ты даешь! – в голос захохотал Витька. – Дозиметрист это. Рентгенчики меряет.

– А вырядился так зачем? – не сдавалась я.

– Да не вырядился он, – вздохнул приятель. – Обыкновенная радиационная защита, «жесткий» вариант. Видать, «грязно» здесь, вот он и оделся «по погоде»...

Я еще раз посмотрела на «космонавта». Потом оглянулась на двор, с которого мы только что вышли. Свадьба продолжала гулять. Вокруг столов всюду плясали люди в летней одежде; кое-кто даже сбросил туфли и отплясывал босиком. Я снова обернулась к лесу: дозиметрист шел – в комбинезоне и в скафандре, с кислородными баллонами за спиной... Господи, это было похоже на кошмар из рассказов Бредбери, где смешивались, пересекались различные, порой совершенно противоречивые миры! Так и здесь, сейчас: между этими двумя мирами было метров двести, не больше. А еще между ними стояли мы с Витькой...

Хроника Чернобыля

Днем 26 апреля в Припять прилетела правительственная комиссия: старший помощник генерального прокурора Ю. Н. Шадрин, министр энергетики и электрификации СССР А. И. Майорец, заведующий сектором атомной энергетики ЦК КПСС В. В. Марьин, заместитель министра энергетики А. Н. Семенов, первый заместитель министра среднего машиностроения А. Г. Мешков, начальник Союзатомэнергостроя М. С. Цвирко, заместитель министра здравоохранения СССР Е. И. Воробьев, представитель Минздрава СССР В. Д. Туровский и другие.

Генерал-майор МВД, заместитель министра внутренних дел СССР Геннадий Бердов прибыл в Припять в 5 утра 26 апреля 1986 года. Высокий, седоволосый, спокойный.

На комиссии докладывал:

– В пять утра я был в районе аварийного энергоблока. Сейчас лето, у вагонов открытые окна, железная дорога проходит в пятистах метрах от аварийного блока. Надо закрывать движение поездов. На случай эвакуации населения тысяча сто автобусов подогнаны к Чернобылю и ждут указаний.

– Что вы мне все про эвакуацию говорите?! – взвился министр. – Панику создаете?! Надо остановить реактор, и все прекратится. Радиация придет в норму. Какая еще эвакуация?!

– Я предлагал эвакуацию еще рано утром, – упрямо вмешался в разговор Брюханов. – Запрашивал Москву...

– Что скажет гражданская оборона? – поинтересовался министр энергетики.

Встал Воробьев, начальник штаба гражданской обороны АЭС.

– На дозиметрах с диапазоном двести пятьдесят рентген – зашкал, Анатолий Иванович. Нужна срочная эвакуация!

Встал представитель Минздрава СССР Туровский:

– Эвакуация необходима. То, что мы увидели в медсанчасти... я имею в виду осмотр больных, которых привозят со станции... они в тяжелом состоянии, дозы, по первым поверхностным оценкам, в три – пять раз превышают летальные.

– А если вы ошибаетесь? – не сдавался министр Майорец. – Ладно, разберемся в обстановке и примем решение. Я лично против эвакуации! Вы все тут явно преувеличиваете опасность.

В Припять возвращались на рассвете, Шинкаренко тормознул вдруг у небольшой речки.

– Пошли, классную штуку покажу! – позвал он нас.

Мы вышли и, согласно чуткому руководству Володи, залегли в траву возле реки.

– Видите, на том берегу движение?

Мы кивнули.

– Это табун одичавших лошадей идет на водопой. Здесь ведь всю живность после аварии побросали, когда людей эвакуировали. Лошади одичали, сбились в табуны. Во, смотрите!..

Табун голов в пятьдесят быстро приближался. Красиво бежали кони, но что-то в этом табуне было странное. Мы вгляделись повнимательнее и захохотали в голос. Среди статных коней, в самой гуще табуна, бодро неслась поджарая корова.

– Тише вы, спугнете! – зашипел Шинкаренко. – Она с ними уже месяца два бегают. Да так ловко носится, просто беговая буренка получилась, можно на ипподром отправлять!.. И ведь не гонят кони ее, представляете?

– Дивная земля... – покачал головой Витька. – Чего тут только не увидишь.

– Это точно! – кивнул наш провожатый. – А что здесь будет через три года? Через пять лет? Через десять? Трудно представить! Ладно, поживем – увидим!

Володя Шинкаренко так и не увидел, какой будет Чернобыльская зона через десять лет: он умер в Киеве в 1995 году; отказало сердце. Было ему чуть больше сорока.

Хроника Чернобыля

Первая группа пострадавших на аварии была доставлена в медсанчасть Припяти примерно через полчаса после взрыва. Врачи не могли оценить тяжесть их радиационного поражения: у них не было данных о реальных радиационных полях на Станции и вокруг нее. Только первичные реакции облученных: очень сильный ядерный загар, отеки и ожоги, тошнота, рвота, слабость, у некоторых – шоковые состояния, говорили о тяжести поражений.

Рассказывает В. Г. Смагин (принимал смену у Акимова):

Нас, человек пять, посадили в «скорую» и отвезли в медсанчасть Припяти. Имеющейся аппаратурой замерили активность каждого. Очень «грязные!» Помылись. Все равно радиоактивные. Вымылись еще несколько раз, результаты те же. Все чувствовали себя очень плохо.

Мне поставили капельницу в вену. Часа через два в теле стала ощущаться бодрость. Когда кончилась капельница, я встал и начал искать курево. В палате были еще двое. На одной койке прапорщик из охраны. Все говорил: «Сбегу домой. Жена, дети волнуются. Не знают, где я. И я не знаю, что с ними». – «Лежи, – сказал ему. – Хватанул бэры, теперь лечись...»

На другой койке лежал молодой наладчик из черновыльского пусконаладочного предприятия. Когда он узнал, что Володя Шашенок умер утром, кажется, в шесть утра, то начал кричать, почему скрыли, что он умер, почему ему не сказали. Это была истерика. И похоже, он перепугался. Раз умер Шашенок, значит, и он может умереть. Он здорово кричал: «Все скрывают, скрывают!.. Почему мне не сказали?!» Потом он успокоился, но у него началась изнурительная икота.

В медсанчасти было «грязно». Прибор показывал радиоактивность. Мобилизовали женщин из Южатомаэнергомонтажа. Они все время мыли полы в коридоре и в палатах. Ходил дозиметрист и все измерял. Бормотал при этом: «Моют, моют, а все „грязно“...»

В открытое окно услышал, что меня зовут. Выглянул, а внизу Сережа Камышный из моей смены. Спрашивает: «Ну как дела?» А я ему в ответ: «Закурить есть?» Спустили шпагат и на шпагате подняли сигареты. Я ему сказал: «А ты, Серега, что бродишь? Ты тоже нахватался. Иди к нам». – «Да я нормально себя чувствую. Вот дезактивировался. – Он достал из кармана бутылку водки. – Тебе не надо?» – «Не-ет! Мне уже влили...»

Заглянул в палату к Лене Топтунову. Он лежал. Весь буро-коричневый. У него был сильно опухший рот, губы. Распух язык. Ему было трудно говорить. Всех мучило одно: почему взрыв?..

Володя Шашенок умер от ожогов и радиации в шесть утра. А заместитель начальника электроцеха Александр Лелеченко после капельницы почувствовал себя настолько хорошо, что сбежал из медсанчасти и снова пошел на блок. Второй раз его уже повезли в Киев в очень тяжелом состоянии. Там он и скончался в страшных муках. Общая доза, им полученная, составила 2 500 рентген. Не помогли ни интенсивная терапия, ни пересадка костного мозга...

Валера Перевозченко после капельницы не встал. Лежал молча, отвернувшись к стене. Толя Кургуз был весь в ожоговых пузырях. В иных местах кожа лопнула и висела лохмотьями. Лицо и руки сильно отекали и покрылись корками. При каждом мимическом движении корки лопались. Он жаловался, что все тело превратилось в сплошную боль.

Врачи, конечно, и сами облучились. Воздух в медсанчасти был радиоактивный, сильно излучали и тяжелые больные, они ведь вобрали радионуклиды внутрь и впитали в кожу.

Все, кому полегчало, собрались в курилке. Думали только об одном; почему взрыв? Был тут и Саша Акимов, печальный и страшно загорелый. Вошел Анатолий Степанович Дятлов. Курит, думает. Привычное его состояние. Кто-то спросил: «Сколько хватанул, Степаныч?» – «Да, думаю, рентген сорок... Жить будем...»

Он ошибся ровно в десять раз. В 6-й клинике Москвы у него определили 400 рентген. Третья степень острой лучевой болезни. И ноги он себе подпалил здорово, когда ходил по топливу и графиту вокруг блока.

У многих в голове вертелось слово «диверсия». Потому что когда не можешь объяснить происходящее, то и на самого черта подумаешь. Акимов на мой вопрос ответил одно: «Мы все делали правильно... Не понимаю, почему так произошло...» Дятлов тоже был уверен в правильности своих действий.

К вечеру прибыла команда врачей из 6-й клиники Москвы. Ходили по палатам. Осматривали нас. Бородатый доктор, Георгий Дмитриевич Селидовкин, отобрал первую партию – двадцать восемь человек – для срочной отправки в Москву. Отбор делал по ядерному загару. Было не до анализов. Почти все двадцать восемь

умрут...

Из окна хорошо был виден аварийный блок. К ночи загорелся графит. Гигантское пламя вокруг трубы... Страшно было смотреть!..

День седьмой

Посторонних не пускать!

А на седьмой день нашего пребывания в Чернобыльской зоне к нам пожаловали гости. Поздно вечером в дверь решительно позвонили, и строгий голос крикнул:

– Шинкаренко, открывай, совесть твоя пришла! Будем разговаривать...

– Влипли, – вздохнул Володя. – Это проверяющие «Спецатома». Значит, каким-то образом стало известно, что в Зоне живут посторонние. Сейчас вас будут вывозить.

– Куда? – оторопело спросили мы.

– Скорее всего, на Зеленый Мыс, там есть пустующий детский лагерь. До утра подержат, потом – за Зону.

– Шикаренко! – упорствовали за дверью. – Негоже так долго не отпирать двери гостям!

– Спокойно, ребята, – попытался успокоить нас Володя. – Я что-нибудь придумаю. Вы с ними поезжайте спокойненько себе и ждите там от меня весточки. Старайтесь поменьше говорить. На вопросы не отвечайте или отвечайте невнятно. Все валите на меня: мол, заманил, привез, водкой поил. Дескать, ничего толком не видели, сидим тут в Припяти за столом уж который день. Сделать нам они ничего не могут, официально у нас в стране процветает гласность, есть еще какой-то закон о печати... не мне вас учить! Главное, молчите и ждите меня.

Он открыл двери, и в комнату вошли двое мужчин в военной форме.

– Ну что, работники пера, – не поздоровавшись, ласково обратились они к нам. – Будем собираться? Поедем отсюда, здоровее будете!

– Здравствуйте! – вежливо сказал вошедшим Витька.

– Собирайся давай, – не пошли на контакт представители власти. – В машине, по дороге, и поздороваемся, и попрощаемся, и поговорим обо всем, если захочешь. Живенько, живенько! С вещами, как говорится, да на выход.

Мы сели в машину. Примерно через полтора часа нас высадили у двухэтажного деревянного здания.

– Где мы? – наивно и невинно поинтересовалась я.

– Зеленый Мыс, – буркнул один из провожатых. – Переночуете и поедете с утра в Киев, оттуда домой. Паспорта-то хоть есть?

– В принципе есть, – согласился Витька. – Только мы их в Киеве у друзей оставили. Шинкаренко велел с собой ничего лишнего не брать.

– Шутники! – хмыкнул сопровождающий. – Знаете что, ребята? Мне проблемы с вами не нужны. Я человек подневольный: приказали вас из Зоны вывезти, я приказ выполняю. А разбираться, кто вы, откуда, как сюда попали... это мне лень. Знаю, что питерские журналисты, этого с меня достаточно. Официально наказать вас нельзя, так что сейчас я запру вас в комнате до утра, а потом езжайте себе с богом. Мое дело – маленькое.

– А Шинкаренко? – поинтересовался Витька. – Ему что будет за то, что он нас в гости пригласил?

– По шее ему будет, – охотно сообщил сопровождающий. – Впрочем, Вовке не привыкать, у него уже мозоль на этой самой шее. Бьют, бьют, да все без толку. «В гости»... – покачал он головой. – Сами-то хоть понимаете, куда влезли? Здоровья не жалко?

– Ай! – махнул рукой Витька. – Какое там здоровье!.. Разве на нашей работе будешь здоровым? Все на нервах, все всухомятку... одни расстройства.

– Ну-ну, – покачал головой дядечка. – Давайте, нервные вы мои, двигайте на второй этаж, там уж и кровати для вас застелены. Спите себе спокойно до утра...

Нас проводили в маленькую комнатку и заперли на ключ.

– Действительно бывший пионерский лагерь, – сообщил Витька, высунувшись в окно и обозрев окрестности. – Ну что, кончились наши приключения?

– Шинкаренко же велел ждать! – не согласилась я.

– Ну подождем, – согласился друг и соратник, растягиваясь на кровати. – Только давай ждать лежа, а? Что-то я устал за последние дни...

Мы уже почти уснули, когда под окнами послышался тихий свист. Я открыла окно.

– Бойцы-товарищи! – раздался снизу шепоток Шинкаренко. – Давайте сматываться отсюда!

– Нас заперли, – пожаловалась я.

– Вестимо, заперли, – согласился Шинкаренко. – А окна для чего в домах делают?

– Так высоко же!

– Белье постельное дали? – деловито осведомился наш товарищ.

– Не давали, – поправила я. – Постели уже застелены были, когда нас привезли.

– Связывайте простынки и – вниз, – велел Шинкаренко. – Да не копайтесь вы там, шустренько вылезайте. Люди остограммились и спят, но ведь известно, что сон выпившего человека краток и беспокоен. Не приведи Господь проснутся, чтобы опохмелиться...

Спустя пять минут мы Витькой спускались вниз по связанным простыням.

– Ну чисто детство в пионерском лагере, – тихонько пыхтел Витька. – Давненько я в окна не лазил...

– Топ-топ ножками, – скомандовал Шинкаренко, когда мы приземлились. – За мной, на цыпочках. И не сопеть, а то поймают!

Мы прошли быстрым шагом пару километров и увидели на обочине до слез знакомый старенький «москвич».

В Припятъ вернулись уже на рассвете.

– Ну что, по сто «фронтовых»? – деловито осведомился Витька.

– Молодец, – похвалил Шинкаренко. – Учишься мыслить в верном направлении.

Мы уселись за стол.

– И что теперь будет? – поинтересовалась я. – Вот проснутся они с утра, а нас нет...

– Погорюют, конечно, – посочувствовал представителям власти Шинкаренко. – Потом выпьют и напишут рапорт: дескать, задержанные сбежали, примем меры к розыску.

– Ну, и?..

– Поговорю с кем надо, – пообещал Шинкаренко. – Искать, конечно, будут, но во второй раз уже не найдут.

– Мы будем прятаться? – оживился Витька. – Менять квартиры, пароли?..

– Не, ну если очень хочется так пожить, – с сомнением протянул Володя. – Можно, конечно. Но я бы предпочел более спокойный вариант существования. Сказал же, поговорю с людьми сегодня. Никто вас больше не найдет. Это была моя оплошность, извините за доставленные неудобства.

Поболтав немного, мы улеглись спать, а Шикаренко уехал разговаривать «с кем надо». В Зоне мы прожили еще пять дней, и нас действительно больше никто ни разу не нашел.

Хроника Чернобыля

Около 10 вечера 26 апреля 1986 года прибыл в Припятъ заместитель Председателя Совета Министров СССР Борис Евдокимович Щербина. Он стал первым председателем правительственной комиссии по ликвидации последствий первой ядерной катастрофы в Чернобыле. Был спокоен, собран и сосредоточен. Не понимал еще, что за беда случилась...

Но в ситуации разобрался на удивление быстро.

Правительственная комиссия решала вопрос об эвакуации. Особенно настаивали

на ней гражданская оборона и медики из Минздрава СССР.

– Эвакуация необходима немедленно! – горячился заместитель министра здравоохранения Воробьев. – В воздухе плутоний, цезий, стронций. Состояние пострадавших в медсанчасти говорит об очень высоких радиационных полях. Щитовидки людей, детей в том числе, напигованы радиоактивным йодом.

Щербина решил:

– Эвакуируем город утром 27 апреля. Все автобусы подтянуть ночью на шоссе между Чернобылем и Припятью. Вас, генерал Бердов, прошу выставить посты к каждому дому. Никого не выпускать на улицу. Гражданской обороне утром объявить по радио необходимые сведения населению. А также уточненное время эвакуации. Разнести по квартирам таблетки йодистого калия. Привлеките для этой цели комсомольцев...

Щербина, Шашарин и Легасов на вертолете гражданской обороны поднялись в ночное небо Припяти и зависли над аварийным блоком. Щербина в бинокль рассматривал раскаленный до ярко-желтого цвета реактор, на фоне которого хорошо были видны темноватый дым и языки пламени. Он с уважением оглядел атомное чудовище, восхитился: «Ишь, как разгорелся!..»

В 13.30 27 апреля 1986 года колонна из 1100 автобусов, собранная на дороге между Чернобылем и Припятью, дрогнула и потянулась в город. Началась эвакуация.

Рассказывает Г. Н. Петров :

Ровно в четырнадцать часов к каждому подъезду подали автобусы. По радио предупредили: одеваться легко, брать минимум вещей, через три дня вернемся. У меня еще тогда мелькнула невольная мысль: если брать много вещей, то просто-напросто автобусов не хватит.

Большинство людей послушались и даже не взяли с собой денег. А вообще хорошие у нас люди: шутили, подбадривали друг дружку, успокаивали детей. Говорили им: поедем к бабушке... на кинофестиваль... в цирк... Только дети все чувствовали: были бледны, печальны и помалкивали. В воздухе вместе с радиацией повисли деланая бодрость и тревога. Но все было деловито. Многие спустились вниз заранее и толпились с детьми снаружи. Их все время просили войти в подъезд. Когда объявили посадку, выходили из подъезда и сразу в автобус. Те, кто мешкал, бегал от автобуса к автобусу, только хватали лишние бэры.

Трагичным было расставание уезжающих с домашними животными, кошками, собаками. Кошки, вытянув трубой хвосты, заглядывали в глаза людям, мяукали, собаки самых разных пород выли, прорывались в автобусы, истошно визжали, грызались, когда их выволакивали оттуда. Но брать с собой кошек и собак, к которым особенно привыкли дети, было нельзя. Шерсть у них оказалась очень радиоактивная, как и волосы у людей. Ведь животные круглый день на улице. Сколько они набрали...

Долго еще псы, брошенные хозяевами, бежали каждый за своим автобусом. Но тщетно. Они отстали, возвратились в покинутый город и стали объединяться в стаи.

Везли до Иванкова (шестьдесят километров от Припяти) и там расселяли по деревням. Не все принимали охотно. Один куркуль не пустил мою семью в свой огромный кирпичный дом, но не от опасности радиации (в этом он не понимал, и объяснения на него не действовали), а от жадности. Не для того, говорит, строил, чтобы чужих впускать...

Многие, высадившись в Иванкове, пошли дальше, в сторону Киева, пешком. Кто на попутных. Один знакомый вертолетчик уже позже рассказывал мне, что видел с воздуха: огромные толпы легко одетых людей, женщин с детьми, стариков, шли по дороге и обочинам в сторону Киева. Машины застревали в этих толпах. А люди шли, шли, шли...

Эвакуации были подвергнуты также жители близлежащих к АЭС деревень и хуторов. Так родилась 30-километровая Чернобыльская зона.

День последний

Прощание в Киеве

Командировка наша закончилась, и мы уезжали в Киев. Вечером ребята устроили нам проводы. Мы оставили им свои адреса и телефоны; они нам своих не оставили.

– Нечего оставлять! – улыбнулся Шинкаренко. – Почты тут нет, телефоны давно отключены. Если хотите, пишите на киевский Главпочтамт «до востребования», будем в Киеве – заберем письма.

– Напишем! – пообещала я.

– Во всяком случае, журнал с материалами обо всем, что здесь увидели, пришлем точно! – пообещал Витька.

За прощальным столом снова спели «Камикадзе». Теперь вместе с ребятами пели и мы; как-то вдруг решили, что тоже теперь имеем на это право. И они с нашим правом согласились, приняли в компанию.

С утра Володя Шинкаренко отвез нас на своем стареньком «москвиче» в Киев.

– Пойдемте кофе попьем на прощанье, – предложил он, остановившись на Крещатике.

Мы вылезли из машины и пошли через подземный переход на другую сторону проспекта, к кофейне.

В переходе звучала песня. Сперва мне почудилось, что это обыкновенные уличные музыканты зарабатывают себе на хлебушек; таких и у нас в Питере предостаточно в переходах. Но когда мы подошли поближе, я поняла, что это не музыканты. Человек двадцать собрались под плакатом «Чернобыль 1987» и пели. Пели без музыки, тихо и строго. Я прислушалась. Они пели нашу, русскую песню про малиновый звон, только на украинском языке. Ту, самую:

...Малиновый звон на заре,
Скажи моей милой земле,
Что я в нее с детства влюблен,
Как в этот малиновый звон...

– Наши, – тихо сказал Шинкаренко, – чернобыльцы...

Этот малиновый звон –
От материнских окон,
От с неба упавшей звезды
Да от минувшей беды...

Неслось над головами собравшихся, гулким эхом отдавалось в подземном переходе.

Пыльный затеплется шлях,
Где мы гуляли в полях,
Где от родимых окон
Слышен малиновый звон...

– Мы вернемся, Вовка, – тихо сказал Витька.

– Я знаю, – кивнул сталкер. – Знаю, что вернетесь.

Забегая вперед, скажу, что мы и в самом деле вернулись туда снова, через полгода, а потом еще, и еще, и еще...

Чернобыльская авария. Постскрипtum

Я посетил родную редакцию, чтобы сдать материалы по командировке в Кадыкчан – расселенный несколько лет назад шахтерский город, безмолвно рассыпающийся на части посреди сопки Колымы. Был я физически утомлен путешествием, да еще и морально чувствовал себя не так чтобы очень. Насмотрелся на непривлекательные стороны развития человеческой цивилизации. Одно дело – прочитать о мертвых городах в материалах коллег (пусть и очень образно написанных), а другое дело прочувствовать все собственным ливером. Так что можно признаться, что я был несколько на взводе.

Поэтому когда я узнал, что готовятся к публикации материалы по Припяти и Чернобылю, то не смог удержаться и прилюдно прокомментировал свое мнение по поводу влияния аварии на страстно любимый мной город Киев. Нет, родился я в Питере и частично здесь вырос. Зато каждое лето я с матерью отправлялся почти на все каникулы на Украину. Тогда еще именно так говорили, а не «в Украину» (кстати, не могу привыкнуть до сих пор). Мать – учительница в школе, и законный отпуск у нее растягивался на два месяца, на которые она, подхватив под мышку рахитичного питерского ребенка, спешно отправлялась к своей сестре – подкормить меня щедрой хохляцкой кухней и поправить пошатнувшееся за зиму здоровье витаминами. И так каждое лето – с тех самых пор, как мне исполнился год, и до апреля 1986-го. До сих пор я считаю, что в этом году – мне исполнилось четырнадцать лет – у меня закончилось детство – просто потому что я перестал ездить в Киев. Я знал в этом городе все закоулки и честно признаюсь – любил его гораздо больше, чем родной Питер. И я был прав. Чем могут привлечь ребенка строгие линии гранитных набережных и редкое солнце, воспринимаемое даже летом как праздник? А бесконечные слякотные зимы, когда день заканчивается, даже не начавшись? И потом, все первые пятнадцать лет своей жизни я провел в нескончаемой борьбе: мое здоровье против болотистого питерского климата. Но надо заметить, что я редко бывал в выигрыше.

Киев я обожал и каждый год с томлением ждал начала лета. Поэтому Чернобыльскую АЭС я возненавидел сразу и всей душой. Как только узнал о ее существовании – и одновременно с ее кончиной – 2 мая 1986 года. Киев с тех пор был потерян для меня. Как выяснилось потом, на долгие годы. Жизнь сложилась так, что в следующий раз я приехал туда только спустя двадцать лет. И тем не менее о событиях того времени я знаю очень и очень хорошо. С тайной надеждой я слушал телефонные сообщения тетки, которая звонила более чем обеспокоенной семье почти каждый день в течение месяца после взрыва на четвертом блоке, и обязательно раз в неделю – все последующие полгода. Я выискивал в

этих сообщениях надежду – вот сейчас все быстренько ликвидируют, починят, радиацию смоют с улиц, и летом я опять залезу на верхнюю полку в поезде. Что из этого вышло, даже вспоминать не хочется. Между прочим, моя тетка тоже оказалась в многочисленном стане пострадавших. Через пять лет после аварии на АЭС она перенесла субтотальное (то есть почти полное) удаление щитовидной железы.

Учитывая все рассказанное, я думаю, вы поймете, почему меня так взял за душу незатейливый факт: выходят материалы о ненавистной мне АЭС и снова ни слова не будет сказано о том, как сильно пострадал от аварии Киев. Смолчать я не мог. И наверное, тогда в редакции произнес очень страстный монолог, потому что к нему прислушались. Поэтому помимо отчета о командировке на Крайний Север я через некоторое время сдал на руки редактору материалы, которые вы можете прочитать ниже.

P.S. Я очень старался быть беспристрастным.

Как это было в Киеве

Я собираюсь восполнить один серьезный пробел, который вот уже двадцать лет существует в материалах, посвященных последствиям катастрофы на Чернобыльской АЭС. Казалось бы, при достаточно большом количестве информации, связанной с этой катастрофой, проведенных исследований самого разного уровня подготовки трудно поставить новые вопросы и обозначить новые направления исследований. И тем не менее.

История двух наиболее пострадавших в этой трагедии городов – Чернобыля и Припяти – уже достаточно освещена в средствах массовой информации. О том, как именно пострадали эти населенные пункты и их жители, сказано и написано многое. Тем более странно, что при этом почти полностью игнорируется положение, в котором оказались (как сразу после взрыва четвертого блока, так и по прошествии многих лет) жители другого города с населением почти в два миллиона человек – Киева. Двадцать лет назад генеральный секретарь СССР М. С. Горбачев, отвечая на неприятные вопросы иностранных журналистов, которые касались последствий катастрофы и их ликвидации, озвучил, почему не имеет смысла беспокоиться о судьбе и здоровье киевлян. По его словам, экспертная комиссия, которая была создана сразу после аварии и в состав которой входили ученые разных профилей, вынесла вердикт: жителям Киева совершенно не о чем беспокоиться, так как этот город оказался «за чертой» (это цитата!) распространения радиоактивного облака.

Ветер, видите ли, дул в противоположном от Киева направлении, и облака ушли на Белоруссию и Европу. Не стоит даже обсуждать откровенную абсурдность этого беспомощного утверждения, да и не только беспомощного, но и явно лживого (в качестве альтернативы остается только предположить, что уровень подготовки у специалистов, входящих в экспертную комиссию, был не выше трех классов начальной школы). Можно допустить, что некоторое количество людей, в то время совершенно незнакомых с термином «радиационное заражение» и не имевших ни малейшего представления о влиянии, которое это заражение оказывает на биологическое существование человека, поверили в этот бред. Но почему молчали те люди (врачи, ученые), которые прекрасно осознавали вздорность этой версии? Или они не молчали, а били тревогу и пытались помочь киевлянам? И поверили ли жители Киева в собственную безопасность и защищенность от последствий чернобыльской катастрофы? Что же происходило двадцать лет назад в мае в Киеве, где почти два миллиона жителей были практически брошены на произвол судьбы властью имущими?

Хватит повторять вранье, пусть и двадцатилетней давности. Пора поговорить о реальности. Для начала необходимо привести здесь некоторые сведения, общеизвестные, но от этого не менее важные для обозначения проблемы. Расстояние между Чернобылем и Киевом составляет восемьдесят километров. Ничтожность этого расстояния в контексте масштаба экологической катастрофы не оставляет ни малейших сомнений в том, что район Киева значительно пострадал вследствие радиоактивного выброса и соответственно пострадали почти два миллиона его жителей. Жалкий лепет о радиоактивном облаке, якобы

обошедшем Киев стороной, мог (отчасти) успокоить только людей, не имеющих реального представления, насколько удалены друг от друга Киев и Чернобыль. А киевляне как раз знали об этом очень хорошо. Река Припять впадает в реку Десну, которая в свою очередь впадает в Днепр. Соответственно, зараженная радиацией вода попала (и очень скоро) не только в Днепр, на котором стоит Киев, но и оказалась в водопроводных кранах всего города, поскольку Днепр является и источником пресной воды в столице Украины.

Радиационный дождик

Но, пожалуй, лучше будет рассматривать события в хронологическом порядке. Как известно, взрыв прогремел в ночь на 26 апреля 1986 года. Активный выброс радиоактивных веществ был наиболее интенсивным в течение восьми дней с момента аварии. Если отбросить идиотскую версию о «благоприятных погодных условиях», то получается, что все это время жители Киева подвергались серьезной опасности. Об этом, безусловно, было прекрасно известно всем, кто был в курсе происшедшего взрыва. Сейчас уже бессмысленно обсуждать, почему тогдашнее правительство СССР не сообщало некоторое время мировому сообществу о катастрофе. Партийные боссы рассчитывали, очевидно, что последствия аварии сойдут на нет самостоятельно. В том, что никто не удосужился сообщить о происшедшем гражданам собственной страны, тоже нет ничего удивительного. Вряд ли нужны даже дополнительные комментарии. Киевляне, таким образом, спали спокойно шесть дней, не подозревая о нависшей над ними опасности.

А потом наступил Первомай. Светлый праздник трудящихся. И вот все население Киева (не только трудящееся, но и дети и старики), как раньше говорилось – «в едином порыве», вышло первого мая на улицы города. Была проведена традиционная майская демонстрация. Погода в первой половине дня исключительно благоприятствовала проведению массовых мероприятий – светило солнце. Именно поэтому по окончании шествия и официальной части люди не разошлись по домам, а продолжили фланирование по улицам города. Это сейчас в Киеве на каждом углу крытые уличные кафе и маленькие ресторанчики с кондиционерами. Двадцать лет назад существовали только душные столовки, куда совершенно не хотелось заходить в теплое время года. Поэтому большинство людей просто гуляли по улицам, наслаждаясь законным выходным. На небольшой дождь, который освежил жаркие тротуары и мощеные узкие улочки, никто не сетовал и прогулки из-за него не прервал. И лишь немногие обратили внимание на странности поведения дождевых капель. Падая на асфальт, капли не сразу растекались, а некоторое время дрожали на асфальте, как маленькие капельки ртути.

Узнают ли люди когда-нибудь, были ли проведены необходимые замеры или исследования в Киеве в те несколько дней, что город спокойно спал и гулял? Будут ли эти исследования опубликованы? И узнают ли жители славного города Киева, что же на самом деле падало с неба под видом невинных первомайских осадков? Что-то (возможно, здравый смысл) подсказывает, что вряд ли.

Паника в городе

Второго мая, после того как идеологический праздник со всеми неизменными атрибутами в виде массовых демонстраций остался позади, рядовые граждане СССР, и киевляне в том числе, узнали о свершившейся накануне катастрофе. Дата катастрофы в официальном сообщении действительности не соответствовала. Но если жителям средней полосы России конкретная дата была не принципиально важна, то киевляне сразу поняли, что для них вопрос времени – приоритетный. Большинство образованных людей, имеющих представление о вреде радиации, захотели узнать точно – произошла катастрофа «до» или «после» народных гуляний? Ведь как говорят в Одессе, это две большие разницы. Нетрудно догадаться, что, учитывая ничтожность расстояния между городами, правда всплыла на свет

божий очень быстро. И тогда началась паника.

Вообще говоря, надо отметить, что население города разделилось на две неравные части. Одна часть в силу полученного «по теме» образования, общего уровня интеллекта или просто обладающая достаточным здравым смыслом для того, чтобы прислушаться к советам компетентных специалистов, предприняла радикальные меры для немедленной эвакуации из города. Желательно подальше от Украины вообще. Те же киевляне, которые в силу обстоятельств не могли покинуть город, на некоторое время просто впали в отчаяние. Если использовать математические термины, то можно приблизительно утверждать, что людей, реально осознающих опасность, было около трети населения города. Или чуть меньше. Но и этого количества оказалось достаточно. Достать билет на самолет или поезд, которые бы увезли подальше от города, до конца мая было невозможно. В первые дни, после того как киевляне узнали о трагедии, билетные кассы по всему городу, а также на вокзале и в аэропорту Борисполь были переполнены. В качестве мародеров в те дни выступали билетные спекулянты. Знающие люди из правоохранительных органов утверждают, что барыши они в те дни получили невероятные.

Вторая часть, то есть большинство, хоть и поддавалась паническому настроению, но лишь отчасти и ненадолго. Они и пострадали больше всего. Успокоенные лживыми уверениями правительства и медиков, то и дело мелькающих на экранах телевизоров и на страницах газет (а в то время печатному слову верили неизмеримо больше, чем в нынешние времена), люди так и не осознали, какой опасности они подвергаются. И соответственно не приняли необходимых мер для своей защиты. Положение осложнялось тем, что собственно источник опасности не имел никаких осязаемых материально подтверждений. Радиацию нельзя увидеть, она не имеет ни вкуса, ни запаха. Поэтому до сознания многих масштаб произошедшей катастрофы просто не дошел. Ведь в их жизни ничего значительно не изменилось, так стоит ли беспокоиться? Чего ради все усложнять?

Массовая паника продолжалась лишь первые день-два, потому как по городу немедленно прошел слух о взрыве атомной бомбы. Что, впрочем, естественно, так как в то время у большинства людей слово «радиация» ассоциировалось исключительно с применением ядерного оружия. Но после того как киевляне разобрались (как им казалось) что к чему, накал страстей значительно поутих. Через неделю разговоры о катастрофе в Чернобыле воспринимались основной частью населения города как пикантная сплетня, о которую можно вдоволь почесать языки на базаре. Поэтому все последующие проведенные на предприятиях лекции о поведении в зараженной местности (какими бы убогими они ни были) никто не воспринял всерьез и рекомендации не выполнял.

Невыполнимые рекомендации

И никто, НИКТО тогда не объяснил людям, как они не правы. Инструктаж проводили наспех обученные главы месткомов, сами имеющие весьма поверхностное представление о предмете (и это еще мягко сказано!). Да кто и когда воспринимал производственные собрания всерьез! В результате этого тотального неведения люди были лишены даже самых элементарных средств защиты. А те, которые все-таки применялись, нельзя рассматривать всерьез. Невозможно было спокойно смотреть на детей, идущих по улицам города в марлевых повязках доморощенного производства.

Лучше всего иллюстрирует способы, которыми киевляне защищались от радиационного воздействия на организм, один анекдот. Он не очень смешной, но весьма показательный.

Рекомендовано Минздравом. Лекарство от радиации. Одна капля йода на стакан водки. Принимать вовнутрь, пока не кончится йод.

Что касается Минздрава, то едкий сарказм этого анекдота по поводу людей, связанных

со здравоохранением, предельно адресный. На конкретно поставленные вопросы киевлян, озабоченных состоянием своего здоровья в связи с возможным радиационным поражением, большинство врачей лишь недоуменно разводили руками. Смысл этого жеста сводился к заявлению: «нас этому в институте не учили». И между прочим, они были правы. Всего двадцать лет назад мало кто из медиков мог уверенно перечислить хотя бы симптомы лучевой болезни, что уж говорить о понимании более тонкого воздействия радиации на организм человека. Поэтому очень многие заболевания, вызванные именно повышенным радиационным фоном, диагностировались неправильно и, как следствие, неправильно лечились.

Инструкции же, полученные во время уже упомянутых лекций и инструктажей, в основном сводились к нескольким нехитрым советам. Нехитрые-то они были нехитрые, но при этом практически невыполнимые. Судите сами: из мяса отдавать предпочтение свинине (организм этого животного практически не аккумулирует радиацию), при этом полностью отказаться от говядины и кур. Сало, конечно же, национальный продукт Украины, но не до такой же степени, чтобы полностью перейти только на него. И вообще, утверждали составители инструкций, мясо в пищу лучше употреблять импортного производства. В 1986 году такие рекомендации воспринимались исключительно как издевательство.

Следующая инструкция настоятельно советовала приобрести в частное пользование счетчик Гейгера. Изначальная невыполнимость этого пункта состояла в том, что счетчики Гейгера в СССР в свободную продажу не поступали (хотя уже через месяц после аварии этот счетчик появился даже у людей, далеких от предприятий – производителей этих приборов, но ведь это надо знать смекалку советского человека!), при этом инструкция стыдливо умалчивала, как поступать человеку, который при помощи этого счетчика обнаружил повышенный радиационный фон, например, у себя под кроватью.

Мутационный урожай

Жителям ближнего пригорода и владельцам дачных участков предписывалось не употреблять в пищу фрукты и овощи, выращенные на приусадебном участке. А поскольку дело было в начале сезона, то «специалисты» утверждали, что лучше ничего и не сажать. Как вы думаете, какое количество владельцев земельных участков, особенно это касается сельских жителей, реально выполнили эту рекомендацию? Правильно, меньше одного процента. Все остальные даже не подумали прислушаться к этому совету. Во-первых, по причине его практической невыполнимости, а во-вторых, все из-за того же отсутствия правильной информации и осознания степени вреда для организма радиационного воздействия. И вырастили, и собрали, и съели.

На вопрос одной довольно наивной киевлянки «Как же вы без огорода-то?», который она адресовала своей знакомой, жительнице села, расположенного в двадцати километрах от города (кстати, по направлению к Чернобылю), киевлянка получила в ответ непонимающий взгляд и удивленные слова: «Почему без огорода? Все кушаем, помидоры в этом году уродились». – «Как же, – продолжала недоумевать наивная киевлянка, – а радиация???» «Да где она, та радиация», – пожала в ответ плечами ее знакомая.

Так и было. Ели, все ели: овощи, фрукты, и кур и коров. Это ведь надо понимать, что такое земельный участок на Украине. Не какие-то паршивые шесть соток на мгинских или синявинских болотах, а Житница, без дураков кормившая всю семью в течение года. Что до наивной киевлянки, пытавшейся предупредить свою сельскую подругу об опасности, в источнике которой она и сама-то не очень разбиралась, то через пять лет в этом селе у нее стало на пять знакомых женщин меньше. Они умерли от различных форм рака. Здоровые молодые хохлушки. И село-то небольшое.

Тут нужно отдельно упомянуть, что урожай в 1986 году (и не только на приусадебных участках) собран был небывалый, даже по меркам плодородной украинской земли. Помидоры с кулак величиной и колосья пшеницы высотой в человеческий рост. И опять же,

ни в одном колхозе, ни в одном хозяйстве не проводилось никаких замеров. Хотя ученых и должна была бы насторожить такая внезапная урожайность в радиусе ста пятидесяти километров от места аварии. Вряд ли в 1986 году ученым был совсем уж неизвестен факт, что одним из самых распространенных признаков мутаций как раз и является увеличение плодородности растений и гипертрофированные размеры плодов. А может быть, действительно советские ученые, лишенные такой науки, как генетика, не знали элементарных вещей. Ведь посоветоваться-то не с кем было. Не к западным же идеологическим врагам обращаться за поддержкой, в самом деле! Председатели же колхозов, в которых уродились все эти чудеса (как они думали, природы), только потирали руки и с радостью рапортовали о выполнении и перевыполнении всего на свете. Тут необходимо напомнить, что в советские времена пшеницу еще не полностью закупили в Канаде, а Украина как раз и являлась одним из крупнейших поставщиков зерна во все регионы СССР. Так что откушали советские люди хлебешка урожая 1986 года немало.

А киевлянам между тем продолжали вкручивать, что вреда для их здоровья не существует. Большинство верило.

Колонны транспорта из зараженной зоны

Май 1986 года подходил к концу. В Киеве быстро привыкли к поливальным машинам, которые два раза в день мыли центральные улицы города водой с... мыльной пеной. Как ни странно, эти машины приносили реальную пользу. Счетчики «фонили» в основном в местах скопления грязи и пыли. Это касалось не только улиц. Такая же картина наблюдалась и в домах. Достаточно было поднести счетчик к углу, где скопилось хоть немного пыли, как прибор начинал трещать. Ну и подоконники, естественно. Вечное скопище пыли. А ведь было лето – жаркое украинское лето. А что такое кондиционеры, большинство советских людей просто не знали. Поэтому окна в домах, естественно, не закрывались даже на ночь.

Мало кто из хозяек имел возможность ежедневно проводить тщательную влажную уборку квартиры, а между тем это был один из самых эффективных способов если не защиты, то хотя бы снижения опасности. И опять-таки, если бы матерям семейств авторитетные люди объяснили как следует, понятными им словами и не ничего скрывая, каким образом они могут защитить здоровье своих детей и себя от радиационного воздействия (заодно уж объяснив и всю опасность этого самого заражения), то, скорее всего, большинство из них вывернулись бы наизнанку, но обеспечили необходимые профилактические меры.

Но улицы мыли не только потому, что пытались смыть с них залежи зараженной пыли. По этим улицам ночью проходили грузовые машины и автобусы. Первые машины появились примерно спустя неделю после чернобыльской катастрофы. В общей сложности эти вереницы машин и автобусов тревожили ночной Киев на протяжении примерно месяца. Это шел транспорт из зараженной зоны: Чернобыля, Припяти и окрестных сел. Киевляне с сочувствием относились к пассажирам автобусов, ведь пострадавшие лишились вместе с имуществом и собственных домов.

Очень быстро жители Киева поняли, что было в военных грузовиках, которые колоннами проходили сквозь город. Слух просочился очень быстро, и, повинаясь здравому смыслу и жизненному опыту, люди сразу в него поверили. Как шепотом передавали друг другу на базарах, в военных грузовиках было вывезенное с зараженной территории «добро». Тот скарб, который жителям пострадавшей зоны запретили вывозить с собой. Не хотелось бы бросать тень на доблестную Советскую армию. Поэтому остановимся на констатации: это был всего лишь слух.

Хотя если бы киевляне до конца понимали, что происходит, то они в первую очередь пожалели бы себя. Дело в том, что грузовики и автобусы по большей части тоже в каком-то смысле эвакуировали из пораженной зоны. Лишь небольшая часть машин (в основном автобусов) была подтянута к месту эвакуации из других городов Украины. А вот военная

техника почти полностью вывозилась из частей, расположенных недалеко от Припяти и Чернобыля, и, конечно же, была в значительной степени поражена радиацией. Но даже автобусы, которые не находились в зараженной зоне во время катастрофы, все равно были «машинами смерти», так как не только железо этих машин несло в себе приличную дозу радиации. Колеса любого транспорта, побывавшего в непосредственной близости от реактора, несли на себе налипший грунт, щедро разбрасывая его по всему пути следования. Вот этот-то грунт фонил гораздо больше, чем железо, при этом оставаясь на улицах Киева в поражающем воображение количестве.

Не представлялось возможным точно подсчитать, сколько автотранспорта из пораженной зоны прошло за месяц через Киев. Но, судя по тому, что за одну ночь по одной улице проходило около сотни машин... Нетрудно понять, что утренний полив улиц мыльной пеной вряд ли мог реально ликвидировать последствия оседания на асфальте радиоактивного грунта. Только размазать.

«Октябрьская» больница. Самоубийства от лучевой болезни

О том, насколько велик был причиненный «грязными» колесами вред, можно судить вполне определенно. И хотя, как и во всех прочих случаях, радиационные замеры или не проводились, или не были обнародованы их результаты, все же можно сделать вполне определенные выводы. И вот каким образом. Неподалеку от Крещатика, всего в двух троллейбусных остановках от центра Киева, расположена центральная больница – «Октябрьская». Именно в эту больницу госпитализировали пожарных и даже военных, пострадавших во время ликвидации последствий аварии. Тех самых, что голыми руками расчищали радиоактивные завалы возле реактора. Военные оказались в гражданской больнице по причине переполненности военных госпиталей. Кстати, один из таких госпиталей был расположен в центре Киева на бульваре Леси Украинки. Как нетрудно догадаться, он тоже был переполнен. Только в отличие от гражданской больницы вход на его территорию был перегорожен ежами с колючей проволокой. Непонятно, правда, в связи с чем были предприняты такие радикальные меры, так как в те допотопные времена журналисты не представляли никакой опасности и были ручными, как комнатные болонки, а родственники пострадавших иногда даже не знали, что их сыновья, мужья, отцы и братья пострадали от аварии на Чернобыльской АЭС. Эти «подробности» выяснились гораздо позже.

Но вернемся к «Октябрьской» больнице. Поскольку ограничить доступ на территорию штатской больницы не смогли даже в те времена, когда запрещалось все и вся без объяснения причин, то киевляне могли наблюдать за всем, что происходило в самой больнице и около нее. А около больницы происходили неприятные события. После того как больница была переполнена пострадавшими ликвидаторами и стало ясно, что больше размещать их негде, на территорию больницы загнали строительную технику – экскаваторы и грузовики – и срезали по периметру больницы, а также в больничном дворе весь грунт. И не абы как, а капитально. Сняли тридцать сантиметров грунта. И вывезли в неизвестном направлении.

О том, что было срезано именно тридцать сантиметров, охотно сообщали всем интересующимся общительные экскаваторщики и водители грузовиков. Видимо, с них никто не подумал взять подписку о неразглашении, что было крайне легкомысленным поступком со стороны определенной организации... Потому что через некоторое время по городу начали распространяться оч-ч-чень нехорошие разговоры, ведь «Октябрьская» больница на тот момент была одной из самых больших и, помимо ликвидаторов и их родственников, в ней находилось на лечении приличное количество больных плюс посетители плюс больные, которые лечились амбулаторно. Так что геометрическая прогрессия, необходимая для распространения информации сарафанным способом, была в наличии.

Киевляне наконец-то поняли, какую опасность несут на своих колесах проходящие

через их город автоколонны. И хотя открытый бунт в те времена был делом немыслимым, начали поговаривать о том, что не пора ли, мол, переходить к конкретным действиям. И что вы думаете? Некоторые самые активные все-таки придумали средство борьбы. Средство это было неэффективным в практическом плане, но, очевидно, давало возможность психологической разрядки. Поздним вечером, когда город уже спал, темные личности (в смысле скрытые темной южной ночью) проходили вдоль пустынных улиц и разбрасывали по проезжей части ржавые гнутые гвозди в большом количестве. Ну, одним гвоздем трудно пробить баллон тяжелого грузовика, но если таких гвоздей ОЧЕНЬ много, то... Да в общем-то ничего. Зато сообразительные милиционеры тут же понаставили патрулей по пути следования автоколонн и ловили вредителей почем зря. Но, правда, хватило ума не «припаивать» им идеологию. Обходились статьей за злостное хулиганство.

Но если около больницы происходили события, которые можно было назвать всего лишь неприятными, то в самой больнице событиям можно было смело присваивать эпитет «страшные». Пострадавших ликвидаторов с разной степенью поражения лучевой болезнью госпитализировали в отделение, находящееся на четвертом этаже. Нельзя сказать, что конкретно в ожоговое отделение, потому что очень скоро оно было переполнено, и тогда под койки для пострадавших от радиационного воздействия людей отвели весь четвертый этаж.

О том, насколько была эффективна помощь, которую оказывали медики, нет смысла рассуждать на страницах этой книги. Нет никакой достоверной информации. Но то, что должным образом организованного ухода за ними не было осуществлено, – это факт. В течение нескольких первых дней, что пациенты с тяжелой степенью лучевой болезни провели в больнице, среди них было зарегистрировано несколько случаев самоубийств: находящиеся в шоковом состоянии люди выпрыгивали из окон четвертого этажа. И только спустя полторы недели после первого случая самоубийства на оконные рамы наварили железные решетки.

Как уже упоминалось, ко времени аварии о лучевой болезни советская медицина знала очень и очень немного. Специалистов в этой области можно было пересчитать по пальцам, слишком уж специфической и редко востребованной была эта отрасль медицины. Пострадавших на ликвидации аварии людей было слишком много, чтобы все они могли рассчитывать на помощь редких специалистов, поэтому во многих случаях пациентам помогали медики, которые впервые лечили людей с такой болезнью. Во многом врачи продвигались на ощупь, лечили пациентов практически вслепую. По поводу симптомов лучевой болезни в те дни медики могли высказываться лишь очень осторожно. И вот так осторожно врачи «Октябрьской» больницы выдвигали предположения, что лучевая болезнь странным образом влияет на психику больного человека, что у него начинает вырабатываться сильнейший панический синдром и возникают приступы клаустрофобии, даже у тех людей, которым до этого момента была незнакома боязнь замкнутого пространства. Именно эти симптомы и заставляют человека, находящегося в помрачении рассудка, пытаться найти выход из воображаемой опасной ситуации. Бежать, спасаться, выбираться из тесных помещений, в частности, из палаты. А единственным выходом из палаты люди, страдающие от этого заболевания, иногда считали окно, находящееся на четвертом этаже старого здания. И хотя медиков трудно винить в том, что за первым или вторым самоубийством, возможно, трудно было усмотреть симптоматику, все же полторы недели и несколько жутких случаев подряд могли бы уж, кажется, навести на определенные мысли.

Да и сами медики оказались не в лучшем положении. Трудно представить, но в Киеве, городе – миллионнике, не нашлось достаточного количества одноразовых халатов. Да и не одноразовых (сменных) тоже. Медперсонал гражданских больниц работал сутками с предельной нагрузкой, постоянно находясь возле людей, рядом с которыми пресловутый счетчик Гейгера трещал не переставая. И при этом никто из врачей, не говоря уже о медицинских сестрах и нянечках, даже не имел возможности менять каждый день белые халаты. Трудно понять, почему до сих пор их труд не приравнивали по статусу к ликвидации

последствий аварии на АЭС.

Можно представить, почему все вышеописанное сильно влияло на состояние нервной системы киевлян. Лишенный даже самой минимальной информации и при этом переполненный самыми разнообразными и дикими слухами, город гудел, как улей, в который ткнули палкой.

Слухи. Пришествие Антихриста?

Но не только слухи (правдивые и не очень) давали повод для тревоги. Люди помоложе находили такие поводы чуть ли не каждый день, а вот старики, долгое время пренебрежительно относившиеся к произошедшему и считавшие, что молодежь сильно сгущает краски, до поры до времени находились в относительном покое. Пока в Киеве во второй раз за весну не зацвели каштаны. Тут уже и старушки взволнованно зашамкали на базарах о близком пришествии Антихриста (особенно если учесть биб-лейское название города, в котором произошла трагедия, – Полынь), а старики интенсивно напрягали память в тщетных попытках вспомнить, было ли такое чудо природы на протяжении их долгой жизни или это современное нововведение. И конечно же, не вспомнили. С Антихристом, кажется, все же обошлось, но то, что вторичное цветение каштанов на киевских бульварах и в парках – это какое-то новшество, сомневаться не приходилось. И остается только гадать: то ли эти красивые деревья полил первомайский дождичек, состоящий из нетипично ведущих себя капель, то ли каштаны таким образом отреагировали на повышенный радиационный фон в городе. Как водится, ученые по этому поводу безмолвствовали. А вот киевляне не молчали.

На многих из них цветущие второй раз за весну каштаны произвели гораздо большее впечатление, чем все неумелые инструктажи и лекции. Даже самые непросвещенные или легкомысленные люди стали всерьез задумываться о настоящем положении вещей. Между прочим, именно после истории с каштанами по городу прошла первая волна полуподпольного приобретения счетчиков Гейгера. Которые, к сожалению, никакой практической пользы принести не могли. И действительно, чем могла помочь человеку простая констатация факта, что пища, которую он употребляет, или квартира, в которой он живет, «фонит»?

«Инструкции по выживанию»

По городу ходили распечатки, передаваемые из рук в руки. В этих самодельных «инструкциях по выживанию» неизвестные авторы предлагали простые, более-менее эффективные способы защиты своего здоровья от радиации. Увы, от официальных лекций эти листовки отличались только практической выполнимостью предлагаемых советов. А вот по части эффективности и эти документы были не очень. Среди пунктов встречались, конечно же, и совершенно здравые: например, рекомендация ни в коем случае не попадать под дождь или пить каждый день раствор воды с йодом (точная дозировка капель йода с учетом массы тела указывалась). Но даже эти разумные меры были, как и йод в стакане с водой, всего лишь каплями в море растерянности и безграмотности. На самом деле, заботой о защите и спасении здоровья людей должны были заниматься не анонимные авторы распечаток, а специалисты. Одно «но». Власть имущие на сей раз молчали не из-за обычного равнодушия к простым людям и даже не из-за типичного совкового раздолбайства, а лишь по причине собственной безграмотности, беспомощности и, как это ни странно, – испуга. Ведь и руководство города, и их семьи тоже (в кои-то веки) оказались не в лучшем положении, чем обычные граждане. Как известно, высокое положение, спецобслуживание и личная черная «Волга» от радиации не защитят.

Те немногие компетентные специалисты, которые разбирались в происходящем, были задействованы в различных экспертных комиссиях или ползали под еще не остывшим реактором, чтобы понять, каким образом излучение можно нейтрализовать. Что же до

медиков, которые могли бы помочь людям, оказавшимся в зоне заражения, то по причине их небольшого количества они почти все оказались в Москве, куда транспортировали самых тяжелых больных. Понятно, что создать настоящие инструкции вместо самодельных медики могли бы и находясь в Москве, но с организацией и тем более с координацией полезных действий в СССР всегда была напряженка.

Американский профессор Гейл

Таким образом, в Киеве несколько недель после аварии официальные органы различного значения уныло безмолвствовали. И можно себе представить, какой разброд и шатание были в рядах правящей верхушки, если единственным специалистом, пришедшим в это безнадежное время на помощь киевлянам, был американский профессор господин Гейл. И мало того что этот человек почти сразу после аварии прибыл в СССР и его впустили в страну (!!!), так еще ему предоставили возможность обращаться к киевлянам с выступлениями на страницах газет и по телевидению.

Именно профессор Гейл взял на себя труд понятно и авторитетно объяснить людям то, что никак не могли им объяснить отечественные ученые и медики. День за днем, неделя за неделей этот человек вел не только просветительскую работу, подробно, ничего не скрывая, простыми и понятными терминами рассказывая жителям Киева, в каком тяжелом положении они оказались, но и давал конкретные советы, каким образом можно снизить риск радиационного заражения организма. Именно он объяснил наконец, что такой несерьезный на первый взгляд метод, как ежедневное употребление йода, является отличной защитой щитовидной железы, которая в первую очередь страдает от воздействия радиации. И именно американский профессор поведал жителям Киева о безрадостной перспективе, которая ожидает город и его окрестности в ближайшие триста – четыреста лет. Как раз такой срок господин Гейл обозначил как окончание поверхностного очищения почвы и воды от радиационного заражения. На полную очистку он положил около тысячи лет. Скорее всего, именно благодаря этим мрачным прогнозам киевляне сразу поверили в компетентность профессора и серьезность его заявлений. Как известно, советские люди охотнее верили только тем пророкам, которые ничего хорошего не предсказывали. Очевидно, срабатывал принцип контраста. В официальной совдепии всегда все было отлично – и это была ложь. Следовательно, если кто-то утверждал, что все плохо, он говорил правду.

И все же (спасибо доктору Гейлу) многие киевляне действительно предприняли меры для защиты себя и своих близких от ставшей теперь более понятной и оттого пугающей угрозы. В те летние месяцы американский профессор стал для киевлян чем-то вроде мессии. Верили ему безоговорочно, а уж почитали точно как спасителя. Не было никого, кто усомнился бы в благородстве и самоотверженности этого человека. Не в упрек господину Гейлу... Наверное, это действительно был приличный человек, обладающий, как минимум чувством сострадания. Просто нашего брата хлебом не корми, но дай воздвигнуть кому-нибудь памятник при жизни.

Не хотелось бы делать выводы геополитического масштаба, но не профессор ли Гейл и его миссионерская деятельность послужили одной из причин, по которой простые граждане ныне «незалежной» Украины столь охотно приняли финансовую помощь и политическую поддержку далекой Америки? Что ж, если кто-то и проводил в Киеве такие исследования, то об их результатах мы уже вряд ли узнаем.

Но тот же момент, что сыграл решающую роль в повышении авторитета доктора Гейла (триста – четыреста лет мрачной перспективы), и заставил киевлян позаботиться о своей защите от радиационного воздействия, и стал слабым звеном его полезной пропаганды. Обладающий здравомыслящим менталитетом профессор не рассчитал чисто славянской реакции на свои утверждения. А между тем люди (после того, как прошел первый стресс и испуг) стали рассуждать примерно следующим образом: «Раз уж все равно на триста лет вляпались, то уж это судьба и от нее не уйдешь. И потом, не глотать же противный йод до

конца жизни?» Так что если первые полгода после аварии киевляне еще пытались каким-то образом бороться с невидимой и неосязаемой радиацией, то к новому, 1987, году страсти совсем поутихли и люди стали постепенно забывать о происшедшей весной трагедии. Некоторое время по городу еще ходили анекдоты о защите от радиации, но потом их вытеснили еврейские и одесские. Йод снова появился в аптеке и перестал быть дефицитом.

Эхо Чернобыля

В заключение хотелось бы перечислить, чем аукнулся «киевский вариант» чернобыльской аварии. В последние два десятилетия медики-эндокринологи – самые востребованные врачи в Киеве и пригородах. Отделения эндокринологии – самые большие по площади и самые оснащенные в каждой больнице и медицинском центре. Врачи-онкологи, к величайшему сожалению, тоже принимают гораздо больше пациентов, чем их московские или питерские коллеги. Процент злокачественных заболеваний кожи среди киевлян продолжает неуклонно повышаться. Прибавилось работы и стоматологам. Но вот какая странность. Если жителю Киева, страдающему последние пять лет каким-либо заболеванием щитовидной железы, задать вопрос: «А не считаете ли вы, что ваша болезнь, это последствие трагедии в Чернобыле?», то, вероятнее всего, в ответ последует отрицание такой причинности. «Господи! – Удивится отвечающий. – Да когда была эта авария!» Не очень, видимо, американский профессор Гейл удачно миссионерствовал. Не рассчитал он короткую славянскую память на все плохое, а ведь, как известно, это свойство у славян заложено генетически. Так что лозунг, который был в ходу среди киевлян летом 1986 года, хоть и несколько идеологически трансформировался, но практически по-прежнему действует: «Спасибо партии родной за то, что я еще живой!»

Часть 2

Города-призраки

Города Припять и Чернобыль печально известны во всем мире. И уж тем более об их трагедии наслышаны в России, где каждый взрослый человек сразу же припомнит и передачи, и документальные фильмы, и фотографии, и статьи, им посвященные. Мало кого смогут оставить равнодушным рассказы о судьбах людей, в одночасье лишившихся всего, что у них было: дома, работы, налаженной жизни.

Трудно себе представить, как много, оказывается, в России городов с похожей судьбой. Единственное в них различие – причины, по которым города с некогда многотысячным населением превратились в призраки. Но судьбы их жителей на удивление похожи. В каждом случае люди пережили внезапный как бы обрыв жизни и часто (вспоминая о прошлом) так и говорят: это было «до», а это – «после».

И если про трагедию Чернобыля и Припяти уже много сказано, то о существовании других городов-призраков большинство людей даже не подозревает. Правда, следует признать, что никто специально не засекречивал эти сведения, но и не очень-то стремился их афишировать. А в некоторых случаях (особенно по причине значительной удаленности города) и этого было достаточно. Достаточно просто промолчать. Не передать сообщение в средства массовой информации – и готово дело, почти тысячу человек вышвырнули насильно из собственных домов, но об этом никто не узнал: ни мировое сообщество, ни Комитет ООН по защите прав людей. Ну, бог с ним, с мировым сообществом, но даже люди на обширных просторах нашей родины так до сих пор ничего и не знают.

Бывшие жители покинутых городов создают свои сайты в Интернете, пытаются как-то общаться, поддерживать отношения, но большинство из них жизнь разбросала по всей стране, а некоторые из них даже уехали за границу – ближнюю и дальнюю. И зачастую их объединяют только общие воспоминания...

Откуда берутся города-призраки?

Причины, по которым процветающие города и большие поселки оказались заброшенными, разные, хотя есть, конечно, некоторые объединяющие их черты.

Иультин

Вот, к примеру, «типичная» история появления города-призрака на Крайнем Севере, а точнее, на Чукотке. Здесь, в некогда крупном поселке городского типа (ПГТ) – Иультине, в конце трассы порт Эгвекинот – Иультин, можно наблюдать картину полнейшей разрухи. Город брошен уже более десяти лет назад. А начиналось все куда как радужно.

Иультинский район, Чукотский национальный округ Магаданской области.
Город раскинулся на отрогах Эквиватанского горного хребта. Основан в 1953 году.

Если взглянуть на географическую карту, то видно, что поселок Эгвекинот расположен на берегу залива Креста, входящего в состав Анадырского залива Берингова моря. Площадь Анадырского залива будет поболее чем 100 тысяч квадратных километров. Размеры залива огромны. Можно сравнить: Азовское море 39 тысяч, Аральское – 43 тысячи. Существует две разные версии названия залива. Первая: если посмотреть сверху, то видно, что залив своими очертаниями отдаленно смахивает на крест, отсюда и название. Но, скорее всего, причина в другом. Когда русские мореплаватели открыли этот залив, то в честь какой-нибудь церковной даты и было дано название.

Самоотверженные советские геологи еще до войны на одной из сопок открыли в этих местах богатое полиметаллическое месторождение. Место это называлось «Иультин». Это было одно из крупнейших в мире месторождений вольфрама, олова и молибдена, необходимых для наращивания мощи военной индустрии. Иультинский рудник был одним из первых в мире по объемам разведанных ископаемых.

После Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. этому месторождению суждено было стать одним из основных поставщиков металлов для оборонной промышленности. Поэтому сразу после войны началось строительство трассы от Эгвекинота до Иультина. Заведовал стройкой хорошо известный «Дальстрой», поэтому дорога и большинство предприятий строилась зеками. До сих пор вдоль трассы можно увидеть хорошо сохранившиеся остатки лагерей.

Приблизительно на двухсотом километре от порта Эгвекинот расположен ПГТ Иультин – центр инфраструктуры горнодобывающего предприятия. Место, надо сказать, не очень симпатичное. Вроде все как полагается – и высокие дома, и весь комплекс бытовых учреждений, но... кругом кварцевая пыль. Та, что остается после обогащения руды на ГОКе (горно-обогатительный комбинат), так называемые хвосты. Это мелкая фракция кварца. Мало того что рядом с поселком возвышалась небольшая гора из этих отходов, ими даже посыпали улицы. В сухую погоду в поселке стояли тучи мелкой пылевой взвеси. Однако люди жили и не жаловались, а самое главное – никуда не собирались уезжать с насиженных мест.

В заливе Креста строился морской порт для вывоза обогащенной руды. Между этими населенными пунктами по необходимости была проложена трасса протяженностью 200 километров. Вокруг этой трассы и расположенных вдоль нее поселков и была потом в основном сконцентрирована жизнь Советской Чукотки.

Но в 1995 году (этот год вообще был роковым для многих городов Крайнего Севера) было принято решение о закрытии рудника по причине его нерентабельности и, как следствие, последовало решение о расселении города Иультина. Жителей в спешном порядке раскидали по городам и весям, не очень заботясь об их желаниях, а город смотрел им вслед пустыми глазницами окон. При этом не стоит забывать и о коренном населении. Да, со строительством трассы к чукчам пришло электричество, вместе с ним телевидение, дающее возможность увидеть мир, самолеты, соединяющие их с самыми отдаленными точками земного шара, а в районе их появились сказочные фрукты и овощи. Есть теперь на Чукотке все, что дает человеку современная цивилизация. Но, увы, нарушено самое главное в природе – гомеостаз экосистемы Чукотки.

Иультин – пример самой распространенной причины появления городов-призраков. Официальные власти формулируют ее следующим образом: «*Расселение населенного пункта в связи с закрытием градообразующего предприятия*». В переводе с казенного на нормальный человеческий язык это означает, что предприятие, вокруг которого и был когда-то выстроен немаленький населенный пункт, перестало приносить прибыль. А следовательно, его нужно прикрыть. Судьба людей при этом никого не волнует. Такими городами можно считать Кадыкчан, Хальмер-Ю. А уж количество поселков поменьше, закрытых по этой же причине, и сосчитать трудно.

Экономическая невыгодность

У этой категории городов-призраков есть, если можно так сформулировать, подвид. Это города, предприятия которых тоже были закрыты по причине экономической невыгодности. Но только вот внезапное отсутствие прибыли было вызвано не экономическими, а национальными причинами. Разделенная на новые границы территория бывшего Советского Союза диктует свои законы экономики. Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, Казахстан... Покинуты не только города. Оставлены на произвол судьбы многие жители этих городов. Бывшие островки цивилизации – города русских рабочих – теперь выглядят как кошмарный сон. Там остались только пожилые или одинокие люди, которым просто некуда и не на что было уезжать. Теперь они существуют тем, что просят милостыню в окрестных поселках. Трехкомнатная квартира в таких городах стоит иногда какие-то жалкие *150 рублей* !!! Обращаться к официальным представителям России бесполезно – сделают важное лицо и прекратят разговор на неприятную тему. В одном Казахстане таких

городов множество. Те же Мирный, Алга, Кентау, Текели, Сарань, Абай. Причем здесь перечислены лишь довольно крупные...

Вообще можно смело утверждать, что именно экономические причины являются «убийцами номер один» для подобных населенных пунктов. И не только городов. В России существуют целые регионы, пострадавшие из-за того, что их признали нерентабельными. Огромная территория восточного Припечорья, что расположена на западном склоне Приполярного Урала, и та является почти полностью заброшенным регионом. Общая протяженность Припечорья около 300 километров, и на всем ее протяжении не встречается ни одного жилого населенного пункта, расположенного вдали от реки. В районе Щугорь из шести деревень не осталось ни одной. Особенно сильно досталось Крайнему Северу: количество закрытых и заброшенных поселков давно перевалило за сотню, тогда как до окончания процесса еще явно далеко.

Военные городки

Довольно легкомысленно, как выясняется при ближайшем рассмотрении, относятся к своим населенным пунктам и военные. Часто можно обнаружить пустующие военные городки. И если во времена концентрации мощи Советской армии такое небрежение можно было понять, то в последнее время, когда армия не так неограниченна в материальных средствах, понять причины возникновения покинутых военных городков очень трудно. Конечно, по этой категории городов-призраков труднее всего собирать сведения из-за того, что большая часть любой информации зачастую оказывается засекреченной. Но хоть и скрытые от большинства посторонних глаз, населенные пункты расположены все же не на Марсе, поэтому люди все-таки узнают о них. Таков, к примеру, военный городок Алыкель под Норильском. Очевидцы утверждают, что зрелище не для слабонервных. Посреди тундры – несколько брошенных городских многоэтажек. Между прочим, даже наблюдательный глаз питерского туриста, совершающего тур хотя бы в сторону линии Маннергейма, с палатками или без оных, сможет подглядеть пару-тройку таких брошенных военных объектов.

Боевые действия

Другая причина возникновения городов-призраков хотя и наиболее страшна, но, по крайней мере, логически объяснима. Это города, которые пострадали в ходе ведения боевых действий. Даже такой крупный город, как Грозный, и то держится из последних сил, что же говорить о городах меньшего размера. Чечня – это наболевший вопрос, а вот о Нагорном Карабахе в России сейчас вспоминают редко. А ведь после военного конфликта в этом районе осталось немало разрушенных городов, самый известный из которых – Агдам. После локального военного конфликта значительной силы, что прокатился в этом районе, Агдам был занят армянами, а в ходе боя разрушен почти до основания. По сию пору, хотя прошло двенадцать лет с этого трагического момента, город фактически не принадлежит никому. Жители, бежавшие из опустевшего Агдама, по-прежнему надеются, что смогут когда-нибудь сюда вернуться. И хотя город властям Карабаха совершенно не нужен (ведь на восстановление требуются большие деньги), отдавать его Азербайджану они не спешат.

Затопленные города

Следующий вид призрачных населенных пунктов – затопленные города. С затопленными городами все несколько сложнее. Пусть они уже никогда не распахнут свои ворота навстречу людям, потому что их нельзя увидеть на поверхности земли, не стоит вычеркивать их из общего списка. Во-первых, там точно так же жили люди, потомки которых и до сих пор вспоминают об ушедшей под воду малой Родине, а во-вторых, трагизм историй этих городов не могут скрыть даже волны самого глубокого водоема. В этом

печальном разделе не обойтись без упоминания о красивом городе Молога, затопленном водами Рыбинского водохранилища, и Корчевы – также исчезнувшей под водой. Но самые грандиозные проекты по затоплению городов были осуществлены еще в середине XX века на Енисее и Ангаре, где исчезли под водой многие маленькие населенные пункты.

Катастрофы

Ну и конечно же, нельзя не сказать о городах, которые пострадали от катастроф, как природных, так и техногенных. Разрушенный почти до основания Нефтегорск на Сахалине до сих пор не восстановлен, а ведь является одним из самых крупных городов, почти стертых с лица земли стихией. Или поселок Курша-2, который перед самой Второй мировой войной был расположен под Москвой. Название, надо отдать должное просвещенности людей, у многих на слуху, но почти никто не знает о страшной трагедии, что произошла в этом месте летом 1936 года. Поселок Курша-2 представлял собой многотысячный поселок, состоящий в основном из деревянных бараков и лесных складов, рядом находилась узловая железнодорожная станция. Лето было необыкновенно жарким и сухим, заготовленная древесина тоже была сухой. В день трагедии дул почти ураганный ветер. Внезапно Куршу-2 накрыло огненным шквалом. Мгновенно занялись лесные склады, расположенные в центре поселка, и жилые бараки. А поскольку город окружал мгновенно вспыхнувший сухой лес, жители оказались в огненной ловушке. Путь к спасению был только один – узкоколейка. Первый поезд, забитый людьми, успел проскочить, а вот второй состав застрял перед сгоревшим мостом. Никто из его пассажиров не спасся.

Стихия расправилась с Куршей буквально за пару часов, огонь сожрал все. Немногие уцелевшие люди спаслись благодаря тому, что догадались спрятаться в колодцах и выгребных ямах. Их судьба никого не волновала. Похоронные команды набирали из добровольцев – людей, живущих поблизости. Они вырыли гигантскую братскую могилу и похоронили погибших, поставив деревянный обелиск. Для того чтобы добровольцы смогли выдержать ужас пожарища, к месту трагедии бочками подвозили водку. Количество погибших в Курше-2 до сих пор неизвестно. Тогда к таким случаям относились вполне определенным образом: огласка случившегося руководству была ни к чему. Похоронили и забыли...

Золотое кольцо Колымы

Тема городов-призраков чрезвычайно волновала меня очень давно. Но, будучи реалистом, я понимал, что организовать командировку по очень удаленным и по большей части труднодоступным из Питера местам, мягко говоря, нереально. При этом я не отчаивался и постоянно держал нос по информационному ветру в надежде, что когда-нибудь мне представится счастливый случай. И вот: «упорство и труд все перетрут», даже расстояние в две тысячи километров. В один прекрасный день я узнал, что такая возможность наконец-то появилась. Пришлось, конечно, здорово подсуетиться, но, впрочем, это мое обычное рабочее состояние.

Командировка на Крайний Север наметилась с оказией, поэтому сроки согласования были предельно сжатыми, да и организационные хлопоты по этому поводу свелись к минимуму. Оказия выражалась в том, что в Магадан летели двое моих коллег с аналогичным заданием. Поскольку в одиночку подобное путешествие не совершить – все-таки от Магадана до Сусумана шестьсот пятьдесят километров по лишенной цивилизации Колымской трассе, а оттуда еще надо добраться до Кадыкчана, я с жадностью ухватился за эту возможность.

Двух журналистов, что собирались в Магадан, я знал, но знал с разной степенью близости. С Мариком я когда-то вместе учился, но с тех пор утекло много воды, и общались мы с ним не так чтобы часто, а вот с Вадимом я как раз познакомился недавно, зато уже успел несколько раз плотно пообщаться на почве журналистики. Марик подвизался в известном географическом журнале, выдавая в основном материалы завлекательного характера, а Вадим работал сразу на несколько известных изданий, при этом его статьи всегда отличались внутренней сдержанностью (иногда сводившейся к простой констатации фактов, зато каких!). Так что наша будущая группа представляла собой солянку сборную и обещала приятную компанию.

Со стороны Марика нам светила поблажка в приобретении авиабилетов, а Вадим обещал организовать проезд по трассе и проводников. Он уже больше полугода работал в этом направлении и связался с огромным количеством людей по Интернету, телефону, а иногда и с помощью старого доброго эпистолярного жанра. Мое участие заключалось в предоставлении необходимого снаряжения, которое мне любезно сдали в аренду мои хорошие друзья – хозяева фирмы, занимающейся его производством. Что касается финансовой стороны, то в конце переговоров был принят общий (хотя и несколько дырявый) котел. Ну да где наша журналистская смекалка не пропадала! Будем надеяться, что кривая трассы вывезет.

И вот наступил день, когда мы загрузились в самолет. Накануне я пережил какую-то запредельную суету и чехарду, поэтому, усевшись в кресло, с некоторым смущением вытащил из сумки справочные материалы, которыми уже неделю назад снабдил меня Вадим. Вообще-то я не люблю оставлять такие дела на самый последний момент, но и на старуху бывает проруха. И вот что я вычитал.

Географическая справка

Сусуманский район в составе Магаданской области образован 3 декабря 1953 года. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 12 декабря 1964 года рабочий поселок Сусуман Сусуманского сельского района Магаданской области преобразован в город районного подчинения. Расположен на северо-западе Магаданской области. Районный центр Сусуман расположен в 625 километрах от города Магадана по федеральной автодороге Магадан – Якутск. С востока район граничит со Среднеканским районом, на юге – с Ягоднинским и Тенькинским районами, на западе и севере – с Республикой Саха (Якутия). Площадь района составляет 4 676 564 га. В состав территории Сусуманского района входят: город Сусуман, поселки Буркандья, Ударник, Широкий, Мальдык, Беличан, Холодный, Нексикан, Большевик, Каменистый, Кедровый, Мянунджа, Кадыкчан, Аркагала, Усть-Хакчан. К сожалению, многие из них сегодня остались лишь точками на

старых картах района.

Немного истории

Впервые упоминания о нынешнем Сусуманском районе встречаются в документах руководителя экспедиции Наркомвода СССР 1928–1929 годов И. Ф. Молодых. По его сведениям, собранным в архивах, в конце XVII века и в XVIII веке по левой вершине Колымы, а именно по Аян-Юряху, сплавливались русские казаки, доставляя провиант в колымские остроги.

В XIX столетии по Аян-Юряху проходил Оймяконо-Сеймчанский тракт, по которому издавна возили почту и другие грузы. Этот путь был намного короче, чем объездной через Верхоянский хребет и бывший город Зашиверск на Индигирке.

В 1929 году в эти места отправилась экспедиция С. В. Обручева, которая среди прочего установила, что Колыма образуется из двух рек: левая вершина – Аян-Юрях («собачья река»), правая – Кулу. С начала 30-х годов под названием «Колыма» стала пониматься не только река, но и обширная область Крайнего Северо-Востока. Тогда же современное написание «Сусуман» (русский вариант эвенского кухуман – «буран, поземка, ветер») впервые появилось на маршрутной карте. Этим трактом в 30-е годы часто пользовались геологические партии треста «Дальстрой», созданного на территории Магаданской области в ноябре 1931 года.

В 1932 году долина Сусумана была детально обследована геологической партией под руководством Е. Т. Шаталова, которому на тот момент было всего 24 года. Результаты работ показали, что в бассейнах рек Сусуман и Берелёх есть россыпи золота. В устье ручья Еврашкалах на раскидистом дереве Шаталов вырезал надпись «Город Сусуманск», хотя до самого факта было еще далеко. Тем не менее совхоз «Сусуман», образованный на этом месте в 1936 году, стал первым предприятием, обосновавшимся в долине.

А уже к августу 1937 года был организован первый золотодобывающий прииск района – «Мальдяк». Приблизительно с этого же времени Сусуман и становится центром горной промышленности западного района области. Основной вид хозяйственной деятельности Сусуманского района – горнодобывающая промышленность, специализирующаяся на добыче золота и угля. Некоронованной столицей золотой Колымы называют город Сусуман.

Летели мы долго и, надо признаться, нудно. К концу пути я не мог даже читать, что со мной случается только после тяжелой и продолжительной болезни. При этом я понимал, что прибытие в Магадан – это в лучшем случае преодоление половины пути, причем самой легкой половины. Приблизительно где-то так и вышло. В Магадане мы встретились с Семеном – тем самым знакомым Вадима, что взялся доставить нас до Сусумана и дальше по трассе до поселка, в котором он живет со своей женой. Дети у него уже взрослые и давно работают в Магадане, что и дало Вадиму возможность выйти с ним на контакт. Семен сразу произвел на меня благоприятное впечатление. Он из тех сдержанных на слова людей, чье молчание никак нельзя назвать угрюмым, оно скорее содержательное. Больше всего во время полета я опасался, что Семен окажется из тех водителей, что органически не могут молчать в пути. Пару-тройку раз я преодолевал с подобными типами значительные расстояния и знал: в таком случае головная боль мне обеспечена. Но нет, на сей раз все обошлось.

Выясняется, что самолет прилетел как-то на редкость удачно, и мы сразу можем выдвигаться. Первая ночевка запланирована Семеном уже на трассе. Мы загружаемся в весьма комфортабельную «Ниву», и тут я еще раз облегченно вдыхаю. В глубине души я не рассчитывал на что-то удобнее кузова грузовика. Все-таки организационный период нашего путешествия был довольно сумбурным и коротким. «Нива» заметно осаживается под весом трех пассажиров и груза, но бодро берет с места, чтобы почти тысячу километров полировать колесами легендарную колымскую трассу.

Сусуман

На первый взгляд Сусуман производит более чем достойное впечатление. Город как город, вот только лишенный «финтифлюшек», свойственных городам с более мягким климатом: парков с раскидистыми деревьями, цветочных клумб (бессмысленных в своей расточительности – лучше бы старикам пенсию доплатили), архитектурных наворотов, влияющих на фасады домов не всегда положительным образом. Мы с Мариком (запасшись адресочками у Семена) немедленно решаем набраться нужных и полезных сведений, смутно подозревая однако, что при знакомстве с мужской частью населения нас может настигнуть приступ собственной неполноценности – уж больно сурово все вокруг выглядит.

И ничего подобного. Все еще хуже. Объединяющая черта у всех наших собеседников только одна – индифферентность. Ну, приходит кто-то, что-то спрашивает. «А не пошел бы этот чужой и совершенно ненужный человек куда подальше и по своей надобности» – такое предложение читается в глазах каждого из них. Сразу понимаешь, что постороннее внимание этих людей сильно раздражает. Отрекомендованные Семеном, мы успеваем задать один-два вопроса и получить на них ответ. Выданный нехотя, буквально сквозь зубы. И это не показуха, не набивание цены своему (уникальному и эксклюзивному) мнению, как иногда случалось нам наблюдать, интервьюируя тех же представителей «попсы», недавно, но ярко загоревшихся звездочек. Это ничем не прикрытое, концентрированное равнодушие ко всему, что не касается человека так же близко, как собственная тельняшка. Спрашивали же мы в основном о золотодобыче. Тема хоть и слегка заезженная, зато больно уж благодатная. Ну и не узнали ничего конкретного, конечно. Сами виноваты. С чего мы (остолопы) решили, что старатели будут откровенны с первыми встречными незнакомыми людьми, да к тому же еще и журналистами.

Растерянные и, что там скрывать, здорово обозленные, мы возвращаемся к нашему временному стойбищу. По дороге пытаемся получить моральную сатисфакцию за только что пережитое унижение, выискивая в окружающем городском пейзаже вопиющие недостатки. Не очень-то выходит. Повторяю: город как город. Ну, провинциальный и не очень ухоженный. Пока мы добираемся до снятой на сутки квартиры, злость проходит. Чисто журналистский азарт берет свое. Высказываются различные мнения по поводу некоммуникабельности жителей. Окончательный вывод выглядит неказисто и кажется притянутым за уши: мораль диктуется климатом. Но не высказанная мною вслух (уж неизвестно из каких соображений) версия, по крайней мере мне, кажется более правдоподобной. Контингент строителей Сусумана или, если хотите – его создателей, из которых по меньшей мере четверть ненавязчиво превратилась в постоянных жителей, диктует общественную мораль. Не нужно забывать, что большинство людей, возводивших не только этот конкретный город, но и большая их часть на всей протяженности колымской трассы – заключенные. Вот тут необходима оговорка. Я далек от утверждения, что большинство жителей Сусумана руководствуются по жизни криминальной моралью. Нет-нет. И потом, может быть, действительно климат влияет?

Вечером, уже в сопровождении Семена и его приятеля – коренного жителя города мы отправляемся обозревать местные достопримечательности и более детально знакомиться с повседневной жизнью Сусумана. Аура населенного пункта диктует способ изложения полученных впечатлений. Итак...

Что удивило приятно

1. Цены в магазинах (как продовольственных, так и промтоварных).
 - Рыба скумбрия горячего копчения – примерно 220 рублей за килограмм.
 - Окорочка куриные (очень жирные) – примерно 160 рублей за килограмм.
 - Пуховик китайский (мужской) – 6000 рублей.
2. Ассортимент спиртного. Такое ощущение, что легких и слабоградусных алкогольных напитков серьезный «дефицит».

3. Огромное количество красивых девушек. В соотношении с плотностью населения их явно в несколько раз больше, чем в той же Москве.
4. Состояние машин. Такое впечатление, что в городе проходит конкурс на лучшее состояние личного автомобиля, – и все поголовно победители. Я, кажется, вообще не увидел ни одного «убитого ведра».
5. САМОЛЕТ. Это не просто так выделено. Это имя собственное. Так называется одна из уникальнейших достопримечательностей Сусумана. В стену местной школы невообразимым образом вделана носовая часть пассажирского самолета. Вот то есть натурально носовая часть (или уж как она там правильно называется у летчиков). Понять это невозможно – можно только стоять рядом и, раззявив по-детски рот, восхищаться.

Что удивило неприятно

1. Очень много бедно одетых людей. То есть не просто бедно, а как-то по-нищенски бедно.
2. Очереди. Мы уж, грешным делом, забыли, каково это – ждать возможности сделать покупку.
3. Много домов на грани того состояния, которое вопиет о срочном капитальном ремонте. При этом понимаешь, что вряд ли...

Ну и конечно, количество живущих людей здорово поражает воображение: приблизительно четыре тысячи (по данным на 2005 год). Коротко о том, почему это поражает воображение. Дело в том, что, по словам приятеля Семена – Валерия (а мы по возвращении с прогулки уже, что называется, успели перемолвиться словечком), многие жители готовы уехать – куда подальше. Причин несколько. Основные: работы очень мало, а та, которая есть, не очень-то хорошо оплачивается, особенно если учесть цены на те же продукты; качество медицинского обслуживания – отдельный разговор, не для этой книги. (К примеру, врачей-онкологов в Сусумане просто нет. А меж тем климат Колымы далеко не способствует укреплению здоровья.)

Вот у людей и возникает желание податься за лучшей долей. Но одного намерения мало. Осуществить его не так-то просто. Все-таки Крайний Север – это на самом деле ОЧЕНЬ далеко. Самый распространенный вариант – собрать вещи и отправиться далее по всей России и даже ближнему зарубежью, обратившись при этом за помощью к родственникам, близким и дальним. И хорошо, если отношения с родственниками действительно соответствуют степени родства, то есть теплые и близкие. А если нет? Тогда особенно туго. А собственным жильем на Большой земле обзавестись почти нереально. Причина банальна и формулируется коротко «НЕ НА ЧТО». По жилищному сертификату (он же иногда проходит под названием жилищной субсидии – в этом случае сумма выдается наличными) за приличную по метражу трехкомнатную квартиру в Сусумане можно получить тысяч семь-восемь долларов. В наше время, располагая такой субсидией, можно приобрести квартиру только в маленьком городке или поселке, затерянном на необъятных просторах нашей Родины.

Но все равно денег хватит только на саму квартиру и переезд. А чем потом в этом самом маленьком городке или поселке заниматься, чтобы прокормиться? Вряд ли мигрантов ждет очередь из работодателей. Да и инфраструктура в таких городках, мягко говоря, «не ахти», а грубо говоря, попросту отсутствует. И уж тем более нет никакой гарантии, что по переезде жизнь будет лучше, чем в самом Сусумане. Разве климат помягче. Так что получается как в поговорке: что совой об пенек, что пеньком по сове, сове все одно удара не пережить. Все это Валерий излагает скучным голосом, совершенно не вкладывая в рассказ ни одной эмоции. Странно, однако. О наблевшем так не говорят. Хотя понемногу я начинаю понимать, что все слухи о нестандартности нрава и строении нервной системы колымчан имеют под собой твердую почву.

На самом деле причина разрухи, царящей в «золотой столице» и почти сравнявшей с землей большинство поселков и городов области, известна, но не афишируется официальными властями: прекращение государственной золотодобычи и перепрофилирование ее на артельно-старательские подряды. Что такое артель, известно – вахтовый метод, скудные условия существования и полное отсутствие инфраструктуры. Кто-то очень умный в середине 90-х годов, сидючи в недрах министерства экономики, что называется, свел «дебет с кредитом» и явственно увидел (на бумаге, естественно), что содержать на Колыме поселки и города с развитой инфраструктурой невыгодно, а следовательно, и незачем. А посему – долой государственную золотодобычу. То, что при этом оказались выкинутыми на улицу не только рабочие больших предприятий, но и члены их семей, занятые в сфере обслуживания, например, никого из чиновников не волновало. Что понятно.

Но, однако, вечер подходит к концу, точнее, к своему логическому завершению – полуночи, после которой как-то уже и не хочется дискутировать. Так сказать, не время и не место. До окончания путешествия далеко и поэтому рано делать долгоиграющие выводы. На раннее утро уже запланировано дальнейшее покорение колымской трассы, в узких (они же широкие в местных масштабах) кругах колымчан, имеющей более подобающее название – «Золотое кольцо Колымы». Образно, черт возьми!!! Учитывая влияние золота на экономику края...

Короче, все устали и попросту рухнули на подготовленные койки.

Просто «Поселок»

Утро в колымской траковке – это часов эдак четыре-пять. Если бы время пробудки не было заранее согласовано, боюсь, не обошлось бы без членовредительства со стороны «туристов-журналистов». Когда тебя бесцеремонно пинают в самые чувствительные места ногой (что означает: «Доброе утро, страна!»), то единственное, о чем ты мечтаешь, – иметь под рукой? ногой? тяжелый предмет с надписью: «от будильников», который можно бросить. Опять же, на ночь пили совсем не валерьянку. Но долг зовет, и мы, медленно преодолевая последствия неумеренных вечерних возлияний, встаем от беспробудного сна.

Когда тебя влекут в пять утра, как тень Жизели, к целям манящим, но не имеющим сиюминутной пользы, то эмоций как-то маловато. Или они есть, но «вялые» и «жидкие». Поэтому километров сто – сто двадцать мы (я – задекларированный пессимист, балагур Марик и скептик Вадим) молча пытаемся найти в «Ниве» Семена невибрирующую часть кузова, к которой можно было бы прислонить замутненную вчерашним градусом голову. Все безуспешно, чего и следовало ожидать. И мы начинаем старательно тарашиться в узкие оконца «Нивы». Видим мы там вполне усредненные колымские пейзажи. И как только мое сознание вычленяет из однообразного пейзажа специфические компоненты, я начинаю более ответственно записывать дорожные впечатления. Потому как мысль, что если я неточно запишу дорожные впечатления или вульгарно совру (к примеру, для создания антуража), то в тот же момент мне придется за литературное преувеличение отвечать. Боюсь, едва ли не самой важной частью тела, потому как дух правды, подсознательно, но уверенно, определяет именно ту часть, которая пострадает от вранья. Не хочу. И не буду... И не стал. Зачем врать или преувеличивать, если реальность, пусть и увиденная «в полглаза», гораздо интереснее. И эдакая подстраховочная реакция оправдана – пиши себе, и пусть головушка отдыхает, все равно будет захватывать.

Вот самый простой пример. По-моему, уже достаточно изжеванный. Если не средствами массовой информации, то Интернетом-то уж точно. И все равно – смешно и жутко. Едешь, едешь, едешь и вдруг на стене чудом сохранившегося то ли барака, то ли культмассового клуба читаешь леденящий душу лозунг: «Наш **труп** – Родине». Скорость у «Нивы» приличная, и поэтому успеваешь лишь слегка вздрогнуть. А потом вчитываешься в потрепанную суровым климатом надпись. И всего-то навсего: «Наш **ТРУД** – Родине». Но

сразу просыпаешься и думаешь: вот «квинтэссенция трассы», ее СУТЬ. Пусть ошибка, вызванная капризами колымской природы, и случайна, но в каждой случайности есть доля закономерности....

Золотое кольцо Колымы. Проезжаешь ничем не примечательные и по большей части уже нежилые (по полной программе) поселки, иногда даже и ГОРОДА (ну допустим, хотя различия с поселками весьма условные), и все это время думаешь – затаенно, но весьма алчно – почти все это бывшие ЗОЛОТЫЕ ПРИИСКИ. То есть вот запасись терпением, запусти загребущую клешню в вырытую или промытую в простой лохани породу, и... Ах! «Золотой портсигар, отечественный, две штуки». А также: «Куртка замшевая, импортная, три штуки....»

И мнится дымчато, неконкретно: вот плюнуть на редакционное задание. Сговориться с уже ставшим «своим» попутчиком, водителем, проводником – Семеном и выйти на эти не контролируемые никем просторы. И запустить жадную лапу в ближайший же покинутый прииск. Да вот только здравый смысл (едва-едва продирающийся сквозь сухопутную качку машины) подсказывает: было бы так все просто... Не ты первый – умник, не ты последний.

Кончается «золотая мечта» вполне прозаично – я со всей дури вхожу лбом в более чем жесткий стояк «Нивы». Искры золотые, бесспорно, но имеющие прозаическое продолжение: «а это нас арестовывать пришли». Вот, думаю я, просыпаясь окончательно, это чтоб неповадно было.

Пока я переживаю жесткий колымский отходняк и молю бога мамоны избавить меня от искушения, в окошках неприхотливой «Нивы» вырисовывается последний населенный пункт перед окончанием нашего смутного пути. Поселок, местожительство Семена, его постоянное пристанище и последний оплот цивилизации перед посещением Кадыкчана. Поселок еще официально существует на картах, в нем даже живут люди (хотя как в том анекдоте: «и вы называете ЭТО жизнью?»). При этом много разрушенных и полуразрушенных домов, особенно зданий, явно некогда административных. Когда Семен указывает на одно строение, мимо которого мы проезжаем, и утверждает, что это поликлиника, мы с ребятами чуть не падаем с сидений.

Вываливаясь из машины и мельком осматривая окрестности, я начинаю сомневаться: а оплот ли??? И цивилизации ли??? Как здесь можно питаться и тем более ночевать? Окрестности наводят на мысль о спешной эвакуации из зоны военных действий. Но отступить поздно. В багажнике «Нивы» продукты, а Семену мы уже не только обязаны прошлым, но и реально зависим от него в настоящем и, как подсказывает здравый смысл, – в будущем. Так что: «хочешь – не хочешь – как хочешь». Ну вот. Мы и почти у цели. Дисциплинарная судорога духа и дикая головная боль в придачу.

Вяло шевеля конечностями, я выдвигаюсь на передовую не оформившегося пока журналистского репортажа. Понимая, что скорее всего (да точно!!!) больше никогда не окажусь в таком экзотическом месте, я достаю из широких штанин диктофон и иду в направлении самого оживленного района поселка. Предварительно справившись у Семена о, собственно, линии продвижения. Краем глаза я замечаю несдерживаемое желание моих коллег посетить более уединенные места и попутно делаю вывод, что, видимо, я буду первым, кто растрясет жителей поселка на предмет эксклюзивной информации. Что придает бодрости походке.

Поселок, в котором мы остановились отдохнуть, поесть и переночевать, воспринимается как предбанник перед посещением Кадыкчана. Вот уж воистину «город контрастов». В нем проявляются все положительные и отрицательные знаменья ЖИЗНИ как она есть. Можно возводить декорации, чтобы попытаться воспроизвести Золотую лихорадку в Америке 20-х годов. А можно не полениться и раскопать что-то близкое родным реалиям. Впрочем, все относительно. Тут даже функционирует мини-рынок. Мини-мини: четыре грубо сколоченных прилавка, очумело прислонившихся к бетонной стене заброшенного здания. На прилавках – скудный ассортимент овощей непривычно мелкого размера. Морковка, редис и... И все. Измазанный рыбьей чешуей пустующий прилавок подсказывает

нам, что еще с утра тут можно было увидеть дары окрестных озер. Жаль, не довелось лицезреть. Из нас троих двое – завятые рыбаки, так что сожаление объяснимо.

Мы еще не добрались до конечной цели нашей экспедиции и сравнивать нам не с чем, но все равно возникает ощущение, что окончательно заброшенный город не будет выглядеть так жутко, как этот из последних сил цепляющийся за жизнь населенный пункт. Смерть всегда ужасна, но агония перед ней еще страшнее! Ну что тут скажешь. Не хочется обижать немногих оставшихся жителей поселка, даже если предположить, что они никогда не прочтут эти строки. Кстати, если перевести слово «немного» в числительное, получится около 600 человек. Почему около – это отдельный разговор, объясню чуть позже.

И тем не менее. Понять, как тут можно существовать (глагол «жить» употреблять по-прежнему язык не поворачивается), трудно. До посещения рынка мы увидели не много, но и этого хватает, чтобы составить поверхностное впечатление. Теперь хочется его дополнить и расширить. Поэтому я тут же прилипаю со всей своей журналистской бесцеремонностью к одной из торгующих женщин, в тщетной попытке выяснить: какие такие запредельные обстоятельства вынудили ее не покидать сию скорбную юдоль. После пятнадцати минут разговора я понимаю, что ничего не выйдет. Мы в прямом смысле этого выражения беседуем как слепой с глухим. Я вижу (и обсуждаю) лишь окружающую разруху, сравнимую с послевоенными примерами. А моя собеседница пытается объяснить мне, пришлому и потому неразумному, то, как трудно отказаться от «городского гражданства». Получается как в известном диалоге: «Это – стена. Нет – она белая».

Из уважения к моей временной собеседнице и ее соотечественникам в путевых заметках я попытался зафиксировать точку зрения коренного жителя, не искаженную моими невежественными комментариями и вопросами.

Вот ты говоришь – как на войне. Ну, пусть. У нас-то хоть знаешь, с кем воюешь. Климат суровый, это да. Природа неласковая, цветует мало. Тоже верно. А по большому-то счету, кому они, эти цветы, нужны? А так... Вот и все враги. По пальцам можно пересчитать. А на Большой земле? Да охренеешь (лексика сохранена) их подсчитывать. От соседа по дому до террористов. Ну и зачем мне эти радости? Живи и трясись от страха каждый день. А тут покой, не врет никто, потому как смысла нет. Если, как в Кадыкчане будет, то уеду. Покамест и тут не болею.

Что касается реплики «как в Кадыкчане», напоминаю: это полное отключение всех (даже самых примитивных) систем жизнеобеспечения до окончания расселения жителей. А в поселке люди хоть и лишены канализации, зато есть электричество. Вот как я могу возразить, скажите??? Что: «а у нас в квартире газ», но при этом действительно все поголовно врут? Но все же трудно сразу принять точку зрения, от которой за версту веет библейскими заповедями и ветхозаветной моралью. Особенно жителю современного Вавилона. Поэтому я тут же бросил своих спутников и отправился побродить по поселку, имея в заглавнике пошлую цель. Доказать самому себе, что мой цивилизованный образ жизни лучше. Лучше чего? Да просто лучше.

Надо сказать, метода себя оправдывает. С непривычки город кажется мне возведенной в десятую степень версией «Ведьмы из Блэра». Почему ассоциации именно с голливудским ужасником, а не с апокрифичным «Сталкером» Тарковского? Объясню, это довольно просто. По сюжету «Сталкера» первопричина неприятностей к моменту повествования уже рассосалась. Ну, посетил кто-то, сотворил что-то и устранился. То есть люди остались расхлебывать. А в «Блэре», напротив, до сих пор обитает источник опасности. Да, он неопределенного характера и не имеет конкретной формы, но он присутствует повсеместно.

Опасность, угрожающая поселку, не столь мистического характера, зато она выглядывает из каждого окна в заброшенных квартирах. Именно эта опасность дышит в затылок любому, кто пройдет по пустынным и гулким улицам. И так ли важно, что имя ей «прозаическая» экономическая нецелесообразность или отсутствие градообразующего

предприятия? Опасность по-прежнему присутствует в городе, медленно, но верно разрушая его изнутри и снаружи. Поэтому мороз по коже слегка продирает – соответствующий суровой природе. Отчего же возникают, собственно, пупырышки?

Мысль первая: мама моя, это ж какие железные нервы и незамутненное триллерами сознание нужно иметь, чтобы жить в таком месте??? Уж на что я циничный материалист, и то вульгарно жутковато. Одна жилая квартира на (допустим) стоквартирный дом. И там ночуют, в том числе одинокие старики, женщины. Ну ладно старики, они столько на своем веку повидали! Но все остальные! Я как-то ненавязчиво представил себе свою тещу, которой, как я всегда считал, можно крепостные стены крушить (вместо тарана), живущей в поселке. Хм...

Мысль вторая: елки-молотки, сколько же сил нужно было приложить, чтобы все это на вечной мерзлоте построить!!! Дома, кстати, все из-за этой самой мерзлоты, покоятся на сваях, что тоже в достаточной мере усиливает общую сюрреалистичность пейзажа. Такие сплошные избушки на курьих ножках. Нет, серьезно. Представьте себе обычную блочную пятиэтажку с бетонными штырьками по всему периметру. И там, где у обычных домов бывает фундамент и подвал, – штырьки высотой по полметра с расстоянием метр-полтора между ними. Гротеск, реально. Да, вот так. Смотришь на эти штырьки, на окружающую неласковую природу, делишь все эти размышления на суровый климат и получаешь в уме трагичную историю возведения поселка. И остро ощущаешь историческую несправедливость. Трудом рабов, которые возвели египетские пирамиды, до сих пор восхищаются историки, археологи и отдельные сознательные туристы, хотя гробницы всего-навсего задумывались как памятник самомнению фараонов. А труд тысяч людей, которые корячились на возведении поселка, способного стать домом для нескольких же тысяч других людей, как-то никого, похоже, не впечатляет. А в чем, простите, разница? В размере и возрасте построек? Ну, это кому как. Я вот пирамиды посещал, и ничего такого в душе не шевельнулось. И рабов я как-то не очень жалел. Зато поставленные на бетонные сваи дома поселка почему-то вызвали у меня ассоциации с величием воли человеческой. Как в детской песенке советского периода: «захотели дом построить, нарисуем – будем жить!».

Впечатление от осмотра города довольно гнетущее. Что, впрочем, не удивительно и никакой неожиданности в этом нет. Но к ожидаемым эмоциям примешивается что-то еще. Трудноопределимое какое-то чувство. Останавливаюсь возле разрушенной почти до основания постройки, в которой, очевидно, в прежние времена располагался магазин, закуриваю и пытаюсь разобраться. В чем же дело? Несколько раз заносило меня в деревни, где из полутысячи жителей осталось двое-трое. Печальное зрелище, безусловно, но именно печальное – не более. Так в чем же разница? Только в том, что там были деревенские дома, а здесь – городские? Ну, пожалуй, неуверенно соглашаюсь я с самим собой. Я житель исконно городской и деревенская изба ассоциируется у меня максимум с дачей во время летнего отпуска, но уж никак не с постоянным жильем. Поэтому и особого трагизма в заброшенных бревенчатых срубах мое внутреннее «я» не находило. Тогда как вид разрушенных и покинутых городских кварталов вызывает у меня уже более конкретные ассоциации. Вот жили люди, жили полноценной жизнью, привыкли к суровому краю и собирались жить дальше. А их под зад коленом – выметайтесь, мол.

На этом месте мои размышления прерываются, потому что ко мне присоединяется Семен. Оказывается, пока я трепался на рынке и бродил по окрестностям, он успел поставить «Ниву» в гараж и повидаться с женой, с которой, между прочим, договорился о приготовлении обеда для нашей группы. «Голодными не останетесь» – продукты, которые мы привезли, он тоже уже разгрузил. Мне становится как-то неловко за свое праздничное поведение, и по этому поводу я тут же изображаю бешеную журналистскую активность. Начинаю с того, что делюсь своими впечатлениями о покинутых квартирах. Обреченно вздохнув (поняв, что от меня не отвяжешься теперь), Семен комментирует ситуацию.

Да, именно коленом, да еще в грубой форме. А форма-то действительно более чем

грубая. Нет, не в том смысле, что людей физически заставляют покидать поселок. Гораздо «цивилизованней» (читай проще) создать такие условия для жизни, чтобы нормальный человек (особенно обремененный семьей и детьми) не решился и дальше оставаться на основательно насиженном месте. Нет НИЧЕГО: ни горячей, ни холодной воды. Давно «почила в бозе» канализация, но у местных жителей есть возможность не противоречить привитому при советском строе эстетизму: можно завести отхожее место во дворе (хотя специально оборудованных для этой цели помещений я так и не увидел – нигде). В доме Семена, например, все обходятся патриархальными цинковыми ведрами. ЗАТО есть электричество. Ну, правда, не по всему поселку. Незадолго (месяца за три) до нашего приезда вышла из строя пара-тройка опор ЛЭП, лишив три района из семи в поселке электричества. Но жители не унывают – катастрофа явно имеет временный характер. Починят. Может быть.

Выдав мне эти сведения, Семен явно превысил лимит своей разговорчивости. Обычно он столько слов произносит за весь день. По этой причине я явственно вижу, что мое общество сильно его тяготит. Пообещав прибыть к обеду, я, под облегченный вздох Семена, продолжаю экскурсию по поселку в одиночестве. Гуляю. Попутно восстанавливая в памяти сведения о причинах постепенного умирания поселка.

Золотодобывающее предприятие (выработка), вокруг которого и был возведен поселок, истощило свои ресурсы и почти в тот же самый момент поселение, в котором на тот момент проживало полторы тысячи человек, утратило не только официальный статус, но и привилегии – поддержания условий, необходимых для жизни. Местная администрация просто махнула на всех жителей рукой – выгребайте сами как знаете.

Какое-то время, по инерции, поселок еще существовал, но уже к концу 90-х годов приобрел тот вид, который я лицезрею в данный момент. Кадыкчан хотя бы расселили, пусть и в варварской форме, а на поселки поменьше уже не осталось ни денег, ни сил. Проект по расселению Кадыкчана был признан неудавшимся, и потому вся программа приостановлена. К настоящему времени принята прорва постановлений во всех административных органах, но постановления сыт не будешь и золото они в выработку не вернут.

Типичная история. Из семидесяти двух поселков и небольших городов, когда-то располагавшихся вдоль колымской трассы, осталось всего девять. И это не предел. Процесс продолжается. А сколько всего на Крайнем Севере таких поселков – не перечить, зато общее количество проживающих в них человек примерно известно: *более десяти миллионов человек*.

Цель – Кадыкчан

Вечером мы собрались в квартире Семена. «На сходку», как сформулировал записной балагур Марик. И хотя за полторы недели путешествия его остроты уже начали мне надоедать, нельзя не признать, что определенное сходство (по крайней мере, в том, что касалось внешних атрибутов встречи) присутствовало. Для начала не работал дверной звонок, и пришлось стучать. Мы-то просто некоторое время неритмично стучали в дверь, а вот пришедшие чуть позже гости выбивали разные условные стуки. «Очень удобно, – поделилась с нами жена Семена, – всегда знаешь, кто пришел». Каждый прибывший приносил с собой продукты и бумаги: карты, нарисованные от руки, списки «всего-чего-может-понадобиться» – как выразился один из гостей. И над всем этим романтично парил сизый дым дешевых папирос.

Одного из гостей, парня лет тридцати, Семен представил нам как водителя, который отвезет нас завтра в Кадыкчан. «Вася», – коротко сказал он, и крепкое рукопожатие было сдобрено жутко хитрым, прямо каким-то лисьим взглядом.

– Предупреждаю сразу. Довезти – довезу, а всякие там экскурсии, лекции-шмекции – это не ко мне. Нужно чего узнать, узнавайте здесь. Я Кадыкчан плохо знаю. Где, что, как – разбирайтесь сами, – прокомментировал ситуацию водитель. Жизнеутверждающее начало знакомства. Весь вечер мы пытались склонить Васю принять расширенное участие в нашей поездке, но тщетно. Он стоял на своем, за что мы с Вадимом тут же присвоили ему прозвище Харон. А как еще можно было назвать перевозчика в мертвый город?

Ситуацию немного смягчил второй гость – Филя, еще один сопровождающий. Мы были несколько удивлены таким вниманием к нашим персонам, но все оказалось более чем прозаично. У Филя в Кадыкчане имелись свои дела, и поэтому он скорее являлся попутчиком, хотя и не отказался устроить нам небольшую экскурсию по городу. На прямо поставленный вопрос, являлся ли он в прошлом жителем Кадыкчана, Филя ответа так и не дал, и мы на время отстали от него с расспросами. Филе около сорока лет, у него неправдоподобно круглая голова (почти идеальная сфера, что подчеркивает прическа а-ля стриженный ежик), он, как и Семен, скупился на слова, но в отличие от хозяина квартиры редко произносил хоть одно предложение, не сдобрив его ненормативной лексикой.

После того как закончилось обсуждение деталей завтрашней поездки, а (скажем так) продукты еще остались, разговор непринужденно перешел в нематериальную плоскость. Как только Филя понял, что мы живо интересуемся местными мифами и легендами, то мгновенно преобразился. От его напускной немногословности не осталось и следа, из него как из худого мешка посыпались истории различной степени достоверности. Было видно, что их пересказ доставляет самому рассказчику немало удовольствия. Для затравки Филя

поведал нам историю о строительстве ныне покойного города.

Предыстория

Строили быстро. Тогда бардак, конечно, был, как и везде, но в наших широтах не забалуешь. Не подвезли материал вовремя, и все – до зимы не справишься. А тогда только и останется, что лапу сосать вместо строительства (лапа – это уже облагороженный редакционный вариант). Какая стройка в минус пятьдесят? Так что все бодро и в темпе возводили. Шахта-то уже к тому времени была закончена давно, поэтому понагнали ЗК (зеков), и вперед. И вот тут-то и начались коленца. Понятно дело, на какой же стройке обходится без жертв. Я вон слышал, даже у америкосов ни один небоскреб не удастся поставить без одного-двух трупов. Что уж про нас говорить. Все знают примерно, сколько человек на стройке обязательно загнется. Но с Кадыкчаном это что-то запредельное было. Люди рассказывали – что ни день, то несчастный случай. И главное, не сказать чтобы именно со строительством все было связано. То до фига народу отравилось жрачкой, то эпидемия какая-то гнусная. В конце концов даже начальство задумываться стало.

Ну, у них какие мысли? Известно – диверсия. Чуть на мыло не изошли, все искали: какая же это империалистическая сволочь на стройке пакостит. Потом устроили что-то вроде экспертизы. Пригласили инженеров, спецов, и поручили им доискаться, что стало причиной несчастных случаев: умысел, несоблюдение техники безопасности или слепой случай. Ну, насчет техники безопасности это они погорячились. Кто ж ее на зековских стройках когда соблюдал по полной-то программе? Так, берегутся люди, сами следят, чтоб башку под груз не подставить.

Проверяльщики, ясное дело ничего не нарыли. Почему ясное? Ты мне историю не погань, всему свой черед. Да, значит, не нарыли. А несчастные случаи как были, так и продолжались. И пока спецы чесали каски, народ уже давным-давно разобрался, в чем причина. Да толку чуть! Деваться со стройки все равно некуда. Не сбежишь. Зато к окончанию строительства почти у каждого ЗК на шее болтался деревянный или металлический крест на веревке. А начальство... А начальство к тому времени на этот факт стало смотреть сквозь пальцы, потому как режим режимом, а на одной советской идеологии стройку не закончишь. А кресты, говорят, помогали сильно.

Закончив рассказ, Филя «со слезой» посмотрел в окно, судорожно вздохнул, выдал что-то типа «й-й-ех», крякнул и залпом выпил полстакана. На кухне повисло молчание. С одной стороны, все повествование явно отдавало непрофессиональной театральщиной, с другой – а кто его знает, может, правда? Марик вопросительно взглянул на Семена и Василия. Но те индифферентно молчали, глядя в сторону. Ни подтверждать, ни опровергать историю они явно не спешили.

Зато разговорившийся Филя явно собирался досказать сию печальную повесть. И в ход пошла тяжелая артиллерия.

Вот вы знаете, что Кадыкчан на эвенском означает «Долина Смерти»? (Мы скромно подтверждаем, что немножко в курсе.) Во-о-о-т, а вы спрашиваете, почему проверяльщики облажались. Уж после того, как спецы всю стройку облазили, до них наконец дошло, что местные неспроста такое мрачное название местности дали. Стали раскапывать: отчего да почему? Нарыли аж две версии. Первая, «озерная», заключается в том, что под твердым грунтом Долины рассредоточены подземные озера и выходы природных артезианских скважин. По этой причине подмытый грунт периодически промывался в самых неожиданных местах. И вторая, «углекислотная»: из-под земли в этой местности когда-то (когда конкретно, никто сказать не может) выходил под давлением углекислый газ, что-то вроде природных газовых конфорок. Расположены выходы были локально, повсеместно,

но бессистемно, что сильно затрудняло их обнаружение. Углекислота, как известно, имеет более высокую плотность по сравнению с воздухом, поэтому уровень газа не поднимался более чем на метр от земли. Что, однако, не помешало газу вытеснить из Долины все живое. Ну, ага, и вроде обе версии спецы подтвердили. Типа геологические изыскания, то, се...

Ну, еще местных трясли: что да почему? Только их версию даже и рассматривать не пытались. Еще бы, кто из советских людей мог слушать лепет о духах предков, которые выбрали себе именно Кадыкчан, чтобы осуществить тотемное рождение (может, Филя имел в виду перерождение?). Да вот только гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Ни один несчастный случай не получил подтверждения согласно обеим версиям. Кстати, до сих пор и гуляют по Колыме два варианта. Кто так объяснит, кто по-другому: почему Долина Смерти-то. Да только ни одного явления, о котором спецы напели, за столько лет существования города не наблюдалось.

Вот и думайте сами. С одной стороны – стройка, которую даже тертые зеки называли «проклятой». А с другой стороны – ни одного случая «провала», «промыва» или «прорыва» за столько-то лет, пока город стоит. Если был газ или озеро, то куда они делись, да еще так внезапно? Но есть и еще одна сторона. По поводу местной-то версии: и как сейчас на Большой земле Кадыкчан называют? То-то: город-призрак или мертвый город. Как говорится – имеем то, что имеем.

В рассказе Фили фигурировало еще несколько «ужастиков». Но так как мы после каждой байки внимательно посматривали в сторону Семена, а он при этом делал лицо как у «замерзшего в вечной мерзлоте», то и пересказывать их не стану. Байки существуют всегда и везде. И вот спроси меня – почему же я привел здесь именно эти две байки нашего потенциального проводника? Да потому что я и сотоварищи все же побывали в Кадыкчане.

И снова утро, на сей раз это означает четыре часа после полуночи. Скучный чай-кофе, оплата горючки (скопидом Марик стонет от местных тарифов), и дальнейшее продвижение по колымской трассе.

Едешь и постоянно жалуешься самому себе. Пейзаж до ужаса мрачен и однообразен. Захочешь красочно описать – хоть надуйся, как китайский каучуковый матрац, нечего описывать. Все одинаково: далекие сопки, дорога, вновь далекие сопки, рядом с ними лентой протянулась дорога. Иногда местность «оживляется» сгоревшими остовами построек, ржавыми грузовиками и заброшенными бараками. При этом нельзя не признать, что колымская природа при всем своем однообразии не лишена эстетики, пусть и аскетической. Но вот что здесь действительно красиво – это закаты и восходы. Панорама фантастическая, обзор во многих местах открывается бескрайний – верти головой, покуда шея позволяет, и любуйся. А посмотреть есть на что, пусть и недолго: буйство красок и форм, величественное зрелище. Я один раз попытался сосчитать количество цветов и оттенков, отразившихся на рассветных облаках. Куда там!

Однообразие продолжается недолго. Как только съезжаешь непосредственно с трассы (пусть и километра на два-три), все преображается. Пейзажист из меня, право слово, никакой, поэтому заранее прошу прощения. Всего много – и неба, и сопки, и солнца. Что касается деревьев, то я искренне был удивлен, так как до этого думал, что до таких размеров во всем мире могут дотягивать только секвойи. И вообще я почувствовал себя букашкой, вышедшей прогуляться в кустарник, – вокруг все такое огромное.

Едем молча, каждый задумался о том, что ждет его в конце пути. Забегая вперед, скажу: никто из нас не увидел того, к чему готовился и чего ожидал. Марику виделась таинственная ЗОНА, где даже физические законы действуют избирательно. Вадиму, побывавшему в горячих точках, грезился второй Грозный, только дочиста эвакуированный. А я ...лично меня подвел снобизм. И это я осознал уже после того, как оказался на территории Кадыкчана. Но не будем опережать события. Пока мы все еще мелко дребезжим частями тела в такт разболтанным подвескам «козла». Едем по возможности молча. И не по причине угнетенного настроения, а руководствуясь соображениями здравого смысла и

печального опыта. Пару раз я и мои спутники чуть не откусили себе языки – на грунтовой (почему-то непривычно темно-серой) дороге наши неопытные глаза совершенно не замечают ям и колдобин, а наш неунывающий Харон – Вася не дает себе труда предупреждать о них заранее.

Но вот начинаются первые странности. Они же – особенности зрительного восприятия непривычного ландшафта. Кажется, на километры вокруг – отлично просматривающаяся пустыня. Невозможно пропустить хоть сколько-нибудь заметный объект. А на поверку получилось как в комиксах, когда над головой героя красуется надпись: «БАЦ!!!» Вот так же над нашими головами внезапно нависли сопки. Вот именно нависли, и именно над головами, и именно внезапно. От неожиданности они показались нам очень высокими, и было совершенно непонятно, как мы могли их раньше не заметить. Пока мы отходили от каверз местной топографии, Вася, который до этого только посмеивался, слушая наши комментарии, оторвал конечность от баранки и указал промасленным пальцем куда-то по направлению к горизонту, сопроводив свой жест лаконичным комментарием: «Приехали». Мы дружно посмотрели вперед. Потом переглянулись. В глазах друг друга мы прочитали один и тот же вопрос – «КУДА???» Впереди по-прежнему простиралась пустынная равнина, окаймленная сопками. Ее однообразие нарушало лишь невразумительное строение размером с собачью будку. Понимая, какими тупыми «туристами» мы должны показаться нашему водителю, я все же рискнул задать этот вопрос вслух.

«Ну, вы, блин, даете, – неоригинально выразил свое отношение к нашей наблюдательности Вася. – Станция Березай, кому надо – вылезай. В Кадыкчан приехали, куда хотели – туда доставил». Вопрос «Где Кадыкчан?» мы проглотили в последний момент. Потому что действительно – увидели.

Долина Смерти

Собачья будка на поверку оказалась действующим КПП. Кто, с какими целями и задачами расположил здесь это убогое строение с линиялой железной палкой вместо шлагбаума, выходит за пределы моего понимания. И потом. Если бы вы только видели этих «дежурных»! Больше всего они похожи на не очень удачливых разбойников, поиздержавшихся сухопутных пиратов. Логика никакой – перед будкой мы даже не стали притормаживать, железяка без вопросов поползла вверх.

Возвращаясь к странностям. Именно на Колыме я в первый раз воочию убедился в том, что тезис «Земля – круглая» имеет под собой веские основания. Несколько раз у меня создавалось полное впечатление, что объекты словно вырастали из-под земли. Такой эффект (как мне потом объяснили бывалые люди) можно наблюдать на больших водных пространствах, где ничем не закрытая линия горизонта видимо изогнута. Огромные пространства Колымы создают подобный эффект, который значительно усиливается цветовым однообразием. Переходы от серого к бурому, а затем к черному не имеют четких границ, отчего все неровности оптически сглаживаются.

Скорее всего, в случае, когда мы дружно не заметили расположенный прямо у нас под носом город, имел место именно такой цветовой обман. Ну и еще выкрутасы подсознания. Ведь когда человек направляется в город, даже если и вымерший, то он подсознательно рассчитывает увидеть именно город с присущими ему атрибутами: светом, геометрическими формами и яркими красками. Ну если и не яркими, то хотя бы отличающимися от природных. А тут... Мало того что постройки совершенно сливались с ландшафтом по цвету, так еще и рукотворные формы блочных коробок, разрушенные суровыми погодными условиями и отсутствием ухода, потеряли привычные очертания.

По поводу моего снобизма. Являясь жителем шестимиллионного города (по последним подсчетам), я думал, что Кадыкчан всего лишь большой поселок, как ГОРОД я его мысленно не идентифицировал. Не ожидал, что покинутый населенный пункт покажется мне таким огромным. И дело не в количестве домов как таковых, а в том, что в Кадыкчане

присутствовала вся полагающаяся городу *инфраструктура*. Кинотеатр, здание спорткомплекса *с бассейном и ледовой ареной* (!), прачечные, парикмахерские, ресторан – все, что ассоциируется именно с городом. Я грешным делом тут же представил себе покинутый населением Питер – пустые и гулкие площади, огромные коробки гипермаркетов на окраинах. Уф! Нельзя иметь такое богатое воображение – вредно для нервной системы.

Но пора вернуться в Кадыкчан. Для полноты впечатлений и, выражаясь местным языком, «глубокого бурения» местных достопримечательностей, я откалываюсь от группы и час-полтора брожу по улицам в совершенном одиночестве. Первое впечатление – город мимикрирует, пытается слиться с окружающим миром. Как будто постепенно растворяется: в сопках, в черно-серой земле, в чахлой бурой растительности. Надо сказать, первое впечатление не из приятных. Все вокруг кажется каким-то размытым, размазанным. Трудно перенести на бумагу испытанные чувства. Такое ощущение иногда возникает в сумерках с их неопределенностью контуров и отсутствием четких граней. Вот именно – сумерки. Посреди яркого солнечного дня, кажется, что ты неожиданно оказался в тумане. Мгновенно чудится, что похолодало. И так-то тепло не было...

Через некоторое (весьма непродолжительное) время я начинаю понимать, что город не мимикрирует, а его растворяют. И очень успешно. Та же чахлая растительность совершенно спокойно одерживает победу над камнем, а сопки явственно подпирают город круглыми боками, и начинаешь верить: расплющат рано или поздно. Вот тебе и торжество человеческой воли! Теперь мне так совсем не кажется. Наоборот, начинаю понимать, насколько рукотворные изменения ландшафта недолговечны и хрупки по сравнению с возможностями природы. Нет, не так – ПРИРОДЫ – вот как. Сколько бы ни было вложено сил, труда, материалов, все это ничего не значит. Строили город тысячи человек не один год, а природа без вложения каких-либо видимых усилий спокойно возвращает отобранное маленькими самонадеянными людишками. С момента расселения прошло всего около двух лет, а дома выглядят так, как будто брошены несколько десятилетий назад. Огромные трещины по фасадам, отвалившиеся пристройки, расколовшееся крыльцо. Долина Смерти перемолола постройки почти в фарш за очень короткое время.

Возвращаясь к месту воссоединения группы, я уверяюсь в тотальной ошибочности лозунга «Человек – царь природы». Скорее – не очень успешный и не очень состоятельный арендатор.

Однако, как говорила девочка Алиса, ныряя в нору за Белым Кроликом: «Все чудесатее и чудесатее». Встретившись с моими коллегами, по их лицам я понимаю, что и они несколько шокированы увиденным. Но обмен впечатлениями решено отложить на вечер, а пока продолжить экскурсию по городу, но уже в сопровождении Фили. Кстати, меня еще с вечера мучает вопрос: «Филя» – это сокращение от Филиппа или от Филимона? Надо будет попозже уточнить.

После непродолжительного совещания решаем дойти до центральной площади и там перекусить. «Для экзотики», – подмигивает Филя, а я тихо удивляюсь, где это он набрался таких слов. И тут нас всех внезапно удивляет Вася, до этого молча слушавший, как мы совещаемся. В сердцах, сплюнув на дорогу (очень выразительно), наш Харон решает нарушить собственное же условие и говорит, что пойдет с нами, при этом никак не объясняя произошедшую разительную перемену мнения. Мы сами пойдем его побудительные мотивы, но чуть позже.

В быстром темпе мы добираемся до большой площади, которая имеет непривычную квадратную форму, и разводим костер из подручных материалов. В ход идет все, что горит: оконные рамы, два стула и приличная пачка старых газет. То, что мы не первые, кто разводит огонь таким способом, видно невооруженным глазом. Почти ни в одном окне не видно деревянных рам. Пока на огне булькает котелок, Филя, поминутно потирая от удовольствия ладони, приступает к рассказу о взрыве на шахте в 1996 году. Во время этого взрыва погибло шесть человек. Через минуту мы понимаем, что следует очередная серия ужасика. Она начинает обрастать сюжетными подробностями, но тут Вася не выдерживает. В переводе на

нормативную лексику он просит рассказчика помолчать и перестать пороть чушь. После чего он, явно тяготясь своим новым статусом лектора, раздражается гораздо более правдоподобной версией.

В начале существования так называемым градообразующим предприятием для Кадыкчана стала угольная шахта, основанная на богатейшем месторождении. Построенный поселок почти сразу стал процветающим – даже противоречащие здравому смыслу советские нормативы выработки выполнялись и перевыполнялись с лихвой. Все было как в старых фильмах – новогодние елки, Первое мая и все в таком духе. Город разрастался и обрастал даже излишествами – той же самой ледовой ареной (ну для чего, скажите, в местах, где лед не сходит порой до конца апреля, строить крытый каток?). Но начало 90-х годов принесло с собой первые проблемы. В частности, перебои с транспортом, на котором вывозили уголь, с задержкой зарплаты и значительным оскудением продовольственного ассортимента. Однако казалось, что ситуация понемногу начала выправляться. Появились первые «кооперативные» кафе, магазинчики и предприятия сферы услуг. Казалось, как в том анекдоте, «а жизнь-то налаживается». Но не тут-то было. Прогремовший в сентябре 96-го взрыв резко подвел черту под надеждами людей. Шахту решено было закрыть. К этому моменту в Кадыкчане было около шести тысяч жителей.

Это было такое потрясение для большинства кадыкчан, фактически начало конца поселка, что, естественно, само событие обсуждалось жителями на разные лады. И слухи ходили (один другого нелепей), и подробности взрыва многократно обговаривались, попутно обрастая домыслами и несуществующими деталями. Один из слухов был следующего содержания: «взрыв подстроен». Кем? Следовали варианты: проворовавшимся начальством шахты, криминалитетом при переделе собственности и – как апофеоз – местной администрацией, которая подозревала: еще чуть-чуть, и шахта станет нерентабельной из-за значительной удаленности от крупных транспортных узлов, того же Магадана.

Большинство здравомыслящих людей, к тому же работавших непосредственно в шахте, были не склонны верить этим слухам. Сам Вася считает, что авария была действительно случайна. «Но нельзя же в наше время быть в чем-то совершенно уверенным», – резонно замечает наш водитель.

Васин рассказ при всей его внешней прозаичности производит на нас более глубокое впечатление, чем ужасы от Фили, и мы в задумчивом молчании доедаем нехитрую снедь. Продолжив прогулку, через два квартала мы замечаем то, что не бросалось в глаза при первом знакомстве с Кадыкчаном. В квартирах и магазинах осталось очень много брошенных вещей. При этом понятно, сколько бесхозного скарба отсюда уже вывезено за те несколько лет, что город брошен. По этому поводу у нас возникают вопросы. Что же за экстренная эвакуация постигла кадыкчан, если в одной из квартир мы даже увидели брошенный детский горшок? И как вообще выглядели последние месяцы, дни и часы поселка?

Желающий реванша Филя тут же обрушивает на нас очередную порцию кошмарных историй. О замерзших людях, оставшихся зимовать в неотопливаемом поселке, о съеденных домашних животных, ну и все в таком духе. И снова Вася раздражается непечатной тирадой в его адрес. А дальше излагает свою версию.

Конечно же, все было не так, а гораздо более мрачно, но несколько в другом смысле. Первой ласточкой будущего запустения стало отключение отопления: из-за аварии замерзла местная котельная. Канализация пережила отопление ненадолго. Даже в мороз люди были вынуждены ходить в туалет на улицу. Дома-то городские, вот и представьте себе: куда податься, если «у вас в Питере» одновременно перестанут работать ВСЕ унитазы? Зимой. Представили?

К этому моменту расселение Кадыкчана шло уже полным ходом. Первыми уехали семейные люди с детьми. Тут уж ничего не попишешь – брали первое, что предлагали. Но и в не очень привлекательные места уезжали налегке. Программа финансирования расселения не предполагала ни одной лишней копейки субсидии. А теперь примерно прикиньте, сколько

стоит оплатить пересылку контейнера с вещами, хотя бы и трехтонника, из Кадыкчана? Многие были вынуждены отдавать буквально последнее, чтобы сохранить самые необходимые на новом месте вещи.

К началу зимы в поселке остались только взрослые и, как ни странно, много пожилых людей. При этом все оставшиеся жили в Кадыкчане не первый год и прекрасно отдавали себе отчет в том, какая зимовка их ждет. К этому моменту поселок уже официально прекратил свое существование. Не было электричества, воды (даже холодной), не работала канализация и не функционировал ни один магазин. Тем не менее человек шестьсот решили зимовать. Точное число никто назвать уже не сможет, перепись населения никто не догадался провести. Запасались буржуйками, благо топливо можно было найти в любом брошенном доме, продуктами и решили дожить до тепла. Конечно, обморожения были, но не в таком ужасном количестве, как можно подумать. Остались зимовать старожилы – люди, которые прекрасно знали, как выживать в суровых условиях Крайнего Севера, поэтому все эти страшные ужастики о трупах – выдумки чистой воды. Но неужели от этого история становится веселей?

Пока суть да дело, мы понимаем, что часа через два стемнеет и если мы хотим дальше осматривать город, нужно поторапливаться. Оскорбленный невниманием Филя спешно ретируется по своим таинственным делам (хотя какие они таинственные – вульгарный сбор цветного металла и, похоже, мародерство по мелочи), а мы продолжаем бродить по городу. Последние впечатления от посещения Кадыкчана – завтра утром (о-хо-хо, и когда ж я наконец выплусь?) мы уезжаем.

Город выглядит на удивление современно. И от этого становится особенно жутко. Сейчас объясню подробнее. С одной стороны, эффект, о котором я уже упоминал, – кажется, что дома брошены людьми, как минимум, лет двадцать назад, а с другой стороны, разрисованная вполне актуальным по содержанию и по технике выполнения граффити стена магазина. Архитектура, конечно, без излишеств (нет даже балконов – местная специфика), но квартиры отличной планировки и приличного метража. В Питере, к слову, такого размера жилплощадь появилась только в новостройках последнего десятилетия. Отсутствие затейливых линий в форме строений по замыслу строителей должно было компенсироваться веселенькой раскраской домов.

Сейчас уже трудно представить себе, как выглядели среди окружающего пейзажа выкрашенные в бургерские цвета (салатовый и розовый) пятиэтажные блочные коробки, но, подозреваю, не очень симпатично. Хотя... должен же глаз хоть иногда отдыхать на ярких цветовых пятнах. Кстати, краска на домах тоже почти вся облупилась. Зато почти нетронутым сохранился нарисованный на одной из глухих стен жилого дома колоссальных размеров красный олень. Вот тоже причуда колымской эстетики. Но самое главное: поражают размеры панно – этажа примерно на три – это в высоту, а в ширину – половина стены. Хотя как раз размеры можно объяснить. Я сам испытал действие гигантомании Крайнего Севера – все кажется очень большим и хочется соответствовать.

От наружного осмотра приходится отказаться – пошел мелкий дождик, и мы решаем побродить по лестничным клеткам. На некоторых дверях надписи угрожающего характера. Бывшие владельцы покинутых квартир письменно грозят потенциальным мародерам страшными карами. Как естественного происхождения – «будете отвечать по закону», – так и мистического (на некоторых дверях мелом начерчены православные кресты). Совершенно очевидно, что, несмотря на отчаянность положения, люди в глубине души надеялись вернуться.

Все перечисленное неприятно поражает глаз. Слух же постоянно находится в напряжении. Я все время пытался услышать хоть какой-нибудь природный звук. Но глухо: не считая индустриального громохання железа и по-деревенски звучных скрипов немногих оставшихся деревянных дверей и рам, не слышно ничего. Такая гнетущая тишина держит в напряжении. Животных и людей нет – это понятно. Но где же завывания ветра? Где хотя бы шелест травы, заполонившей все вокруг? Где, наконец, птицы? Совершенно точно

констатирую – тишина в Кадыкчане стоит противоестественная. Насчет всего остального – призраков и видений не наблюдалось, а вот по поводу звуков заявляю со всей ответственностью: в городе что-то не так. Вот когда холодком за шиворот вползают жуткие Филины страшилки по поводу местной версии названия города. Привет от Фили, будь он неладен.

И последнее. Когда мы наткнулись на этот... эти... это сооружение, солнце уже зашло за облака, но сумерки еще не опустились на Кадыкчан. И слава богу, а то я мог бы подумать, что сошел с ума. А так ясно видимые очертания придали сооружению черты гротеска. Теперь напрягите воображение. Вам понадобятся все его запасы, которые только найдутся, и представьте себе длинный ряд деревянных дверей. Обычных входных дверей, их штук двадцать только по фасаду. Да-да, имеются еще и торцы. Там дверей меньше. Двери не покрашены и держатся с помощью совершенно непонятого принципа – то ли они сколочены между собой, то ли... а кто его знает. Сверху этого сооружения возведен гибрид курятника и голубятни, маленькая будка, я бы сказал, одноместная кабинка, тоже собранная из дверей. И все это в чистом поле на фоне необъятного колымского горизонта. Даже Сальвадору Дали такой сюжет не приснился бы. А тут – реальность. Кто? Зачем? Непонятно. Но от сооружения заметно веет безумием.

На этой оптимистической ноте осмотр города Кадыкчана заканчивается. Мы возвращаемся к стоящему на приколе «козлу» и достаем оттуда ужин и спальники. При мысли, что в этом месте мне придется ночевать, начинают ныть зубы. Не то чтобы я боялся – ничто из увиденного за день не располагает к этому чувству, но... как бы это поточнее сформулировать? Пожалуй – неприятно. Расплывчато, но как передать наши общие ощущения вернее, я не знаю. Завтра мы проделаем обратный путь, который (как водится) покажется нам заметно короче дороги сюда. Я никогда больше не увижу разрушающийся Кадыкчан, чему я в глубине души рад. И мне кажется, что город знает об этом. Вот только я никак не могу уловить ответной реакции, хотя Кадыкчан от меня тоже наверняка не в восторге.

Ужинаем мы быстро, молча. Интуитивно откладывая обсуждение увиденного на завтра, послезавтра, на потом. Молчит даже Филя, нагрузивший «козел» Василия почти до отказа своим металлоломом. Грустно.

«Все проходит», – сказал древний мудрец. Мы все об этом знаем, но ужасно не любим, когда нам об этом напоминают, да еще в такой образной форме. Остается единственное утешение. «И это пройдет», – утешаю я свою печаль.

Постскриптум

Долгое время после приезда из Кадыкчана я просыпался по ночам. Просто лежал, смотрел в потолок и представлял себе ночной пустынный город, окруженный необозримым пространством. Как медленно, но неуклонно растет по ночам трава, как хлопают от редкого порыва ветра незаколоченные двери. Как шелестят страницами немногие оставшиеся книги, фотографии и газеты. И мне не было жутко, мне было очень спокойно в эти странные моменты ночных бдений. То, что пугало меня в Кадыкчане, пока я там находился, вдруг стало казаться мне совсем другим. Величественным, что ли, или скорее «величественно-печальным». Вспоминая город, я не мог понять, почему невольно страшился разрушающихся домов, почему боялся тишины, накрывшей город, как стеклянный купол. Теперь мне уже казалось, что нужно было оказаться слепоглухонемым, чтобы не заметить завораживающей красоты города.

Некоторое время я размышлял: что же такого привлекательного я мог найти в Кадыкчане? Найти и даже этого не заметить. Ведь пока я пребывал в самом городе, он совершенно не вызывал во мне никаких положительных эмоций. Да это было бы и неестественно. Однако эффект имеет место быть. И только после того как я полностью разобрал все рабочие материалы и несколько раз прослушал диктофонные пленки, меня

наконец осенило.

Просто я заболел Крайним Севером. Мне рассказывали мои (еще недавние) собеседники, что эту болезнь очень легко подхватить, но мне не верилось. А зря, как оказалось. Никак не выходили у меня из головы неприветливые, но даже на первый взгляд монументальные духом люди, их простой подход даже к самым сложным проблемам. И немереные северные широты, закаты и восходы, красивые своей «первобытностью». Я заскучал, мне захотелось обратно, хоть ненадолго. И тут я понял, насколько тяжело было жителям Кадыкчана покидать эти места! Только сейчас я осознал, сколь глубока трагедия этого города.

Бетонные коробки домов, пустынные и заросшие улицы, на которых гулко раздаются шаги, и безглазые проемы окон... Нет, Кадыкчан – это в первую очередь обманутые надежды, это несчастная история любви – человека и Крайнего Севера. В этой истории есть свои злодеи-разлучники, редкие романтические свидания после расставания и погибающий в одиночестве город, так и не переживший разлуки.

Я обязательно постараюсь вернуться в Кадыкчан. Приложу все усилия и буду надеяться, что город меня дождется.

Хальмер-Ю

История с моей командировкой в Кадыкчан имела неожиданное продолжение. Не знаю, можно ли тут усмотреть фатум, но некоторые интересные мысли, безусловно, посещают. Когда я обрабатывал материалы, привезенные из путешествия по Крайнему Северу, то почти безвылазно сидел дома у компьютера. Но невозможно же не вставать с места двадцать четыре часа в сутки. Нужно хотя бы иногда принимать пищу. Поэтому я собрался с силами и дошел до ближайшего продуктового магазина. Оплачивая свои нехитрые покупки, был пригвожден к месту приветственным возгласом. «Ба, – подумал я. – Какие люди посещают наши скромные пенаты!» Перед моим недоуменным взором предстал один очень хороший человек. У него, с моей точки зрения, уйма достоинств, одно из которых очевидно для большинства читающей публики – он очень хороший журналист. Дальше достоинства перечислять можно довольно долго, поэтому перейду сразу к недостаткам. Таковых у моего знакомого в наличии всего один – он уже много лет живет в Москве. По этой причине не встречался я с ним, пожалуй, лет десять.

Воспоследовал обмен искренними приветствиями и такими же искренними

расспросами о житье-бытье. Минут через десять стало ясно: обо всем, о чем хочется, сию минуту переговорить не удастся, и мы решили встретиться на следующий день. Напоследок Ренат прошелся по поводу моей внешности. Признаться, выглядел я действительно неважно – усталость сказывалась. Коротко объяснил, что только что побывал у черта на рогах и сейчас работаю над материалом, посвященном Долине Смерти. Это я для пущей красоты так сформулировал: каюсь, грешен иногда. Реакция Рената меня удивила. «А-а-а, – понимающе покачал он головой. – Там едет пое-е-езд Воркута – Ленинград». «При чем тут Воркута?» – спросил я Рената.

Тут наступила очередь удивляться моему знакомому. «Ты разве не в Хальмер-Ю был? Зброшенный шахтерский поселок возле Воркуты. Его еще Путин бомбил». Мне стало дурно. Я, видимо, пересидел у компьютера. Владимир Владимирович бомбил шахтерский поселок под Воркутой? И настолько успешно, что поселок прекратил свое существование?

Похоже, мои мысли отразились на лице, потому что Ренат рассмеялся: «А при чем тогда Долина Смерти?» Я понял, что возникло недоразумение, и решил первым объясниться. После того как я закончил рассказ, Ренат задумчиво почесал бровь: «Интер-р-р-есно...» Я тут же высказался, что мне тоже очень интересно, намекая, что пора бы и мне кое-что объяснить. Но Ренат потому и считается отличным журналистом – умеет крутить интригу. Вместо того чтобы немедленно мне все объяснить, он дает клятвенное обещание прийти ко мне завтра более подготовленным и неспешно удаляется, оставляя меня сгорающим от любопытства и нетерпения.

Назавтра мой вновь обретенный друг появляется ровно в назначенный час (вот она – московская пунктуальность!) и имеет при себе пухлую целлофановую папку. Потрясающими материалами, циничный московский журналист требует бутылку хорошего коньяку. Я покорен, тих и радушен. Достая коньяк и произвожу обмен его на папку. Обмен, надо сказать, себя оправдывает. По крайней мере, с моей точки зрения.

Я, конечно, не такой «зубр» в журналистике, как Ренат, но понятие интриги мне тоже не чуждо. Поэтому я сию секунду тоже не буду пересказывать содержание полученной папки, а вместо этого поведаю о том, как снова направился в родную редакцию, показал там материал, обмененный на «Аралат», и предложил продолжить тему, начатую моей поездкой в Кадыкчан. И вот что из этого получилось.

Долина Мертвецов

Начну с разъяснения недоразумения, возникшего по поводу Долины Смерти. Название Кадыкчан так переводится на русский язык с эвенского, а вот на ненецком звучит как «Хальмер-Ю». Так действительно называется заброшенный шахтерский поселок, расположенный в восьмидесяти километрах от Воркуты. Интересное совпадение! Хотя при детальном рассмотрении выясняется, что все не так однозначно. В некоторых источниках Хальмер-Ю переводится как «Мертвая Река» или «Долина Мертвецов». Не могу понять, откуда возникло расхождение и какой же вариант правильный. Но по крайней мере реакция Рената понятна: для большинства людей, знакомых с историей поселка, слово «Хальмер-Ю» ассоциируется именно с Долиной Смерти. Тем более что у этого названия есть вполне реальное подтверждение. До того как в этом месте было открыто угольное месторождение, ненцы – коренное население – хоронили здесь своих предков.

Удивительно, до чего самоуверен, нагл и неосмотрителен был воинствующий атеизм советского периода! Ну не верите вы в загробную жизнь, чужды вам мистические изыскания, имеющие тысячелетнюю историю, – допустим. Но можно же элементарно поинтересоваться историей развития цивилизации! А эта история громко подсказывает – почти ни одно поселение, основанное на захоронениях людей или в местах, имеющих священное значение, не приносило пользы ни строителям, ни жителям. Я могу еще понять постройку шахты – все-таки такую причину, как угольное месторождение, очень трудно проигнорировать, но поселок-то с населением в пять тысяч человек зачем рядом возводить?

Вот и история Хальмер-Ю не стала исключением из общей истории человечества. А поскольку в таких делах никогда нельзя ничего утверждать голословно, то самое время познакомиться с материалами, которые я обнаружил в папке Рената. Материалы эти возникли не на пустом месте. Почти год назад мой приятель посетил этот поселок – хотел сделать репортаж, но не случилось. Однако посещение Хальмер-Ю и знакомство с прошлым и настоящим ненецкой Долины Смерти (или Мертвецов) настолько его впечатлило, что он с готовностью предоставил мне все, чем обладал, для опубликования.

Прошлое

Уже сама история открытия месторождения производит очень неприятное впечатление. В советские времена она подавалась как пример трудового героизма геологов, строителей и шахтеров. Но спустя годы, когда перечитываешь эти материалы, на поверхность выносятся только непонятные действия советских руководителей, которые в течение многих лет с маниакальным упорством рисковали жизнями людей. Единственное оправдание, которое можно найти, – время, когда было открыто хальмерюское месторождение, – 1942 год, война. Необходимо задействовать все ресурсы, которыми обладает народ: природные, человеческие, стратегические. А Донбасс – самое крупное на тот момент месторождение угля в СССР – уже занят немцами, и, более того, немецкая армия подходит к Кавказу – еще одному крупнейшему сырьевому центру страны.

В этом контексте обнаружение залежей угля, расположенное за тысячи километров в стороне от линии фронта, в глубоком тылу, было воспринято советским руководством как дар судьбы. К тому же геологоразведочная партия под руководством Г. А. Иванова, обнаружившая месторождения, сумела на месте определить его ценность: уголь марки К – высшая категория. Но на этом везение на долгое время закончилось.

Первая же партия рабочих, десантированная в сентябре на место будущей шахты, попала в неприятную историю. К Хальмер-Ю вело лишь подобие дороги, и любой человек, знакомый с воркутинским климатом, может себе представить, во что она превратилась во время слякотной и дождливой осени. Продуктов рабочим хватило бы всего на два месяца, остальное должны были подвести с началом зимнего сезона, когда до этого места от Воркуты можно добраться на санях. Вместе с продовольствием на зиму должны были подтянуться еще несколько рабочих бригад и начать бурение... зимой.

План, и так-то не блестящий реалистичностью, окончательно развалился из-за нестандартных погодных условий: сильно затянувшегося сезона дождей, внезапно сменившегося сильнейшим снегопадом. Группа рабочих оказалась отрезанной от внешнего мира – до Хальмер-Ю невозможно было добраться даже на санях.

Опять же возвращаясь к комментариям этой истории образца 70-х годов. Сплошной проявленный в кризисной ситуации героизм и взаимовыручка. Да, бесспорно, рабочих не бросили на произвол судьбы. И действительно, их спасители проявили чудеса настойчивости и самоотверженности. Но заметно и другое обстоятельство. Начальство этих рабочих явно в первую очередь заботилось о судьбе месторождения. Судите сами.

В 1942 году, чтобы спасти группу людей, разместившихся всего в двух палатках, разыскивали последовательно: самолеты (несколько вылетов подряд), а потом отряд спасателей на ста оленях. Из этих ста несчастных животных в Воркуту вернулись лишь четырнадцать (!!!) – остальные погибли в пути от голода. Долина Смерти сделала настойчивым людям первый намек...

В январе была сделана последняя попытка, оказавшаяся удачной. Трудно в это поверить, но до рабочих добралась группа сотрудников комбината «Воркутауголь» на лыжах, в качестве спасательного средства несших на плечах запасной комплект лыж. Рабочие, как это ни удивительно, дотянули до середины января, хотя и находились в состоянии крайнего истощения. Первое время они еще могли передвигаться на принесенных лыжах самостоятельно, но очень скоро

спасатели волоком тащили их на сделанных из этих самых лыж волокушах. Невообразимая история.

На этом сюрпризы, которые преподносил Хальмер-Ю своим «покорителям», не закончились. К осени 1943 года на месте будущей шахты уже возвели поселок, в котором жили двести с лишним человек и даже оборудовали его минимальной инфраструктурой: радиостанция, пекарня, банно-прачечный комбинат. Что до шахты, то к этому моменту уже работали несколько буровых бригад. Но возведение шахты и разработка месторождения – это только половина дела. Необходимо было создать транспортную артерию для вывоза будущих тонн добытого угля. В этом направлении работала еще одна изыскательская бригада, не имевшая при проведении своих изысканий ни малейшего понятия, где действительно находится маленьких поселок и в глаза его никогда не видевшая. Ориентировались по картам. (Бред какой-то. – Возглас автора.)

Результаты торжественной «смычки» оказались вполне прогнозируемыми. Группа изыскателей попросту заблудилась на подходе к Хальмер-Ю. Дело происходило в начале зимы, когда продовольствие у них практически закончилось. Его запасы предполагалось пополнить в поселке. Как вспоминал потом один из участников этой истории, изыскатели увидели дымок, поднимающийся из труб Хальмер-Ю, уже в сумерках и, посоветовавшись, решили отложить встречу на следующий день. Казалось, до конца пути рукой подать. Ан нет, все оказалось не так просто. Ночью началась пурга, и направление было потеряно. То есть ни возвратиться на базу (в чем и смысла-то особого не было, потому что кроме инструментов там ничего не осталось), ни продолжать движение к поселку оказалось невозможно.

Семь дней блуждали люди в буране, не имея представления, где находятся. Растянувшись цепочкой, они топтались на очень маленьком пятачке в смутной надежде на спасение. Смутной, потому что понимали – спасти их может только чудо. Честно говоря, прочитав про эту историю, я попытался себе вообразить, кем надо быть, чтобы выжить в такой ситуации, – и не смог. А эти люди выжили. Чудо все-таки произошло. Хотя, по моему мнению, чудеса выживания проявили сами изыскатели – не только продержавшиеся такой длительный срок в холоде и голоде, но и пытавшиеся найти выход из положения. На седьмой день они случайно наткнулись на рукотворную нору, которая в этих краях зовется оригинальным словом «полуземлянка». В ней не было продуктов, зато была печка с заботливо уложенными дровами и спальные мешки. Кипяток и спальные мешки сделали свое живительное дело. Обессиленные изыскатели уснули, чтобы, проснувшись, увидеть: буран закончился, на улице ясный солнечный день и самое главное – прямо в направлении полуземлянки движутся несколько тракторов. Находящиеся в тракторах люди и не подозревали о неожиданных гостях, техника всего лишь доставляла к этому месту рабочих с запасом продовольствия на неделю.

В 1957 году шахта наконец выдала первые тонны угля. Пятнадцать лет прошло с момента обнаружения месторождения до момента получения первой выработки. Многовато даже по воркутинским меркам. Но и это еще не все. В процентном отношении общая выработка шахты составляла лишь малую толику общей добычи комбината «Воркутауголь». За пять лет шахта Хальмер-Ю давала столько угля, сколько одна из по-настоящему крупных воркутинских шахт за... несколько месяцев. Сложные условия залегания пластов, как объясняют специалисты. Но признать, что с обустройством шахты в Долине Мертвецов, мягко говоря, погорячились, власти, естественно, не могли, поэтому минимальное количество добытого с большим трудом угля оправдывали его высоким качеством. Но то, что произошло с этой шахтой после воцарения в России подвоя рыночной экономики, ясным и простым языком подтвердило: строительство и эксплуатация шахты Хальмер-Ю было экономически невыгодно.

Возникает риторический вопрос – ЗАЧЕМ? Ну ладно вначале: война, неуверенность в будущем, понятное желание заручиться хоть какими-то гарантиями. Но потом?

Пять тысяч жителей. Общая площадь обустроенной и жилой территории 60 000

квадратных метров, *двенадцатикилометровая* теплотрасса. Это не считая полностью соответствующей городским стандартам инфраструктуры. Еще в середине 80-х планы по благоустройству поражали своим размахом. Чего стоят одни планы по озеленению площади в 5 тысяч квадратных метров!

Рассказывает Игорь Меринов

В семидесятые годы это был островок реального развитого социализма в СССР. Я – ребенок, искренне верил в то, что говорили по телевизору про нашу социалистическую Родину, потому что окружающая меня реальность соответствовала тому, что декларировалось на страницах газет и с трибун съездов. В поселке было отличное снабжение – полки магазинов ломились, бытовые, коммунальные, культурные условия были ничуть не хуже, чем в крупном городе на Большой земле. Я, например, во втором классе ходил в балетную студию. А какие были отношения между людьми... Доброжелательность, приветливость, взаимопомощь – все это было для нас естественные отношения.

Двери в квартиры практически никогда не запирались, в поселке не было милиционера, – приезжал участковый из города по пятницам на два часа. Я в 17 лет поступил в институт в Москве, и когда впервые услышал как люди ругаются в автобусе, для меня это был шок, я не представлял, что один человек другому может говорить такие слова. Наверное, это шло от материального благополучия, но не только, все таки климатические условия, опасная работа заставляли народ быть ближе друг к другу. А за деньги платилась очень высокая цена – в среднем в год на шахте погибало человек пять. Самое страшное воспоминание – когда в шахте случался обвал. В поселке мгновенно это знали. Народ толпился возле шахты – ждали, кто погиб, кто выжил. Дальше дикие крики вдов... Вздохи облегчения и сочувствия. Все это накрепко нас сплачивало. Мы считаем себя особой породой людей – хальмерюсцы. Вместе нам хорошо, мы понимаем друг друга. Только вот поселок убили, и ничего с этим не поделаешь. Тяжело говорить об этом.

Настоящее

Теперь пора приступить к объяснению: какое участие президент России принимал в бомбежке поселка. Объяснение получится простое и короткое: самое непосредственное – Владимир Владимирович собственноручно сделал пару-тройку выстрелов по поселку, находясь в реактивном самолете. Потому что в нынешней своей ипостаси бывший шахтерский поселок есть не что иное, как военный полигон. Тренировочная база. Поэтому когда высоких гостей принимали в Воркуте, военные с удовольствием продемонстрировали главе государства мощь русского оружия, пригласив президента поучаствовать в тренировочных полетах...

Как же процветающий шахтерский поселок Хальмер-Ю дошел до того, что стал полигоном? В отличие от Кадыкчана, у которого первым толчком к расформированию и последующему расселению послужил взрыв на шахте, кончина Хальмер-Ю была предопределена в административном порядке. В середине 90-х годов, когда стало окончательно ясно, что рентабельной шахта никогда не была и уж точно не будет в будущем, было принято решение о ее закрытии и (как следствие) расселении шахтерского поселка. В планах администрации края и руководителей объединения «Росуголь» было проведение образцово-показательного мероприятия, которое должно было послужить наглядной демонстрацией другим неперспективным шахтам. Точнее, шахтерам, на них работающим, и членам их семей, что ничего страшного в реструктуризации нет, как нет и причин для паники. И вот как это выглядело.

СОВЕТ МИНИСТРОВ
– ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ –
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 25 декабря 1993 г. № 1351

г. Москва

О ликвидации шахты «Хальмер-Ю» производственного объединения «Воркутауголь» и мерах социальной защиты населения поселка Хальмер-Ю Республики Коми

В целях осуществления мер социальной защиты работников шахты «Хальмер-Ю» производственного объединения «Воркутауголь» и населения поселка Хальмер-Ю Республики Коми в связи с ликвидацией шахты и невозможностью организации в поселке других видов производств Совет министров – Правительство Российской Федерации

постановляет:

1. Согласиться с предложением Министерства топлива и энергетики Российской Федерации, согласованным с Советом министров Республики Коми и Государственным комитетом Российской Федерации по управлению государственным имуществом, о ликвидации шахты «Хальмер-Ю» производственного объединения «Воркутауголь».

2. Министерству финансов Российской Федерации, Министерству экономики Российской Федерации и Министерству топлива и энергетики Российской Федерации предусмотреть выделение необходимых средств из республиканского бюджета Российской Федерации на финансирование работ по ликвидации шахты «Хальмер-Ю» в 1993–1995 годах, в том числе дотации на добычу угля в период свертывания горных работ по фактическим расходам.

3. Установить, что жителям поселка Хальмер-Ю, выезжающим из указанного поселка, выделяется целевым назначением единовременная компенсация на:

- приобретение жилья по вновь избранному месту жительства из расчета 18 квадратных метров общей площади на каждого члена семьи и стоимости строительства одного квадратного метра общей площади 250 тыс. рублей в ценах II квартала 1993 г. с последующей индексацией указанной стоимости;
- оплату стоимости провоза имущества и багажа железнодорожным транспортом, но не более одного крытого вагона на семью. Работающим жителям поселка, выезжающим по согласованию с администрацией предприятия, учреждения и организации в поисках работы за пределы Республики Коми, выплачивается единовременная материальная помощь в размере четырехмесячной средней заработной платы. Министерству топлива и энергетики Российской Федерации и Российской угольной компании «Росуголь» по согласованию с Министерством финансов Российской Федерации и другими заинтересованными министерствами и ведомствами в месячный срок разработать и утвердить порядок выплаты указанных компенсации и материальной помощи, учитывающий график переселения жителей поселка и наличие у них жилья за его пределами.

4. Министерству финансов Российской Федерации предусмотреть выделение в 1993–1995 годах необходимых средств из республиканского бюджета Российской Федерации на выплату компенсации и материальной помощи, предусмотренных пунктом 3 настоящего постановления.

5. Министерству путей сообщения Российской Федерации обеспечить выделение вагонов и контейнеров в 1993–1995 годах для перевозки имущества и багажа жителей поселка Хальмер-Ю по заявкам администрации поселка Хальмер-Ю.

6. Министерству топлива и энергетики Российской Федерации, Государственному комитету Российской Федерации по социально-экономическому развитию Севера, Федеральной службе занятости России, Федеральной миграционной службе России и Совету министров Республики Коми оказывать всестороннюю помощь жителям поселка Хальмер-Ю в поисках новых мест работы и проживания.

Председатель Совета министров –
Правительства Российской Федерации

В. С. Черномырдин

Но номер не удался. Хальмер-Ю после расселения стал именем даже отчасти нарицательным, символизирующим крах надежд многих людей на возможность безболезненно изменить сложившийся жизненный уклад. Вместо положительного примера Хальмер-Ю превратился в иллюстрацию гарантий, которую давали жителям других закрываемых шахт: «Второго Хальмер-Ю не будет». В планах все выглядело вполне пристойно, однако проблемы начались сразу после закрытия шахты и работ по расселению поселка. Как всегда, элементарно не хватало денег. Выделенные на реализацию программы расселения средства закончились с катастрофической скоростью. Тому существовали причины объективные и субъективные. Что до объективных – Хальмер-Ю был первой ласточкой, и рассчитать все расходы правильно, не обладая практическим опытом проведения от начала до конца подобных программ, было невероятно трудно. Что до субъективных, то куда у нас в стране обычно пропадают деньги, пусть и выделенные на конкретные цели?

Потом еще один российский бич (нет, речь не о дураках и не о дорогах) – выполнение чего-либо в намеченные сроки. С расселением в заданные временные рамки, естественно, не уложились. Результаты были плачевные. К октябрю 1995 года (моменту, когда окончательно закончились целевые деньги) *несколько сотен* семей еще оставались в поселке, и в Хальмер-Ю было введено чрезвычайное положение. Как это выглядело на практике? С одной стороны, нет отопления, котельная уже отключена, но все еще есть электричество. И на том спасибо, как говорится, – зиму люди продержались на электрических отопительных приборах. С другой стороны, на железнодорожной ветке, единственном связующем звене между поселком и Воркутой, установили жесткий пропускной режим. Людям полуофициально объяснили, что это сделано для их же блага – защита от мародеров, например. И люди бы согласились и даже, может быть, выразили благодарность властям, если бы не одно «но». При выезде из города на новое место жительства мигранты столкнулись с серьезным осложнением: приходилось изыскивать способы доказательства, что имущество, которое они вывозят, принадлежит именно им. Но, позвольте, обижались ошеломленные таким поворотом событий уезжающие, как это можно осуществить на практике? И действительно, КАК? Откуда взять чеки на приобретенные, допустим, лет десять назад, люстру, кресло, телевизор??? В результате эти кордоны, не принесшие никакой реальной пользы, значительно осложнили и без того кризисную ситуацию с расселением.

Но кордоны – это еще полбеды. Хуже было то, что в конце октября того же 95-го года на железнодорожной ветке Воркута – Хальмер-Ю вообще прекратилось движение поездов. Получилось как в поговорке: «Кто не успел – тот опоздал». При этом и в Минфине, и в Минтопэнерго России (равно как и в компании «Росуголь») были прекрасно осведомлены, что в официально расселенном поселке остались люди.

То есть получилось так: люди остались, а деньги кончились. Неизвестно чем закончилась бы печальная история Хальмер-Ю, не вмешайся в развитие ситуации В. С. Черномырдин, после чего в качестве дополнительного финансирования программы расселения были выделены пусть и не очень большие, но все-таки хоть какие-то средства. Однако и это не решило ситуацию в корне. Сроки-то все равно были нарушены. Людям предлагали для жилья недостроенные квартиры, жить в которых пока было невозможно, или общежития, или гостиницы Воркуты в качестве перевалочной базы. Поэтому многие жители Хальмер-Ю и не спешили покидать свои квартиры.

Но не тут-то было. «Против лома нет приема», и последних жителей выдворяли из города отряды ОМОНа. Выламывали двери, выкидывали на улицу вещи, после чего загоняли в вагоны последних идущих в направлении Воркуты составов. Спасибо, не бросили на морозе! Очевидно, властям надоело изображать политес и беспокойство в отношении простых людей и захотелось поскорее отчитаться наверх о проделанной работе. Очевидцы называют происходившее тогда в шахтерском поселке действие «убийством города», и точнее, наверное, не скажешь.

И как будто этого было мало, судьба Долины Смерти продолжала оправдывать свое исконное название. Одни пришельцы ушли, но их сменили другие: бывший шахтерский поселок Хальмер-Ю прибрали к рукам вездесущие военные. Отчасти их можно понять: специально строить полигон дорого, да и хлопотно, а здесь можно прийти на все готовое и уже никому не нужное. Вот и стали они использовать заброшенные постройки в качестве объектов. Реализм максимальный, теперь на 60 000 квадратных метров когда-то благоустроенной территории то и дело раздаются взрывы. А все остальное время – тишина. Долине Смерти понадобилось всего пятьдесят лет, чтобы вернуть себе изначальный статус.

И вот как это было. Рассказывает бывший житель «живого» поселка **Егор Мясоедов**.

Ностальгия... Греческое слово, означающее «тоска по Родине».

Родина... Слово, означающее место, где человек впервые вдохнул своими легкими воздух, издал первые, извещающие о его появлении на этот свет, звуки, место, где перерезают то, что биологически связывает новорожденного и мать, место, к которому он привязан до самой смерти, место, без которого он не представляет своего бытия, которое становится его духовной первоосновой, место, о котором человек не может не думать всю свою жизнь, мысли о котором согревают и указывают на преходящую и проходящую сущность переживаемых им после рождения событий... События наступают и проходят, Родина остается.

Родина... Хочу поведать вам о своей Родине, этом странном месте, обретшем для многих почти мифическую глубину. Место это носит, по словам издавна населяющих его окрестности людей, странное, в переводе на русский язык, название – «Долина Смерти». Название появилось после того, как на 68-й параллели, задолго до появления белых людей, ненцы гнали зимой огромное стадо северных оленей, и после оттепели вдруг ударил суровый мороз, покрытая снегом поверхность обледенела, и там, где небо встречается с твердью, образовался толстый слой льда. Пробить этот лед ни люди, ни олени не смогли. В итоге – гибель... С тех пор и повелось это название, на ненецком языке звучащее «Хальмер-Ю». «Ю» означает «долина», а «хальмер», сами понимаете что: «смерть».

Своеобразной иронией являлось то, что затем в этом месте рождались люди совершенно иных и между собой различных национальностей и мировоззрений... Сравнить это можно, пожалуй что с «Макондо» в «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса, получившего за описание подобного места Нобелевскую премию по литературе.

Так вот, Хальмер-Ю... Место рождения, обозначенное в моем паспорте... Не следует думать, что живущие там не знали плодов цивилизации, напротив, мы узнавали о них ранее, чем большинство наших ровесников. Происходило это по причине достаточного наличия денежных знаков, ведь позже мы могли запросто сесть на самолет и провести свои выходные дни в питерской «Астории», московской «Праге»...

Родина учила нас никогда не сдаваться. Глотать слезы обид и драться за свое достоинство, веруя в то, что тот, кто отстаивает свои взгляды на жизнь, кто готов драться за эту жизнь, за свои убеждения, тот станет тем, кем хочет... Что бы ни мешало этому... Где бы и кем мы ни были...

Где бы и кем мы ни были, каждый из нас помнит запах северного тепла... О, этот пьянящий запах очнувшейся после восьмимесячной зимы природы, стремившейся враз выплеснуть всю свою красоту. Каждую скоротечную весну он рвал наши ноздри и кружил головы...

Летом мы наслаждались безумной красотой освещаемого полярным ночным солнцем ландшафта, видели, как желто-красные лучи падают на синие горы Полярного Урала, а над всем этим великолепием ветер низко пронес редкие облака.

Но ветер перемен занес к нам нечто неосознаваемое ранее... На нашу Родину стали приезжать совсем другие люди. Эти люди, среди которых были немцы и американцы, говорили нам о нерентабельности добычи угля, о реструктуризации

угольной отрасли как таковой, о том, что скоро все станет лучше, чем есть, так как будет «рынок», о мудрых реформах Е. Т. Гайдара...

И вот наступило время большого предательства. Нашу Родину убили.

Шесть тысяч человек вдруг оказались жителями совсем других городов. На географических картах нет больше названия «Хальмер-Ю». От Родины остались лишь воспоминания, сны, фотографии и буквы в паспортах...

Осенью 2005 года ее убили повторно... Это сделал не кто-нибудь, а глава государства. Он, сидя в кресле пилота, нажал на кнопку, и ракеты попали в самое сердце, в Дом культуры, выбранный в качестве мишени для пробных запусков новых ракет.

Теперь уже никогда не войти в подъезд своего дома, в двери родной школы, не опуститься в шахту, где добывали редчайший уголь (подобные месторождения сейчас есть только в Монголии и в Аргентине). НИКОГДА!

Теперь там пепелище...

Но никакими реформами и ракетами не истребить в душах любовь к Родине и не вытравить из памяти время, когда каждый чувствовал личную принадлежность к Большой Стране и гордился тем, что он приносит ей пользу, а Родина отвечала взаимностью...

Ракеты президента бомбили поселок, а СМИ захлебывались восторженными возгласами «как удачно прошли учения». И никому не было дело до того, что чувствовали бывшие жители, когда их Родину превращали в руины. Лента. ru писала (<http://lenta.ru/articles/2005/08/17/putin/> (статья приводится в сокращении)):

Игра в запуски

Ракеты Владимира Путина влетели в окна и двери

Это очень приятное чувство. Думаю, что так летают во сне... Владимир Путин

День авиации

Во вторник, 16 августа, у нашего президента был самолетный день. С утра президентский вертолет (!) доставил Владимира Путина на аэродром в подмосковном Жуковском, где открылся седьмой по счету Московский международный авиасалон.

....

После официальной части Путин поприсутствовал на авиашоу, в ходе которого свое мастерство демонстрировали российские летчики из состава авиаотрядов «Стрижи» и «Русские витязи». А затем отправился на экскурсию по наземной части выставки.

....

Но очень вскоре Путин покинул авиасалон в Жуковском и все на том же вертолете направился на другой аэродром, Чкаловский. Следующим пунктом в рабочем графике президента стояло присутствие на крупных маневрах дальней авиации ВВС и Северного флота, которые открывались в тот же день в районе Североморска. Было решено, что на Север Владимира Путина доставит военный самолет – стратегический бомбардировщик Ту-160, прозванный «Белым лебедем» за свою невоенную белую окраску.

Пятичасовой полет, как отметили все российские СМИ, прошел успешно. Программа, намеченная для звена стратегических бомбардировщиков, была выполнена полностью, а была она – для неподготовленного человека на борту – непростой. Миновал Нижний Новгород на небольшой высоте, бомбардировщики выпустили четыре ракеты по условной цели на полигоне Пембой, расположенном под Воркутой в Республике Коми. Новейшие высокоточные крылатые ракеты дальнего радиуса действия Х-555, способные нести обычные и ядерные боезаряды, преодолевать до 3000 километров и пробивать шестиметровые бетонные укрытия, попали точно в цель – группу заброшенных зданий в тундре, вокруг которых

Министерство обороны уже расставило телекамеры, чтобы запечатлеть момент триумфа. «Две ракеты влетели в окна здания, а еще две – в дверь, то есть в те места, где были выставлены соответствующие отметки», – прокомментировал эффектный взрыв, переданный по всем федеральным телеканалам, военный источник в Москве. Что это были за отметки и как удалось определить, что ракеты попали именно в них, источник не уточнил.

Вот этот «полигон Пембой», презрительно названный ничем не примечательной «группой заброшенных зданий в тундре» – и есть поселок Хальмер-Ю. Как говорится, без комментариев. А военные отреагировали на запрос о том, почему поселок Хальмер-Ю превращен в военный полигон, следующим образом.

Ответ генерал-лейтенанта Хворова Мясоедову Егору на письмо о превращении поселка Хальмер-Ю в военный полигон

СКОРЕНА ЧАС...
= 14 102 =
24. 08 2005
№ 138/1/237
Москва

Мясоедову Егору Леонидовичу

Уважаемый Егор Леонидович!

Прочитав Ваше письмо, понимая Вашу сердечную боль, Ваши воспоминания о былом величии нашего государства в освоении Севера и в частности Большеземельской тундры, хочу Вам сообщить, что еще в начале шестидесятых годов прошлого века в 15-20 километрах северо-восточнее поселка Хальмер-Ю находился авиационный полигон с таким же названием.

В последующем распоряжением Совета Министров РСФСР от 22 июля 1969 года была отведена земля на территории Коми АССР (в 10 км севернее поселка) под боевое поле для периодического использования для государственных надобностей.

Как Вы понимаете и сами пишете в своем письме не может быть сильного государства без сильной Армии, способной защитить свой народ.

С развалом Советского Союза полигоны, находящиеся на юге, пригодные для использования Дальней авиацией, создававшиеся всем нашим многонациональным народом, отошли к вновь образованным государствам и оказались на чужой территории. Поэтому командование ВВС РФ было вынуждено восстанавливать прежние полигоны на севере.

Как нельзя лучше для этих целей подходит территория в районе бывшего поселка Хальмер-Ю, потерявшего статус административной единицы в конце 1995 года.

В настоящее время все деревянные постройки на территории бывшего поселка сожжены так называемыми «металлистами», т.е. теми, кто «добывает» черный и цветной лом в самом бывшем поселке и на шахтах. Кирпично-блочные сооружения разрушены от воздействия вечной мерзлоты и «деятельности» людей (может быть тех же «металлистов»).

Отвод земель под полигон был выполнен на основании Земельного кодекса РФ от 28 сентября 2001 года, в котором предусмотрены и нами были выполнены все процедуры вплоть до общественных слушаний, которым предшествовали публикации в местной печати и объявления по радио. Все вопросы землепользования согласованы с администрацией «МО г. Воркута», оленеводами, охотниками, рыбаками, природоохранными органами и всеми заинтересованными юридическими сторонами, заключен договор на периодическое использование земель для государственной надобности.

Как Вы пишете в своем письме, что «российские летчики.. расстреливают могилы соотечественников, разбрасывая их останки по тундре», мягко говоря не соответствует действительности.

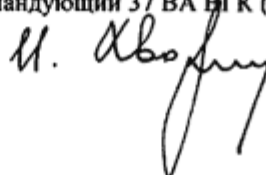
Заброшенный, сожженный, разграбленный бывший поселок и шахты вызывают уныние и грусть не только у Вас, но ни одна ракета не падала на кладбище и ни когда не потревожит могилы похороненных там людей.

С уважением

Командующий 37 ВА ВГК (СН)

генерал- лейтенант

23 августа 2005 года.

 И. Хворов

В Кадыкчане возведенные с таким трудом дома разрушаются сами. В Хальмер-Ю их уничтожают другие люди...

Будущее. Поселок живет в сердцах

Бывшие жители поселка, которых жизнь раскидала в разные стороны, не забыли о том месте, где они родились и где выросли. Они помнят, они скучают. Они ищут возможность вернуться, хотя бы и на руины.

Я, например, скучаю по конкретной свободе, которая была в поселке повсеместно, ведь можно сравнить наш поселок малость с диким западом – офигенные просторы, где человек ощущал себя и в правду венцом природы и вершителем своей жизни, где все возможно, но иногда очень опасно. Не это ли был вкус самой настоящей жизни, которую даже рядом сравнить нельзя с нашей суматошной, закомплексованной и американско-потребительской жизнью на Большой земле. И если я поеду в Хальмер-Ю, то, наверно основной причиной будет эта: вспомнить и испытать еще раз все ощущения настоящей, не пластиковой, даже где-то малость первобытной, жизни; так сказать, поговорить с духами предков которые превыше всего ценили свою личную и свободу вообще.

Василий N

Я, наверное, скучаю о том, что ТУДА невозможно вернуться. В смысле вернуться в живой поселок, домой, к корешам, в поселок, как ТОГДА...

Когда подъезжаешь в Воркуте к площади металлистов (даже гораздо раньше, наверное, когда в Москве садишься в воркутинский поезд), уже начинало «свербить», дальше «примыкание», знакомые лица, практически родня, поезд, Седловая, Сыр-Яга, ближе, ближе, подъезжаем к Х-Ю... приехали! а на остановке твои кореша, которые пришли ПРОСТО ТАК встретить поезд, «здарова!», «как там на югах?», «нормально»... Вдыхаем чистый воздух, слышим шуршание шлака (или хруст снега) под ногами, идем домой. А дома уже не терпится быстренько все побросать и на улицу... Вечереет, площадь перед ДК, народ прогуливается неспешно, кто в центре, а кто «вокруг поселка», читаем афишу: «Сегодня танцы..», круто, просто ЧУМА, там можно многих встретить, и слышно уже, как Толик Зурау наверху «разминается» на барабанах... Пару кругов вокруг поселка, встречи... ненадолго домой, вечером в ДК. Завтра съездить на шахту, там отдельная песня, поколобродить там немного, прогуляться с кем-нибудь по железке до первого ручья или до «холодильника»...

А сейчас можно съездить туда, навестить руины... и только.

Андрей N

А я скучаю просто по всему!

По людям – с открытой душой, по запаху морозного воздуха, по весеннему разливу в тундре, по белым ночам – просто, по всему.

У нас здесь хорошо, но не так.

Алексей Емельянов

Жители возвращаются...

В августе этого года 17 бывших жителей поселка совершили почти невозможное – они поехали в Хальмер-Ю. Их захлестывали эмоции, ожившие воспоминания и новые впечатления и переживания... Но они сделали это!

Лера семина

Из поселка я уехала в 17 лет в 1987 году. Тогда он был еще живой, и, конечно, я думала, как бы вырваться уже в большую жизнь, в крупный город, в цивилизацию. Поселок снился постоянно. Чаше наши Уральские горы. Прошло время, поселка уже не стало, а сны все снятся. Очутиться там хотела всегда, но желание переросло в мечту, впоследствии, как мне казалось, уже несбыточную, после расформирования поселка. Тем более проживала я в Сибири, и расстояние и отсутствие поселка как-то запихивали мечту на дальний план. Но после создания нашего сайта (спасибо Славе Белянскому) люди стали находить друг друга и

выплывать уже забытые события. На сайте встретила своих одноклассников, чему была несказанно рада. И конечно решение ехать созрело сразу, поскольку я теперь уже намного ближе жила к Северу, в Санкт-Петербурге.

Главной целью было для меня окунуться в то состояние детства, когда все было хорошо и беззаботно, в те ощущения бытия на крайнем Севере. Побывать снова в тундре, ощутить ее первобытный запах, посмотреть на бескрайние пространства и прочувствовать небо, одно большое и низкое небо. И даже по прибытии мне, конечно, было грустно от созерцания руин, но поселок в памяти остался образца 1987 года, и ничто не могло стереть эти живые впечатления.

При въезде в поселок, а мы приехали ночью, на дворе стоял уже не полярный день, а полярные сумерки, на поселок опустилась сырая серость, и въезжая в него, на нас из тумана наплывали разрушенные дома с темными глазницами окон. У всех стояли слезы, которые пытались прятать, но все настолько были эмоционально открыты, что поначалу, конечно, всех немного прибило, особенно тех, кто не был в поселке очень давно.

Потом у костра мы болтали, делились своими впечатлениями – да все и приехали для того, чтобы окунуться в то состояние своего детства, – поселок с населением 3–5 тысяч, одной общеобразовательной школой, одной музыкальной школой и двумя детскими садиками. В школе две параллели, все друг друга знают и не только по школе, а еще и по всевозможным клубным кружкам и мероприятиям. Вспоминали политинформации, учителей, всевозможные приколы из школьной жизни, участниками которых мы были сами. Да и в школе внеклассная жизнь была очень насыщенной, многочисленные линейки, смотры, праздники, детская самодеятельность. А какая интересная детская жизнь вне школы – рытье туннелей в сугробах, катание на лыжах, просто праздное болтание по улице, охота за снегоуборочными машинами и залегание под струи снега и льда. Катание с горок, прыганье по крышам сараев, создание каких-то группировок, дружба, которая остается в памяти навсегда.

Всего две программы ТВ и одни и те же впечатления от всего увиденного. Один клуб и танцы и дискотека. А репертуар фильмов, мы их долго вспоминали у костра, вспоминали героев, делились впечатлениями. Конечно, жизнь насыщеннее была у мальчишек, а девчонки все больше ходили стайками, пытались хорошо учиться. А еще летом, нас, детей, сажали в эшелоны и отправляли в пионерский лагерь на юг, к морю, или в Подмосковье. Кто-то был в Геленджике и рассказывал, что лагерь теперь стоит заброшен, зарос, и никому не нужен.

А наша суровая северная природа, полярный день и полярная ночь. И небо, низкое настолько, что создается впечатление, что оно прямо над тобой, стоит протянуть руку. А в белую ночь ждешь, когда исчезнет облачность имотришь на солнце, которое не заходит, а просто катится по горизонту. И все идут на улицу гулять.

А северное сияние. Если оно многоцветное, люди просто выходили из домов на него посмотреть. Стояли кучками и обсуждали. А еще сошлись во мнении, что небо необычное, низкое, серое и обязательно узкая розовая полоса над горизонтом. А тундра, бескрайняя и бесконечная, теперь я понимаю, почему мне нравится высота, с нее открывается такой же вид, как с земли в тундре. Столько воздуха и чистоты. В современных мегаполисах, где окно в окно и нет растительности, такого, конечно, не увидишь.

Еще же к нам в поселок приезжали местные аборигены на оленьих упряжках, и мы, дети, угоняли у них упряжки и пытались прокатиться по поселку. За что, естественно, получали нагоняи.

Вот все это мы, взрослые люди, семейные и устроенные по жизни сидели, пили водку и вспоминали у костра, очень живые воспоминания и одни и те же у всех. Очень много каких-то «приколов» приходило на ум, было просто весело, все смеялись, шутили и хохмили. Это нас очень роднило...

Наше прошлое проживание в поселке было достаточно жесткое в плане климата, многие люди после переезда из поселка не смогли вынести смены климатического пояса, и многих, особенно пожилых, нет уже в живых.

Сейчас бывшие жители живут в разных регионах нашей страны, обычно жилье

всем давали в одном городе, в одном доме, и общение все-таки продолжается, соблюдаются поселковые традиции, такие как отмечание Дня шахтера и Дня строителя. Вот так, такие мини-Хальмер-Ю существуют во многих городах, как брызги прошлой, счастливой жизни.

У меня было в свое время много походов с друзьями, близкими и не очень людьми. Но никогда мне не было так невыносимо тоскливо расставаться с ними, как сейчас, с моими земляками. На вокзале все пытались как можно быстрее разойтись, чтобы не тянуть эти минуты прощания, а потом просто произошло отключение от всего внешнего мира на несколько дней. Блуждание в сомнамбулическом состоянии по улицам и воспоминание всего пережитого.

Сейчас, спустя некоторое время, мы на форуме начали делиться теми глубинными эмоциями, которые пришли уже после поездки. Эти воспоминания стали просто вываливаться из памяти, как отдельные самостоятельные кадры давно забытого фильма под названием «Хальмер-Ю». И приходишь к мысли, что наше детство и юность, в нашем маленьком, оторванном от цивилизации поселке, были самыми лучшими и счастливыми. Очень хочется, чтобы это хальмерюское сплочение просуществовало долго и мы не единожды повстречались в нашем забытом богом северном поселке.

Андрей Минулин

Помню в нашем дворе между сараев мы построили такой ШТАБИЦЕ, с такими ходами! Слава богу, снега было немерено.

А помните, на Туру всегда в выходные ходили, с горок покататься. С термосом и бутерами. Потом помню одно время в моде были короткие лыжи. А на физкультуре бегали на лыжах по полю за пожаркой и вокруг башни.

К слову сказать, я такую подготовку получил в нашей школе по лыжам, что был ЧЛЕНОМ сборной академии по лыжам. Коньковый ход – просто как по маслу. Встал на лыжи и вспоминать ничего не надо было – ручки и ножки сами все вспомнили. Такую технику сразу заметили – и пришлось потеть за честь ВУЗа.

Еще, земляки мои, хочу добрым словом вспомнить тренера по вольной борьбе, Полового Александра Борисовича. Для меня лично этот человек много значил и навсегда остался в моей памяти и в моем сердце. Сколько раз мы воркутинских драли на соревнованиях. Высоко несли знамя хальмерюнского спорта.

Еще в спортзале помню волейбольная секция была – Дымов-старший вел. Бокс был, тяжелая атлетика – «Хочешь быть здоров, как слон, – жри метандростеналон».

А за спортзалом была горка, с которой на санках катались. Темными зимними вечерами, когда на улице темно, за спортзалом было как днем – светло. Мы там часто вечером катались на санках. Выходишь вечером из спортзала после окончания тренировки, а на улице фонарь горит, безветренная погода, тишина... постоишь у дверей спортзала с пацанами, потрепишь о событиях дня, потом идешь по хрустящему снегу до площади, а оттуда по центральной дороге до «второго» за вареной колбасой по 3 р. 60 к. Потом от «второго» по накатанной ледяной дороге прокатишься на ногах вниз до почты и заворачиваешь на родную улицу Попова.

Это можно описывать долго, вдаваясь в каждую мелочь, в каждую подробность. Ведь это так важно. Память у меня проснулась в последние дни. До этого трудно было вспоминать. По крайней мере, не так детально. Были смазаны расстояния и размеры. Сейчас же, после посещения поселка, как будто открылся кусок памяти, который раньше просто лежал и ждал своего часа.

Мне сильно запомнился один момент из похода. Я еду на велосипеде (спасибо все-таки ребятам большое! Михе и Андрюхе Столярову) от «второго» вниз и поворачиваю на Попова направо и еду по своей родной улице детства. Велосипед скрипит своей цепью, надо мной молочное низкое небо, где-то слышны голоса (наши в лагере «жгли» и «давили»), и на миг у меня появилось ощущение, что все осталось на своих местах и никуда не пропало. Поселок ЖИЛ!..

Андрюха Михайленко, наш геолог, у костра в походе как-то сказал, что хотел бы

он хотя бы на 5 минут оказаться в живом поселке. И я понял, что тогда я «поймал», «словил» это ощущение и на момент проникся, прочувствовал то, о чем сказал Андрюха. Наверное, я по-своему был счастлив в тот момент... На велосипеде... На моей родной улице... В родном поселке...

Знаете, я считаю, что в определенном смысле нам повезло. Повезло с тем, что расселили нас нормально по России, хотя бы давали квартиры всем. Насколько я знаю, потом на других шахтах всех просто выгоняли восвояси.

Повезло, что нас бомбили. Как бы это скарежно и хреново ни звучало. Повезло, потому что это нас так сильно объединило! Хрен с этими двумя воронками и дырой в клубе! Зато, вы посмотрите, как мы связались вокруг этого.

Рассудите меня, дорогие мои земляки, если я говорю не так. Я сейчас говорю свои мысли, выкладываю куски памяти о детстве, о Родине, о прошлом и будущем...

Михаил Пастухов

Теперь я знаю, как болит ДУША! Как мне было плохо, когда в Москве мы разбежались в разные стороны... Вот так просто в одно мгновение наша зажигательная БАНДА растворилась в проблемах и заботах... а поездка в Хальмер-Ю сразу стала историей...

Грустно, конечно, но, как говорится, нет худа без добра, зато мы в поселке помирились с Геологом, нашли в прошлом где был зарыт «топор войны», откапали, разобрались и оставили его в поселке, так что обещанного мной аватара, с макияжем на лице Геолога, не будет, у нас теперь с «родственником» совсем другие отношения.

Мы 4 часа с Москвы до Коврова ехали молча (уж очень плохо было), потом во Владимире попили кофе, взяли один пирожок с капустой на закуску (а больше и не надо было) и пили в автобусе водку на бруньках прямо с горла, причем по несколько глотков сразу, так чтобы сразу полегчало, и не закусывая, так для понта, понюхаешь пирожок и все. Соседи сзади, до этого о чем-то постоянно бубнившие, затихли и просто, наверно, обалдевали с двух внезапно разговорившихся «отморозков» обсуждающих какой-то север, морошку, низкое небо, 50 литров водки, всматривающихся в экраны фотиков и глупо улыбающихся. а потом опять было плохо.

Моя говорит, что я первые три дня ходил как зомби, отвечал на вопросы только «да», «нет», «давай потом поговорим». Но, время лечит, все будет хорошо.

Не надо напрягаться, надо радоваться! Жизнь продолжается! И я рад что судьба свела меня с ВАМИ!

Мы сделали это! Мы съездили в Хальмер-Ю! Мы там были!

Заключение

Завершить книгу хочется песней о Хальмер-Ю. Песней, от которой разрывается душа. Песней – сильных людей, которых не сломали обстоятельства, и которые продолжают жить и помнить. И хотят, чтобы память о мертвых городах и поселках осталась в веках!

Никто не забыт и ничто не забыто!

Песнь о Хальмер-Ю

У седого Урала, где все ветры вольны,
В сотне верст от Ямала и от Карской волны

Есть поселок-крупца на ручье Хальмер-Ю,
Одинокою птицей он парит в том краю.

Он, как путник в дороге, севший лишь отдохнуть.
И уснувший в тревоге – труден был его путь.
Все полярные зори тают над Хальмер-Ю,
Бело-синие горы шепчут сказку свою.

Широта – не преграда для горячих сердец,
«Камень солнца» – награда, Север – мудрый отец.
Нет шахтеров смелее, пусть они чуть круты,
Нет просторов милее, чем вокруг Воркуты.

Тундра край отважных, окрыленных мечтой.
Старожил здесь не каждый и не каждый 6-й.
Пусть пурга хороводит и бушует метель,
Пусть в июне приходит долгожданный апрель.

Предположительно: муз. А. Баас, слова А. Пасичник

Благодарности и полезные ссылки

Общественный проект PRIPYAT.com

<http://www.pripyat.com/>

Общественный проект PRIPYAT.com основан в 2004 году как неофициальный сайт Припяти. Предполагалось, что сайт станет своеобразным памятником погибшему городу и центром общения для припятчан, разбросанных по всему миру. Но проект рос и развивался, так что со временем к первоначальным приоритетам добавились новые. Ныне PRIPYAT.com стал неофициальным сайтом не только города Припять, но и всей 30-километровой Зоны Отчуждения. Здесь можно узнать все о Чернобыльской АЭС, о причинах аварии и работах по ликвидации ее последствий, о состоянии Зоны и нынешней жизни ее обитателей.

Чернобыльская зона – не просто место тяжелой техногенной катастрофы. Это – древняя и вечно красивая полесская земля. Это – памятник ушедшей советской эпохи. Это – уникальный заповедник, где на смену человеку приходят ранее вымиравшие виды флоры и фауны.

Аудитория сайта постоянно растет: каждый день его посещают более тысячи человек. Ведется работа над английской и немецкой версиями проекта. Постоянно пополняется фотогалерея и библиотека опубликованных материалов.

Отдельное направление деятельности сайта – защита Зоны. Брошенный город беззащитен перед мародерами и любителями экстремального туризма. Участники проекта борются за то, чтобы Припять была признана городом-музеем и взята под охрану.

Проект PRIPYAT.com – это место для всех, кто любит этот город, его короткую цветущую молодость, его страшную судьбу, нынешнее затаенное одиночество и его будущее. До тех пор, пока существует сайт, живет и город Припять.

Издательство приносит личную благодарность за предоставленные фотоматериалы *Максима Лопатина, Danila85* и редакторскую группу сайта pripyat.com, а также благодарит за помощь в подготовке книги основателей сайта: *Ивана Давидчука, Владислава Витвицкого, Андрея Слюту*; редакторскую группу и главреда: *Александра Сироту, Юрия Татарчука, Максима Крыгина*; управляющего разделом *Дмитрия Браткина*.

Хальмер-Ю

<http://www.halmer-u.narod.ru/>

Этот маленький сайт создается для всех бывших жителей Хальмер-Ю, которые хотят найти всех старых друзей, с которыми расстались при закрытии поселка.

<http://halmer.newmail.ru/>

Альтернативный сайт о поселке Хальмер-Ю. Много интересной информации и ссылок о поселке.

Издательство приносит огромную благодарность за предоставленные фотоматериалы и помощь в подготовке книги сайту [halmer-u.narod.ru](http://www.halmer-u.narod.ru/) и его создателю Вячеславу Белянскому, а также всем участникам поездки в поселок Хальмер-Ю, в особенности: *Лере Семиной, Андрею Микулину, Игорю Меринову, Сергею Григоровскому, Алексею Емельянову, Михаилу Пастухову.*

Кадыкчан

<http://kadykchan.narod.ru/>

Здесь встречаются те, кому дорог Кадыкчан и его люди. Здесь размещается информация которую присылают о себе бывшие жители и те, кому безразлична судьба Кадыкчана.

Off-road клуб «Shatoon»

<http://www.shatoon.ru/>

Владивостокский off-road клуб «Shatoon» создан в 1999 году группой любителей путешествий и приключений. Клуб является членом «Ассоциации трофи клубов России».

Цель существования клуба – объединение людей, равнодушных к «внедорожным» приключениям, и организация совместных джиперских мероприятий – от «покатушек» выходного дня до соревнований и крупномасштабных экспедиций.

Все мероприятия проводятся в Приморье – в самом деле, чего-чего, а плохих, очень плохих и полностью непроходимых дорог в Приморье – предостаточно. Маршруты прокладываются по наиболее интересным и труднодоступным уголкам края.

Издательство приносит огромную благодарность *Александру Холянову* за предоставленные фотоматериалы.